

ВЛАД МИТРИЧ

ЛЕНА

Уставшая от забот женщина по имени Лена находит новый Айфон последней модели. С виду телефон телефоном, обычный, розовый, но возможностей в нем оказалось столько, что дух захватило. Жизнь женщины меняется кардинально. Колдовской аппарат, не простой — и жесткий, и сладкий одновременно; но главное в нем — власть, а за нее платить всегда приходится.

Глава 1. Находка

Лена, точнее Елена Сергеевна, была обычной русской женщиной. Разве что кони на ее пути не встречались, да избы не горели, да муж не бил. В остальном — все по Некрасову, если кто помнит это пресловутое «все». Но если совсем по-чесноку, то не бил первый. Не первым, а именно первый. Второй муж пару раз по пьяни прикладывался из ревности. Лена убежит с детьми к маме, поревет в подол, выслушает материнские слова утешения, выпитает мудрые мамкины советы «бросать ирода», со всем согласится. Подождет, пока фингал рассосется, поугрожает мужу по телефону, внесет в черный список, чтобы не надоедал звонками, и вернется обратно к родному-любимому; повинному, горем убитому. Простит. Знала за собой грешки — не на ровном месте муженек к любому столбу цепляется.

Неизвестно, знал ли об этом Некрасов, или не подозревал даже, но не писал об этом точно: простая русская баба Елена очень любила удовольствия всех разновидностей, в каждом возрасте предпочитая свое. За исключением, пожалуй, одного стабильного наслаждения, актуального всегда, от младенчества до сегодняшнего момента — вкусно поесть. Потому и научилась изумительно готовить, потому и набрала лишний вес, потому и шерстила в интернете рецепты, потому и тратила на продукты не по доходам иного; и мужа раскормила, и заедала другое востребованное, но не до конца исполняемое желание, — неутоленную жажду секса...

Она была далеко не глупой, возможно даже «светлой головой», но характер имела общительный, непосредственный, воспитанием не замутненный, без зауми. Не склочный, но и обиды попросту не прощающий, немного истеричный и легко плаксивый, не в меру, пожалуй, импульсивный, даже во вред себе, и заметно ленивый. Из-за нее, проклятой, не пошла в десятый класс, а избрала легкий путь ПТУ, которое окончила с отличием, и за-за нее же, не сумев пересилить себя, на последнем курсе завязала с дипломом в заочной «вышке» по экономике. Отвлекало все: муж, дети, работа и любая иная причина, ложащаяся в тему, когда неохота учиться. Как можно отказаться от похода в кафе-ресторан, в ночной клуб, в караоке, в гости к друзьям или родственникам, от подготовки к приему гостей дома или просто от вечера с пивом и сушеной рыбкой, развалившись на диване перед теликом? Верно, никак.

Работы меняла как перчатки. Продавщица, уборщица, снова продавщица, когда научилась хитрить и не восполнять недостачу, а наоборот, извлекать прибыль помимо заработка. Потом поплавала в ИП на рынке и жизнь более-менее затормозилась на профессии риэлтора, где не требовалось придерживаться четкого графика и проходило много общаться, что ей очень нравилось.

Доходы были так себе: когда густо, когда пусто. Кредитов масса. Как можно отказаться от покупки машины, от нового смартфона, от метрового телика с ноутбуком, от удобного компьютерного кресла и от кучи очень нужного и, как назло, дорогого барахла? Да никак! Муж в плане работы был под стать ей — посменно трудился в должности охранника и в ус не дул. Несмотря на назойливое жужжание жены. Выручало еще то, что в квартиру был вложен материнский капитал, и за хроническую задолженность по коммуналке ее никак не могли забрать. Повезло еще, что первый муж оказался порядочным и исправно гасил ипотеку в счет алиментов. Да и денежек подкидывал на то, да на се. От сыновей откупался, которые в его новую жизнь не очень-то вписывались. Своих детей заимел. В общем, жизнь у

Лены была самой обычной, среднестатистической.

Зато сама она от среднестатистической тридцатипятилетней женщины отличалась сильно. Как она ела! Это песня. Вкушала, лущась удовольствием. «Ой, как вкусно», — часто мычала вслух, откровенно постанывая от удовольствия в зависимости от степени голодности. У сытого слюна потечет. Спала также с удовольствием. Ангелочком спала, блаженно и сладко, как младенец в кровати. В последнее время стала похрапывать, но и это ей шло. Танцевать любила и пускалась в пляс в любом месте, и все на нее, открыв рот, смотрели. Органично врожденная пластика, чувство ритма, детские уроки современного танца, отрешенно-счастливая улыбка — и зал расступался. Мужики поедали глазами, женщины нервно завидовали. Муж гордился и ревновал.

Девственности она лишилась в семнадцать лет по большой любви. Как будущий муж ни старался, но запомнилась только боль. Потом пришло удовольствие, первые оргазмы и развод. Не из-за секса, который она тогда впереди телеги не ставила, а из-за характеров. Он — обстоятельно-последовательный, старший на десять лет, а она молодая, ветреная, бестолковая. Любовь куда-то ушла. Двоих детей, впрочем, нажать успели.

Ко второму тоже было яркое чувство. Покорил он ее своей брутальностью — бил всех, кто косо посмотрит, в отличие от мягкотелого первого. Да и куда ей с двумя детьми деваться? Замуж позвали — и то радость. Она не хитрила, сразу предупредила, что с обременением. «Зато с квартирой», — дополнила на всякий случай, как бы в шутку. Он повелся.

А как она жаждала секса! Лет с четырнадцати, когда месячные урегулировались, мальчики в голове не успевали меняться, появлялись и исчезали взрослые мужчины, почему-то похожие на отца; влюблялась легко, отпускало тоже без вскрытия вен, и разговоры с подругами всегда скатывались к ним, к пацанам, а позже к мужикам-дебилам.

С первым мужем она себя полностью не раскрыла. Секс случался по-разному. Когда каждый день, а когда раз в неделю. Иногда кончала по несколько раз, иногда просто было приятно. Но не заморачивалась. Дети, быт и все остальное отвлекало. Но с возрастом желание нарастало. Второй муж сначала был как песня: вовремя, глубоко и складно — оргазмы омывали с головы до ног... но постепенно счастье угасло. Лена заподозрила, что муж переболел нехорошим или головой почему-то двинулся, но извергаться стал слишком быстро, только-только ее заведя; и на боковую, храпеть. Разговоры ни к чему не приводили. От болезни муж отнекивался, скорую разрядку объяснял усталостью, и вообще, испытывая вину, от подобных бесед увиливал. А чувство вины — поганое чувство, оно только усугубляется без осознания... и тогда в жизни Лены появились любовники.

Первым, самым надежным и безотказным оказался, кто бы мог подумать, ее же палец правой руки. Когда-то в детстве подглядев за мамой, она переняла привычку обязательно подмываться после секса. Поначалу в ванной занималась только этим, не испытывая особенного желания продолжить ласку, но последние года три все изменилось. Когда это случилось в первый раз она не запомнила, но то удовольствие, что приносили ей ее же пальцы втемяшилось в голову намертво. Будто клин в колодку вбили — не выдернешь. Оргазмы накатывали один за другим, неслитно. Взлетала в небеса и возвращалась на землю, сладкие судороги били тело от пальцев ног до кончиков волос на голове, прикусывала губы, чтобы не вопить от счастья. Наконец, уставшая и удовлетворенная ложилась под бочок к мужу и засыпала.

Но самоудовлетворение корень вопроса не решало. Всегда хотелось живой мужской

ласки. Настоящего самца хотелось. По любви или нет — не так уж и важно, но первое, разумеется, предпочтительней. Стали сниться «чужие» мужики с крепкими торсами и задницами — орехами. Их члены представлялись от микроскопических до гигантских, словно в детство впала. Мастурбация приносило короткое расслабление и только, поэтому и появлялись видения, которые мучали ее когда-то давно, в годы целомудренной юности после просмотра секретной родительской кассеты с порнухой.

Второй любовник снялся легко. Муж трудился в ночную смену, дети, как случалось частенько, ночевали у бабушки, а Лена с подружкой зажигала в клубе. Тогда она перебрала с выпивкой и молодых парней, подсевших к ним за столик, приняла благосклонно. Compliments, шутки, намеки, восхищение ее танцевальным искусством и прочее. Мужики изволили расплатиться за девушек, с условием продолжения банкета у них дома. Они с подружкой позволили себя уговорить.

Парень был сильно нетрезв, поэтому долго, как тот же отбойник, работал, не покладая члена. Лена скончалась вся, насквозь, удовлетворилась полностью и надолго. Позже еще пару раз с ним встречалась, но в трезвом виде первый удачный опыт не повторился. Любви к нему не испытывала ни грамма. Бросила того молодого человека не задумываясь. Или он ее бросил, кто разберет?

Потом появлялись другие, чаще одноразовые, но жизнь вновь и вновь возвращалась в привычную семейную колею. Шлюхой Лена себя не считала и угрызений совести не испытывала. Ну, может быть, чуточку. Потому и терпела не такие уж частые синяки под глазами. А муж будто нутром чуял измены.

Середина лета, пошли первые грибы. Лена была фанаткой тихой охоты. Она, дети с мамой, муж и ее младшая сестра разошлись по лесу веером. Лена оказалась одна. Неудачно оступалась, поскользнулась на сырой траве и скатилась, пробив старый дерн, в какую-то яму. «Черт!», — вспыхнула первая мысль.

— Эге-гей, спасите! — проорала маме и мужу. — Ау-у! — в ответ тишина. И только прокричавшись, пересилив панику, посмотрела под ноги. Лучше бы взор не опускала.

Она сидела на трухе, в которой четко угадывались кости, причем, скорее всего человеческие. Очень уж они походили на скелет в кабинете биологии. Череп от удара откатился в сторону, а грудная клетка проломилась ее же задницей. Истлевшие ребра торчали словно редкие зубья на старой расчёске.

— А-а-а!!! — крик ужаса вырвался сам по себе.

Лена вскочила, отбежала от трупа, сгруппировалась, прикрыв лицо руками, и все орала, и орала. Никто ее не слышал.

Успокоиться удалось не сразу. Взяв себя в руки, замолчала и принялась выкарабкиваться самостоятельно. Яма оказалась не такой уж и глубокой — метра два в ширину и полтора до поверхности прямо над скелетом. Пришлось, приглушая замирания сердца, вставать прямо на него, морщась от хруста сминаемых костей. Брезговала, боялась, но деваться было некуда. С пятой попытки выбраться, наконец, удалось. Заползла на твердую поверхность и, раскинув руки, решила насладиться полным счастьем. Внутренне хохотала и представляла, как будет рассказывать о приключении, как вдруг...

В правой руке обнаружилось зажатое нечто. Когда она его схватила — из памяти выветрилось. Полуистлевший холщовый мешочек, набитый, казалось, одной лишь грязью. Шнурок рассыпался от небольшого усилия и в ладонь Лены выпал бесформенный кусок бересты или чего-то на него похожего. Заинтересовалась, разумеется, попыталась

развернуть... но «береста» неожиданно вспыхнула.

Ей показалось, что в отключке она была несколько секунд, но голоса, доносившиеся от места, где была припаркована машина, говорили о гораздо большем времени.

— Мама, ау! — раздавались звонкие голоса сыновей. — Ты где? Иди к нам! Ау, мама! Домой пора, не блуди, пожалуйста!

С двух сторон наступали воззвания мужа, мамы и сестры:

— Ау! Ау, Лена!

— Здесь я, здесь! — опомнившись, прокричала Лена и, кряхтя, пошла на голоса. Откуда такая усталость? А что в руке?

В правой ладони обнаружился новенький блестящий айфон последней модели. Розовый, в стильном чехольчике. Всю жизнь о таком мечтала, но цена... Очень много на нее навалилось сегодня, поэтому не особо задумываясь, не радуясь и не сожалея, чувствуя в основном безразличие, спрятала найденный в древней яме современный смартфон в карман. Потом разберется. После, все после...

Только дома, закрывшись в туалете, Лена рискнула изучить находку. Телефон, как телефон, разве что статусный. Как он оказался в яме рядом с давно истлевшим трупом Лены ни капли не заинтересовало; и то, что айфон ранее был берестой, не смутило нисколько. Все это ускользало из сознания как совершенно незначительный казус, о котором и задумываться не стоит. На экране меж тем светится надпись: «вставьте сим-карту». Вставила, вытащив из старого Самсунга. Подошла прекрасно. Заряд показывал стс процентов.

«Хотите стать полноправной хозяйкой устройства?», — новая надпись. Две кнопки «да», «нет». Разумеется, «да». «Прочитайте условия лицензионного соглашения и, если согласны, приложите большой палец к указанному месту». Пролитав длиннючий список условия, разумеется, не читая, прикоснулась большим пальцем правой руки к выделенному красным ободком квадратику и громко охнула от неожиданности — будто разряд тока сквозь тело прошел, ни одну клеточку не минуя.

Из детской спальни доносились звуки компьютерной игрушки, сыновья — погодки оживленно, до ругани, спорили, а муж лениво выдал:

— У тебя запор, что ли? — и хохотнул, глотая пиво. В большой комнате, она же зал и спальня, шумела другая игрушка, «Танки». Муж фанател от нее.

Лена не ответила.

Айфон тем временем выдал очередную надпись: «Ваше основное желание принято, идет компиляция. Ждите сообщения». Экран погас и телефон превратился в простой телефон, если так можно назвать дорогостоящую приблуду стоимостью в подержанную иномарку, со всеми приложениями, зарегистрированными на нее, на Лену Гуляеву, словно она сама перекинула все свои связи, фото и видео из Самсунга в Айфон. Об отсутствии зарядного устройства почему-то не беспокоилась, как будто точно знала, что оно не понадобится.

Разблокировался смартфон двойным касанием любого пальца и Лена была твердо убеждена, что только ее пальца, а не чужого. Откуда брались знания и убеждения, она не понимала и понимать не желала. В голове — полнейшая сумятица, в душе — буря чувств, которые можно охарактеризовать одним словом — Бинго! С большой буквы.

Глава 2. Неожиданные открытия

На нетвердых ногах Лена вышла из туалета, даже не попытавшись обмануть бдительного Серегу сливом бачка.

На балконе, отрешенно пройдя мимо увлеченно играющего мужа, чтобы унять шальные нервы, решила закурить. Ревели моторы тяжелой бронетехники, грохотали разрывы, в голос матерился Серега, а в кармане домашнего халата завибрировал и запиликал айфон. Впервые. Не успев крутануть колесико зажигалки, Лена механически достала смартфон.

Экран предложил выбор:

«Желаете ли бросить курить?», «да», «нет».

Ошалевшая женщина, не задумавшись, нажала «да».

«Чем хотите заменить данное удовольствие?» и снова выбор из двух вариантов: «оргазм», «леденцы».

Ничего не соображающая Лена, подумав о некрасиво растущем животе и вытаращившись на странную надпись «оргазм», разумеется, выбрала его. Не прошло и пары секунд, когда внизу живота стал разгораться пожар. За несколько ударов сердца он из нежного тепла превратился в безумно приятный огонь с пульсацией, щель между губок намокла. В промежности засвербело так сильно, как никогда не свербит в носу перед чихом, когда понимаешь, что не чихнуть невозможно. Наплевав на все и вся, Лена, просунув руку за резинку трусов, сделала несколько скользких продольных движений. Неописуемо сладких. И разрядилась... оргазм прежде всего поразил ее четко ожидаемой неизбежностью. Никогда так небывало, никогда не появлялась твердая уверенность в наступлении пика сексуального наслаждения, всегда имели место сомнения. Но вдруг, появляется знание, что стоит лишь чуть-чуть постараться...

Сладкий стон сдержать не смогла. На ногах устояла с трудом. Раза три приседала на ватных конечностях, пропуская по бедрам волны судорожного наслаждения, вцепившись левой рукой, сигарету давно потерявшей, за перила балкона. Но самое необычное ощутила потом, когда пик наслаждения схлынул, оставив приятную расслабленность — это чувство горечи, которое поселилось в горле, будто она накурилась на неделю вперед. Желание вдохнуть табачный дым пропало бесследно, словно его никогда и не существовало.

Муж ничего не заметил. Дети тоже. Возможно, из соседних домов кто-то что-то увидел, но наверняка ничего не понял. Вышла баба на балкон покурить, почесалась, повисела на оградке и забыла зачем выходила. Дура какая-то.

Лена обработала грибы, пожарила с яйцами, луком, картошкой, запекла под корочкой сыра, в общем, сделала вкуснятину с невыговариваемым названием. Добавила чесночно-сметанный соус и вуаля, ужин готов. Пальчики оближешь! При этом во время готовки непрерывно трещала по телефону, пользовалась ватсапом и вайбером, общаясь по видео; хвасталась кулинарным умением и, разумеется, не удержалась сообщить всем про обновку. Странно было, что дети и муж новейший айфон не замечали. Видеть, конечно, видели, но оставляли без внимания. Лене даже обидно стало. Ждала от Сереги концерт со сценой ревности и такой облом!

Во время ужина, когда дети как обычно похватили порции и скрылись в своей комнате, с чем безуспешно боролся исключительно нынешний муж, а не пофигинская мамаша, Лена специально выложила смартфон на стол.

— Не видишь, что ли. Серега? — не выдержала Дена.

— Что? — удивился муж, жуя запеканку и запивая ее пивом.

— Айфон у меня, видишь?! — Лена покрутила аппаратом перед носом мужа. — Последний, между прочим! Как наша машина стоит, дурак ты безглазый! — приврала, не поморщившись. Лишь бы внимание обратил. — На, изучи! — с этими словами в сердцах бросила ставший ей ненавистным прибор рядом с тарелкой мужа. А хотела попасть, кривоглазая.

— О-ох, — искренне простонал Сергей и все-таки отвлекся от вкусной еды. — Вечно ты проблемы из обычной херни высасываешь... сколько можно, Лен! Втемяшится тебе в бошку херня какая-нибудь — не выбьешь! — с этими словами все-таки взял телефон в руку. — Что ты от меня вообще хочешь, не пойму. Ну, поменяла мобилу, и что? Восхититься?

Лена сжалась от нехорошего предчувствия. Сердце колотилось как бешенное.

— Айфон семерка, старенький, заблокированный. Ну, махнула зачем-то на свой Самсунг, и что? Один к одному примерно. Я танцевать должен что ли? Ланка, я всегда тебе говорил, не гонись за понтами, но ты же не слушаешь, делаешь все по-своему... пользуйся, что я тебе еще сажу? Флаг в руки. Двадцатка ему цена максимум, а не наша ласточка, не гони, дура.

У Лены в голове будто лопнуло. Как? Новенький Айфон 13 спутать с характерной «Семеркой»? И дети внимания не обращают, и ведет себя аппарат волшебным образом, и найден был в бересте, и воздействует, и... мысли запутались напрочь. Но на «дуру» механически отреагировала.

— Сам дурак...

Все подтвердилось. Сомнения отринуты. Она стала обладателем артефакта, можно сказать, магического или колдовского — назови как нравится. В это не верилось. Точнее, не вписывалось в картину мира, усвоенную с малолетства, но факты... факты вопили об обратном. Разбираться с ними и разбираться, изучать и изучать возможности...но как? И что он, амулет, потребует взамен? Сердце Елены екнуло, и она полезла искать то самое пропущенное, подписанное не глядя, «Пользовательское соглашение». Увы, не нашла. В панике прислушалась к самочувствию и ничего необычного не ощутила. Еще раз покопалась в телефоне и ничего странного не выявила. Разве что заряд батареи всегда показывал сто процентов без подключения зарядного устройства, которое, кстати, к нему не прилагалось. Лишь размещение беспроводной зарядки имелось. Да и то одна видимость — это чувствовалось.

Разумеется, если суммировать обстоятельства находки, странные надписи, а главное, события на балконе при попытке курения, то любой здравомыслящий человек сразу догадался бы о ненормальности странного аппарата, о невозможности его существования в принципе, но Лены приняла его без раздумий.

— Пойдем, покурим, — предложил осоловевший от еды и пива, сытый до отрыжки Серега.

Вышли на балкон. Из-за хронического безденежья до сих пор незастекленного. В отличие от соседских сплошных стеклопакетов.

Лена, до сих пор пребывающая в сумятице чувств и мыслей, автоматически вытащила сигарету и сунула ее в рот. Зажигалку Серега поднести не успел. Острейшее чувство практически мгновенного возбуждения сковало ее крепче булатных цепей. Низ живота полыхнул объемным разрывом, влага в трусы хлынула, показалось, водопадом, сердце ухнуло

и заколотилось на зависть барабанщику из «Бони-эм», румянец обрызгал лицо как будто из лейки, и нестерпимо захотелось залезть между губок рукой и натереть там все до чего можно дотянуться до изнеможения. Кончить жаждалось так сильно, как никогда ничего в жизни не желалось. Даже то, что случилось примерно три часа назад при предыдущей попытке отравиться никотином с нынешними ощущениями рядом не лежало. Хотя тогда казалось, что дальше некуда.

Пулей, ничего не соображая, опираясь на жалкие остатки стыда и общепринятые нормы морали, Лена улетела в туалет. Не включая свет, не закрывая дверь, женщина, ломая сигарету о резинку трусов, одним только указательным пальцем доставила себе такое наслаждение, что описать его невозможно...

— Тебя понос пробил, что ли? — голос Сергея доносился сквозь вату, и смысл сказанного до Лены не доходил. Она летала в космосе, умирала и рождалась, нестерпимо сладкие судороги трясли все тело, концентрируясь а бедрах.

— Не стони, детей от игры оторвешь, — со смехом комментировал муж, от сытой лености не желая пойти проверять — что это за звуки издает жена, из-за чего. О том, что она банально кончает он не просто не догадывался, его и тенью мысли подобное предположение не посетило.

Лена приползла на балкон, когда в руке у Сереги оставался дымящийся фильтр. Хотелось хапнуть свежего воздуха на волне полного счастливого удовлетворения. И между ног проветрить — мокрые трусы ушли в стирку. Подмываться почему-то не тянуло.

— Фу-у, как навонял, — искренне призналась Лена, едва ее ноздрей коснулся запах табачного дыма. — Бросай уже, скоро пальцы сожжешь. Меня сейчас вырвет.

— Ты не беременная, случаем? А, мать? — Серега выкинул бычок и участливо отогнал от лица дым. — Тебя рвало там, что ли? Курить, вижу, завязала... так бы и сказала. Я тогда все, только вдали, ты скажи только.

— Да иди ты! Нет... наверное, — смягчила больную для Сергея тему общего ребенка. — Решила бросить и все. Не соблазняй.

— Ну ешь твою медь! Бросила — хорошо, конечно, но когда залетишь-то? Пять лет вместе, а ни в одном глазу! От того козла два года подряд залетала, а где мой? Ты как специально...

Серега запел давно опостылевшую песню, досадную до ломоты в зубах. Невдомек ему было, что после второго пацана Лена на пике ссоры с первым сделала аборт и как отрезало. Можно не предохраняться. Даже если хочешь — бесполезно. И в тайне от мужа, и ведомая свекровью посещала клиники. Ноль, трубы заросли намертво. Только ЭКО, в чем признаться боялась до безумия. Сереге врала, что дело в нем, зная, что по великому самомнению он проверяться ни за что не пойдет. Если свекровь до конца не допилит. Она родными внуками чуть ли не наяву грезила, а Ленка ей на голубом глазу твердила, что она нормальная. Справки поддельвала, а сами врачи страшились прокурора, которым их Лена активно пугала, и не разглашали.

— Да старайся сам! — не выдержав, в сердцах возопила Лена. — Только тыкнешь и все, привет! Полетели твои мальчики и девочки к сове на глобус...

Как успела увернуться от удара — сама не поняла. Кулак просвистел рядом с ухом.

— Угомонись, сволочь! — взвизгнула она, испугавшись всерьез.

Сергей был не до такой степени пьян, чтобы продолжить. Наоборот, сам ужаснулся своей реакцией. Обнял жену, принялся успокаивать и просить прощения.

Пропустив, пожалуй, десяток трелей, Дена почувствовала, как в кармане халата вибрирует звонок.

— Все, Сереж, все, пусти, — сумела выдавить из себя сквозь слезы, до конца еще не успокоившись. Уж очень серьезным был контраст между счастливым умиротворением и внезапной агрессией. Долю собственной вины понимала, конечно, но не принимала ни в коем случае. — Звонят, — пояснила, всхлипывая.

Серега, тяжело дышащий, виноватый насквозь, нехотя отстранился. Даже не поинтересовался, как это обычно делал, кто звонит.

Надпись на экране гласила: «Хотите управлять сексуальностью партнера?», — «да», «нет». Не задумываясь, пребывая в полной растерянности, нажала «да», ни о чем «таким» не думая. «Сфотографируйте глаза» — строка без вариантов.

— Сереж, глянь в камеру, — попросила, ладонью утерев с лица сырость. Шмыгнула носом. Сглотнула без брезгливости, хотя обычно высмаркивала. Не до того сейчас.

Понурый муж, не задумываясь, уставился на три айфоновских лупы, похожих на стрекозиные зеркала. Лишь моргнув от вспышки, поинтересовался «зачем?»

— Не тот момент, Ленка... ты еще селфиться возьмишься... простила, что ли? Да я никогда больше, ни в жизнь... — затянул неоднократно слышанную женой песню, радуясь, что она внимательно уткнулась в телефон. Покрасневшими, опухшими от плача глазами. Он ее очень любил, несмотря ни на что.

«Душа отсканирована, тело впечатано», — мигнула надпись на снимке и появился текст:

«Твоя левая рука повышает возбуждение, правая управляет разрядкой. Коснись любого участка тела партнера, поймешь интуитивно».

Лена полминуты пялилась на короткий текст, пропуская мимо ушей заверения мужа о «последнем разе», о большой любви и так далее. Мысли не складывались. Верить в подобную чушь с одной стороны хотелось, с другой... тоже хотелось, но проверять было боязно.

Прикосновения к рубашке Сергея отклика не давали, но разочароваться Лена не успела. Стоило только положить левую ладонь на голую шею мужа, как в голове будто сверхновая полыхнула. Это случилось неожиданно. Женщина на мгновение застыла истуканом и расплылась в улыбке. Прав был айфон, все оказалось до тошноты просто.

— Лен, ты что, все? — Серега прижал руку жены к собственной шее. — Прощаешь? Люблю я тебя, не хотел... — привычно полез обниматься, потянулся губами поцеловать...

Но стоило жене коснуться его рта пальчиком, словно стена выросла. Он физически не мог нарушить невидимую преграду. Неожиданно быстро налился кровью член. Восстал, уперся в трусы и домашние треники. В груди что-то сдавило, перехватило дух, и дикое возбуждение прошило все тело молнией, и не утомилось. Он возжелал жену так, как не хотел никогда в жизни, даже на пике их отношений. Он в принципе никого так не жаждал, как сейчас Лену. И в то же время ощущал себя связанным. Все зависело от нее. Обнять родное, мягкое, любимое, нежное и утонуть в нем; впиться губами в губы, ласкать, войти вглубь — одни только мысли и нестерпимое желание, которое без ее разрешения не исполнится никак, как ни старайся...

— Идем, — хриплым от волнения голосом прошептала жена и потянула за рукав домашней рубашки.

Завела в комнату, как телка на бойню. Он шагал за ней так, будто за кольцо в носу

тянули, совершенно безропотно. Внутри все бурлило, хотелось проявлять активность самому, но...

— Укладывайся, — показала на вечно раздвинутый диван, — раздевайся. Я пойду детей угомоню.

Сергея как в бреду скинул одежду вплоть до носков и трусов, лег на спину, не укрываясь, с прижатым к волосатому пупку восставшим членом. Лишнее пузо расплылось по бокам. Будто бы сквозь густую пелену слушал, как мать загоняет пацанов по шконкам — у них натурально была двухъярусная кровать. Шум компьютера смолкал, дети ржали, послышался шум душа, и наконец вернулась Лена в полотенце, затворяя за собой дверь на щеколду... красивая, как сама богиня... несмотря на короткую прическу.

— Какой он у тебя... прекрасный, — нашла-таки слово для описания не очень-то крупного члена.

Легким касанием провела по нему пальцем, от чего муж дернулся и в голос охнул, всерьез испугавшись немедленно кончить и все испортить. Как обычно. За что корил себя постоянно, чего боялся всегда, от чего кусал губы до боли — лишь бы оттянуть момент. Или пил почти до беспамятства. С другими бабами пьянство помогало, а с женой почему-то нет.

— Не переживай, Сереж, не кончишь пока... — ласковым голосом успокоила мужа и сбросила с тела полотенце, представ во всей красе, показавшейся Сергею изумительной.

Тысячу раз вроде видел жену голой, посмеивался над оплывающими формами, но сейчас... свисающий животик, начинающие топорщиться бока, целлюлитные зад и бедра, кстати, не настолько широкие, как у других теток, и грудь. Грудь была не подвластна времени: молодая, задорная, со смело торчащими в стороны возбужденными длинными сосками не раз кормящей женщины. Вкусноты невероятной — постоянно убеждался Сергей. И гладко депилированный лобок светлой, как и грудь, кожи. Богиня, однозначно. Даже родинки на левом бедре выстроились, привиделось Сергею, в созвездие Андромеды.

Сначала Лена оседлала ошалевшего от необычности происходящего мужа. Твердо-мягкий горячий член, показалось, проткнул ее насквозь. Невообразимо приятно проткнул, плотно, туго, и в то же время по сочной смазке легко. Заполнил всю без остатка и Лена не смогла, да и не захотела сдерживать стон наслаждения. Вечно молчащий при сексе муж тоже охнул. Такого оп тоже никогда не испытывал. Больше не боялся кончить невовремя и искренне наслаждался долгим кайфом, а не только коротким оргазмом от разрядки.

Лена наездницей скакала до тех пор, пока не устала. Оргазмам счет потеряла, но не насытилась. Встала раком, и Сергей долбил ее как поршень цилиндр тойоты. Как дети не слышали ее вопли, она после понять не могла. Или слышали? Не важно. Удовлетворилась она только лежа, по классике. Кончила невероятно сильно, со сладкими судорогами и потерей сознания с улетом в космос. Счастье было полнейшим...

Когда очнулась, увидела над собой качающийся возбужденный Сергеев елдак.

— Ленусик, слава богу очнулась! — хрипло прошептал уставший, счастливый, но не до конца удовлетворенный муж, стоящий на коленях над ее головой. — Помоги кончить, пожалуйста, сам не могу что-то...

— Сейчас, — лениво прошептала ничего уже не желающая Лена и взялась правой рукой за влажный от ее же выделений, горячий и до сих пор твердый член.

Она могла бы легко убрать возбуждение просто так, без оргазмической разрядки, стоило только мысленно передать через руку приказ; могла бы заставить немедленно кончить с оргазмом, силой, глубиной и продолжительностью которого могла легко управлять; могла

назначить банальное семяизвержение совсем без приятных ощущений... полностью контролировала сексуальность партнера, как и было обещано смартфоном. Решила уже было наградить мужа по максимуму, но...

— Ленусик, ты прости, пожалуйста, это шлюха одна виновата. Помнишь, мы больше недели вместе не спали? Я лечился тогда, но, видимо, не до конца... простатит в хронь перешел... наверное. Не хочу, а кончаю быстро. Но ты не переживай, заразы больше нет — я несколько раз проверялся...

В обычном состоянии Лена сама не представляла, что бы сделала. Скандал — однозначно. Разводом бы запахло тоже точно. По роже отхлестала бы обязательно, исцарапала бы, метя в глаза, и после жалела себя, не жалея пива и нытья подруг. Но теперь ее блаженное удовлетворение ничего, похоже, испортить не могло.

— Сучка ты, Серега, крашенная... а чего балдой своей над моей рожей машешь? Сука... — прошипела уже сквозь зубы, кулака, впрочем, со ствола мужа не отнимая.

— Да я честно признался, Ленка! Прости меня, умоляю! Я только тебя люблю, честно-честно! А та так, по пьяни, страшилище... сунуть куда-нибудь хотелось, без чувств! Вот ей богу! Матерью клянусь, если хочешь, ты у меня одна-единственная, одна любимая больше жизни! Прости... — с этим словом упал на нее и натурально заплакал. Член, разумеется, выскользнул, а пухлая щека мужа прижалась к щеке жены. Щека постепенно увлажнялась, мускулистую волосатую грудь сотрясали тихие рыдания, которые Серега всячески пытался сдерживать.

Плачущий мужик кого угодно с толку собьет. Ревущий Шварценеггер, допустим, это нечто. Или Брюс Уиллис. Хотя они актеры, им простительно. Но на Лену ее собственный ревущий муж, брутальный до невозможности, любимый, наверное, впечатление произвел неизгладимое. Правой рукой она погладила его по голове и приговорила:

— Ты уж сам подрочи. На грудь мне можешь кончить. Как в порнухе. Прощаю я тебя... но больше... смотри, не знаю, что сделаю.

Левой рукой вытирая слезы, Серега поднялся и успел сделать меньше десятка качков правой рукой. Сперма густой массой стрельнула на голые груди жены. Сергей захрипел, как буйвол на гоне, и стрельнул еще семь раз. После упал рядом и отключился. Лена, исходя из парадоксальной женской логики, пожалела мужа и включила ему оргазм на полную. Или наказать так захотела? Или привязать сильнее? Кто их, женщин, поймет... Все сразу, все вместе, включая месть своеобразную. Словно тесто из всего чего можно и нельзя замесила.

Глава 3. Пытка удовольствием

Жизнь потянулась своим чередом. Никаких кардинальных изменений не случилось. Разве только подруги, сучки, обсмеяли Ленку, уверяя, что ее новое приобретение разве что смотрится красиво, но по цене и функционалу от старого доброго Самсунга отстает лет на двести. Никто не видел последнюю, редкую модель, за которым очереди выстраивались. Поначалу злилась, пыталась спорить, тыкала своим «тринадцатым» прямо в рожи ненавистным подругам, но вскоре смирилась. Прослыть дурой окончательно не хотелось. О скрытых свойствах своего драгоценного устройства благоразумно помалкивала. Как ни подмывало похвастаться еще и этим — держала рот на замке. Колдовство, оно того, тишины требует.

О самоудовлетворении Лена за месяц практически забыла. Курить бросила окончательно. На вопрос смартфона «Хотите завязать с алкоголем?», решительно ответила «нет». Зато без всяких дополнительных условий стала худеть и хорошеть на глазах, замечая это сама. Ну и остальные восхищаться стали. Кто с завистью, а кто искренне. Особенно сеструха, которая всю жизнь без толку изводила себя диетами, в последнее время надоела выпытыванием что да как. Ленка гордо отмахивалась: «Жри меньше!». Но сама при этом есть меньше не стала. Больше, впрочем, тоже. И Серега, что удивительно, постройнел и помолодел. На «за сорок» в свои тридцать шесть больше не выглядел.

Сексом они теперь занимались каждую совместную ночь, и каждый раз до полного изнеможения. В медовый месяц какого не было. Ни с первым, ни с нынешним. Лена научилась ловко управлять партнером и, как открыла недавно, могла контролировать саму себя, так же касаясь себя левой или правой рукой. В голове выстраивались графики и условия, которые менялись одним движением мысли. Даже в пресловутые «женские дни» занимались с Серегой взаимной мастурбацией, которая изредка, когда руки уставали, переходила с ее стороны в минет, не очень-то ей нравившийся. Нет, в целом здорово было ощущать твердо-мягкий живой горячий мужской орган во рту, елозить его языком, сосать, прижимать к небу, но и челюсти быстро уставали, и шея, и рвотный рефлекс был у Лены повышен, и вкус спермы, если доходило до извержения, не радовал. И куни она себе делать не позволяла, отчего-то стесняясь, и анал после двух послеродовых геморроев был закрыт. Все зарекалась попробовать, тем более что муж иногда намекал, но как-то... боязно., что ли.

— Почему раньше, мать, так не было? — тяжело дыша интересовался довольный как слон муж.

— Потому что Айфон прибрела. — честно отвечала не менее довольная жена. Самсунг она, кстати, не продала, а сохранила в ящике с постельным бельем. Как память.

Живи счастливо и наслаждайся, но... всегда у нас в жизни случается «но», без исключений. Нашел ты волшебный артефакт или мимо прошел — не важно. То любимая работа опостылевает, то хобби внезапно надоедает, то жена или муж ни с того ни с сего раздражать начинают, то дети достают приставанием, то еще что-нибудь случается на ровном месте, то... да мало ли разных «то»! Вот и Лене ее новая, казалось бы, во всех отношениях идеальная жизнь перестала приносить остроту, превратившись в обыденность. Захотелось чего-то новенького, чего-то... сама не понимала, чего, но засвербело. Нудно так, как нарастающий зуд на спине, который почесать невозможно. Да и финансов колдовской амулет не прибавил, а они душили.

Благодаря стараниям мамы и свекрови, которые регулярно, всегда обещая «это в последний раз», закрывали некоторые банковские проценты и пени, до коллекторов дело не доходило, зато почти на все карты распространялось судебные ограничения; да плюс коммуналка и бдительные соседи — все вместе взятое давало повод представителям органов опеки наведывались к Лене с Серегой как по расписанию, ежеквартально.

Сереге был на дежурстве, дети мотали срок в школе, учебный год два дня как открылся, а у Лены выдался выходной — ни одного клиента. Подруги были заняты своими делами, поэтому взяла полторашку светлого пива, сушеной рыбки и расположилась перед теликом в одиночку. Тихо-спокойно смотрела плаксивый сериал и наслаждалась терпким холодным вкусом с соленой закуской. Вяленую воблу она обожала. И вкус нравился, и процесс разбора. Второй стакан одолеть не успела, когда раздался звонок в дверь.

Нынче главной в комиссии оказалась незнакомая толстая тетка лет пятидесяти. Безразличный участковый и сочувствующая молодая помощница были известны.

— А это что? Как Мамай прошел! — возмущалась тетка, бесцеремонно топая по квартире. — Детские вещи разбросаны, обои ободраны, алкоголь и сор прямо в комнате! Снимай, Вика, снимай, весь разгром запечатлей! — приказывала помощнице, указывая на журнальный столик с разорванной рыбой, мусором от нее и пивом. — Диван разобран! Вы что, его совсем никогда не складываете? Мать называется! Чему детей учите? Пить и в помойке ютиться? Клей нюхать и воровать в подворотне?! А ну-ка, дыхните! Да Вы пьяны!

Лена сама поскандалить умела, за себя постоять еще как могла, а за детей рвала тряпку на полосы. Но с таким бешеным напором столкнулась впервые. Да и явный косяк в виде пива и общего бардака, к которому давно привыкла, колкие ответы сдерживал. Поначалу, конечно, пыталась вставить свои пять копеек, потом позорно оправдывалась, а потом замолчала и только хмурилась. Злость нарастала лавиной.

— Я Вас детей лишу, Вы — недостойная мать! — разорялась тетка перед уходом, стоя в коридорчике. Участковый и Вика находились за открытой на площадку дверью.

— Не получится, — сквозь зубы огрызнулась Лена, — не Вы первая... — и неожиданно почувствовала вибрацию телефона, который неизвестно каким образом оказался в кармане шорт, хотя она точно помнила, что несколько минут назад он красовался на журнальном столике рядом с пивом и рыбой.

— У меня — получится! — с апломбом заверила инспекторша. — И детей лишите и квартиры на их капитал купленную. Вам скоро электричество за неуплату отключат, а с Вас как с гуся вода! Поражаюсь я таким мамашам безответственным. Оставлять таким как Вы детей — преступление. Плодитесь, как кошки. Только одно и умеете...

— Еще раз повторите, глядя в камеру, — с едва сдерживаемым бешенством произнесла Лена, направив на тетку айфон.

— Угрожаете?! — делано испугавшись, инспекторша всплеснула руками. И четко в камеру повторила. — Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы Вас лишили родительских прав как недостойную мать. — Даже на вспышку не моргнула. — Попомните мое слово, мамаша.

— А Вы попомните мое, — прошипела Лена, с силой схватив левой рукой мясистую кисть противницы. — Вы еще прощения у меня попросите.

— Не смейте трогать меня своими корябками! — тетка нервно вырвала руку. — Видала я таких! Слезами на комиссии и в суде исходите, но веры вам нет. Я такой отчет накатаю! Ни слова неправды в нем не будет, на адвоката можете не тратиться. У нас все

зафиксировано. Я Ваше дело все просмотрела, дети пять лет уже как в детдоме должны воспитываться, а не с Вами мучиться! Еще и на прежних инспекторов жалобу составлю — как можно было столько тянуть?!

Лена извелась вся, дожидаясь звонка. Пиво было давно допито, дети накормлены, муж вот-вот должен был вернуться со смены и ужин был приготовлен, а инспекторша все не связывалась. Должна была давно, если судить по вложенному в нее графику.

«Терпеливая сука», — в который раз подумала Лена, изгоняя из себя сомнения в работе артефакта. Свою колдовскую сущность он доказывал не раз.

— Алло! — ответила, едва услышав трель от незнакомого номера. И облегченно вздохнула, узнав голос противной тетки.

— Елена Сергеевна, это Вы? — в хриплом голосе было столько надежды, что ее хватило бы на сто Титаников.

— Запоздалость Вы... как Вас там?

— Надежда Александровна...

— Значит, Надя, — перебила собеседницу Лена. — И чего ты трезвонишь, Надя? От уборки меня отрывает. У меня же бардак, верно? — от исторгнутого устами женщины елея можно было физически поскользнуться.

— Простите меня за все, Елена Сергеевна! — взмолилась инспекторша, — только позвольте, — здесь она замялась и тихо выдавила, — кончить...

— Что? Я не расслышала. Выражайся яснее, Надя. Громко! — приказным тоном отчеканила Лена.

— Кончить! — выкрикнула Надя и взмолилась. — Ну, пожалуйста, прошу Вас...

На Лену нахлынуло новое, доселе неведомое ощущение ВЛАСТИ. С большой буквы и даже капслоком. Ни с чем несравнимое неимоверно сладкое чувство безнаказанной, безраздельной власти над человеком. Оно показалось дороже денег и сравнивалось, пожалуй, с самым долгим оргазмом, хотя и не до конца. Власть была острее, восторженней и, безусловно, приятнее. Только не для тела, а для самой души. Глубинные струны затрагивала, древние. Древнее, чем пресловутый «основной инстинкт». Не из садизма, даже не из мелкой мести, а только лишь для продления этого чудного ощущения Лена сказала.

— Ты — шлюза. Повтори.

— Я — шлюза, — с готовностью проговорила Надежда Александровна. — Самая грязная из всех шлюх в мире! Пожалуйста, Елена Сергеевна...

— Ты толстый, потный жиртрест...

— Я толстый, потный жиртрест, — с готовностью спопугайничала инспекторша.

— Я для тебя — Госпожа, — проговорила Лена, сама заводясь не на шутку.

— Вы — моя Госпожа, — не раздумывая согласилась собеседница. — Прошу Вас, позвольте...

— А как ты обо мне догадалась и почему так долго не звонила? Героиня, что ли?

— В голове только Ваш образ сидел, Госпожа. Я еле до конца работы досидела, десять раз в туалет бегала, др... дровича чем попало — бесполезно. Любовники давно кончились, муж — импотент. Пока из дома опять на работу, пока охранника уговорила, пока Ваш номер нашла и вот... Госпожа, прошу, не мучайте дальше... — плачуще-просящий голос так не соответствовал образу дневной уверенной в себе тетки, что Лена расхохоталась. Будто мультяшная смешной слушала.

— Не смейтесь, пожалуйста, Госпожа, позво...

— Ты мне смеешь указывать?! — перебила ее Лена, возмутившись, впрочем, делано. То, что ей перечат, несколько не взволновало. Во вкус еще не вошла.

— Н-никак нет, Госпожа, что Вы! Просто я сижу в офисе, одна, мокрая насквозь, рука сама лезет между ног, а там складки... Ну, Вы знаете, что я жиртрест, и я не могу уже... умру скоро... задыхаться начала. Пожалуйста, Госпожа...

Лена только сейчас осознала, что для грузной женщины, у которой наверняка давление зашкаливает, пребывание несколько часов рядом с пиком сексуального возбуждения, когда сердце бьется как ошпаренное, хорошим точно закончится не может.

— Отчет обо мне уничтожь. Все дело исправь.

— Сегодняшний отчет я и начать не успела, а дело... простите, Госпожа, но оно в архиве. Я обманула Вас, простите, умоляю, это все квартира...

— Ты — черный риэлтор?! — Озарило Лену.

— Нет-нет! Я никого не убиваю, что Вы, немного способствую новым сделкам открепиться от детского капитала... о-ох! — стон вырвался не к месту. Видимо, рука, наконец, пробралась сквозь складки. — Пожалуйста, Госпожа, не могу уже! — взмолилась так жалобно, как никогда прежде.

Да, надо было давно уже позволить грузной бабе кончить, понимала остывшая от бешенства Лена, но тогда и власть уйдет и в дальнейшем от проблем не застрахуешься, да и коснуться ее надо... досада... как раньше об этом не задумалась? Злая была.

Айфон вдруг пикнул и на экране появилась надпись.

Глава 4. Новые возможности и ограничения

«Предложить объекту подписать Соглашение о передаче всех прав на свое тело и душу?

Внимание! Количество слотов для захваченных душ ограничено. В случае, если придется освобождать место для размещения нового объекта, то предыдущий объект придется изъять из слота и тогда он окажется полностью свободным и будет вправе потребовать компенсацию в виде безусловного исполнения одного желания. Любого, за исключением заведомо неисполнимого либо приводящего к непоправимому вреду здоровью или смерти.

Выслать текст Соглашения объекту?»

«Да», «Нет».

С некоторыми сомнениями, задумавшись о последствиях, о неизвестном количестве каких-то там «слотов» и неизбежной «ответке», и в то же время вспомнив вопли наверняка больной на сердце толстой тетки, Лена нажала «Да».

Приблизительно через полминуты на экране высветилось:

«Объект помещен в слот». И сразу позвонила инспекторша.

— Я на все согласилась, Госпожа, — задыхающимся голосом проговорила она, — только позвольте...

— Значит так, сучка, слушай. Всегда отвечай на мои звонки и сообщения, шлюха, не теряйся. А теперь можешь кончить, разрешаю. — С этими словами разорвала связь.

Упала на диван абсолютно счастливой. Сомнения сгнули вместе с первым отданным приказом. У нее появилась личная рабыня, которая исполнит все прихоти, принесет любые деньги... а сколько слотов осталось не занятыми? Зарылась в телефон, но информацию об этом, как и предполагала, не обнаружила.

Мужа этой ночью буквально заездила. А завтра и всю неделю погрязла в работе. Клиентов будто прорвало на покупку, продажу, аренду и субаренду, в том числе на почасовую сдачу недвижимости — самое хлебное. Об инспекторше периодически вспоминала, но все было некогда, чтобы сполна насладиться ее унижением, некогда важной и грозной. На банальные сообщения в стиле «Шлюха, привет! Прокукарекай пять раз», — не разменивалась. Детство какое-то. Лена была женщиной вспыльчивой, но быстро отходчивой и незлопамятной. Тем более, что сексуально теперь была удостоверена полностью, как никогда в жизни, ну а глупости, которые лезли в голову, когда на работе появилось затишье, последние дни не вспоминались. От безделья маялась, как выяснилось.

Деньги «жгли ляжку», поэтому в субботу, когда и у мужа, и у обоих закадычных подруг выдались выходные, все вместе завалились в дорогой клуб. Детей к бабушке и вперед.

— Я угощаю! — заявила после пары бокалов пива Лена. Чего от нее, собственно, ждали все приглашенные. Понты — это ее все, знали разведенные подруги и с ними молчаливо соглашался муж, иногда, впрочем, устраивая взбучку. Но не особо. «Сам недалеко ушел», — понимал в тайне, сам себе не признаваясь, что и ему финансы карман чесали не меньше.

Время пролетело весело и незаметно. Вслед за пивом пошло мартини, потом текила и дорогие закуски. Танцевали, орали, подруги подсаживали за столик чужих мужиков — свободные парни почему-то не снимались, Серега по привычке с кем-то из них повздорил, но обошлось без мордобития, другие бабы возвращали своих благоверных, за что имели тяжелый разговор с подругами в женском туалете, и Лене пришлось всех успокаивать; в

общем, вечер и ночь удались. Лена была звездой выходного спектакля, поэтому настроение ничто не могло ей испортить. Даже когда подруги разъехались, а пьяный муж уснул лицом на столе, и официант по собственной инициативе принес ей портянку счета, заплетающимся языком проговорила «Легко!».

Покопавшись, вытянула из сумочки последнюю незаблокированную кредиторами карту «Тинькофф», которой пользовалась без малого полгода, куда переводились все последние рабочие платежи, и реклама уверяла, что эта система не арестуется никогда, с гордостью отдала ее халдею. Громко назвала ПИН-код.

— Простите, — вежливо сказал официант, незаметно делая глазами охране. — У Вас на карте недостаточно средств.

— В смысле?! Там шестьдесят косарей лежало, не гони! А эта портянка твоя... — добралась до ИТОГО. — О! Всего сорок пять с копейками... нихрена себе! Мы алмазник пыль нюхали, да? — пьяно икнув, грозя пальчиком, пошутила Лена.

— Каждую позицию проверьте, — невозмутимо сообщил половой. — Платить собираетесь или как?

Шесть утра воскресенья, зал на три четверти пуст, диджей слинял, танцпол чист, музыка играет в пол уха. Разборки с подобными клиентами для него не редкость. Хорошо еще дурь в их клубе не в чести, а то работалось бы Виталику не в пример сложнее. Но перед ним — лохушка, которых он угадывал с полувзгляда, поэтому и вписал в счет все, что взбрело в голову, на четверть задрал ценник.

— Да я тебе карту дала, что не так?! Хочешь, себе забери, не жалко. Ик! На чай, хи-хи... не описайся только.

— На Вашей карте недостаточно средств...

— Чего попугаем заладил? Слышала я! Еще раз проверь.

— На Вашей карте... платить собираемся? — теряя терпение, повышая тон спросил внешне невозмутимый официант.

— А я сейчас баланс проверю! — пригрозила Лена и взяла со стола айфон.

Несколько раз, сбиваясь, входила в приложение и ее брови полезли наверх.

— Это как понимать, Тиньков! — воскликнула громко, будто попыталась докричаться до хозяина устроенного безобразия, курящего бамбук за две тысячи километров в белокаменной. Или в Лондоне — немногим дальше.

История операций оглушала: «Ваши средства списаны по решению (такого-то суда от такого-то числа) в счет погашения задолженности по кредиту, взятому в «Уралсвязьбанке» и далее номер и реквизиты. Остаток — один рубль, двадцать одна копейка. Все, последняя карта закрылась. А наличных она, дура, запарившись на работе и пожалев процент с обналички, не сняла. А у них в конторе строго безнал. Клиентов, если надо, за свой бензин в терминалы или банки возила. Но полгода же, полгода без сучка и задоринки! Расслабилась...

Не до конца протрезвевшая женщина с надеждой обратилась к официанту, честно показав ему запись в смартфоне.

— Может, договоримся? — спросила с надеждой, сама не понимая как. Но настроение еще играло.

— Как ты себе это представляешь? — сразу на «ты» грубо обратился к ней Виталик, одетый в черные брюки и белую сорочку с бардовой бабочкой — фирменный стиль заведения. — Буди своего молодого человека, красавица, с ним разговаривать будем.

— Стой-стой-стой, не трогай мужа! Он, не разбираясь, тебе сразу в табло заедет, а потом что да как спросит. Мастер спорта по боксу, а не балерун какой-нибудь, это тебе не насрано. — Повысила Серегу с перворазрядника до мастера, не задумываясь. А какая разница? — Сейчас мы все решим, веришь? А верить надо! Вера — чудная вещь! Когда веришь...

— Ты зубы не заговаривай, красавица, а то охрану позову. Махом твоего мастера уложат и тебя...

— Ах, и меня... — жеманно перебила Лена, закатывая глазки.

— Ищи деньги, короче. Звони кому хочешь, рожай, если сможешь, но чтобы через тридцать минут расплатилась. — Произнес, на угрозы не размениваясь, но прозвучало требование грозно.

И только в этот момент Лена вспомнила о богатой, видимо, Надежде. Как всю неделю не задумывалась? Нет, вспоминала периодически, но вскользь. Скорее как развлечение воспринимала, а не серьезно. Угроза отхлынула, и ладно. По большому счету Лена была доброй женщиной. Особенно на нынешнем уровне опьянения. Но сладкое чувство безграничной власти в глубине души вновь всколыхнулось.

Спящая Надежда Александровна на первый же аккорд звонка подскочила, как ошпаренная. Выходной, намечала выспаться как следует и такая досада. Увидев на экране «Елена Сергеевна», выскочила с телефоном в руке от храпящего мужа на кухню, ничего толком не соображая, не задумываясь.

— Алло? — прошептала в трубку, задохнувшись от резкого передвижения. Спросонок, да с ее-то весом!

— Надежда... э-э-э Ал-лександровна? — услышала заплетающийся голос... хозяйки?

Тот день воспринимался как в тумане. Хотелось бы забыть его окончательно, но не забывалось. Причем дело было не в глубоком унижении ее, чиновницы неслабого ранга, твердохарактерной женщины, со стороны какой-то опустившейся алкашки, а в памяти о мощнейшем оргазме, никогда доселе в жизни не испытанном. Последние лет десять, когда у пьяницы — мужа перестал подниматься окончательно и она, тогда еще здоровая сорокалетняя женщина плюнула на себя, всецело посвятив себя работе, — это точно. Крайне редкая мастурбация в ванной — не в счет. За более чем семь дней успела успокоиться, уверив себя, что все в прошлом, что рабская зависимость — это лишь плод нездоровой фантазии, как вдруг, на-тебе.

— Я Вас слушаю, Елена Сергеевна, — с колотящимся молотом сердцем, как можно спокойнее ответила Надежда Александровна, от возродившегося из небытия страха позабыв попенять за ранний звонок.

— Мне бабки нужны. У Вас полста штук сейчас не найдется?

— А-а-а... — как ей хотелось сказать, что нет! Но ответила, — в чем дело собственно?

— Да, не поверите, в клуб пошла... — по-пьяному громким, возмущенным голосом начала повествовать Елена Сергеевна, как вдруг запнулась. — Э-э, стопэ... это так важно, что ли? — пролепетала скорее себе, чем собеседнице. — Надежда Александровна, скажите «гав». Ик!

— Не поняла...

— Как собака полайте, гав-гав-гав, хи-хи.

— Зачем это?

— А Вас не спрашивают зачем! Просто так! Чего неясного? Ну?

— Гхм, — сглотнула Надежда Александровна, — я все-таки не понимаю... — произнесла неуверенным тоном. В голове набатом звенело нехорошее предчувствие: «что сейчас будет, что будет!».

— Да, блин, погавкай! — наплевав на политесы, рывкнула Лена, обретая уверенность, сквозь пьяный туман вспоминая прежнюю убежденность в исполнении. — Я тебе приказываю, полай!

Как чиновница ни сопротивлялась, но из горла вырвалось: «Гав! Гав-гав-гав!». Не под чужим враждебным воздействием, переломившим волю, а сама, собственной сутью, воспринимая ее как бы со стороны, легко пролаяла. И ужаснулась этого. Тогда, неделю назад, когда кончала после услышанного разрешения, не до размышлений было, а сейчас дошло и окончательно утвердилась в серьезности положения. Положения рабыни. Зря нажала «да» на Соглашении, почти не читая, но какой был выход? Не было его. «Сука!», — успела подумать про Хозяйку, слыша ее залиvistый пьяный смех, как получила четкий приказ.

— Хватай не меньше пятидесяти штук и дуй сюда, — назвала адрес известного в городе ночного клуба, — Пулей лети! Жду двадцать минут. Опоздаешь — не поздоровится.

С такси в ранние выходные часы проблем не было, деньги на одной из карт в пределах названной суммы имелись и через восемнадцать минут Надежда Александровна, одетая в приличные брюки и блузу с темной кофточкой, не до конца причесанная и не покрашенная, с сумочкой на локте, стояла перед Леной, от волнения сбивая дыханием свалившуюся на глаз челку.

— Я вроде успела, Елена Сергеевна, — отчиталась она, глянув на часы.

— Эй, мальчик! — довольно крикнула Лена, проигнорировав сообщение Надежды Сергеевны. — Официант, что б тебя! Деньги пришли!

Надежда Александровна помогла затащить грязно ругающегося вусмерть пьяного мужа Хозяйки в такси, почти в одиночку завела его домой и бросила на диван, который сегодня был даже не застелен покрывалом, а бесстыдно сверкал постельным бельем. На выходе из квартиры услышала ленивый приказ Хозяйки.

— Сегодня, о-э-х, — открыто зевая, говорила Лена, — у меня и у мужа отсыпной. В понедельник я не знаю как работаю, а он в семь вечера идет в ночь. Так что жду у себя на всю ночь. Развлечемся. Когда отработаешь, позвони, напомни о себе, а то забыть могу. Это приказ, толстуха. Сколько тут на карте осталось?

— Двадцать с чем-то, — сглотнув от нехорошего предчувствия, ответила чиновница. — ПИН-код...

— Стоять! — прервала ее Лена. Зашла в пустую детскую комнату и принесла листок с ручкой. — Запиши лучше, а то забуду. Все, свободна, — сказала, зевая еще слаще, и захлопнула за новоиспеченной рабыней дверь.

Глава 5. Первый блин бывает не комом

В понедельник дети с радостью согласились ночевать у бабушки, мама тоже не возразила, скрыв довольство, а Лена освободилась уже к обеду и до вечера полировала плотку пивом, вызывая зависть у хмурого, не пьющего перед дежурством мужа. В семь вечера, будто подсмотрев, когда Серега хлопнет дверью, позвонила Надежда Александровна.

— Я закончила работать, Елена Сергеевна, Вы позвонить просили...

— Дуй домой, переодевайся во что-нибудь мене пафосное, чем твой костюм, бери полторашку... нет, двушку пива, светлого «Толстяка», роллы и сразу ко мне. Жду. Это приказ, — добавила, разобравшись с интуитивным управлением. Добавила так, на всякий случай. Главное — приказной тон обращения и четкое желание. Но и слово «приказ» лишним не будет.

Чиновница заявила часа через два. Сама водрузила на узкой кузне баллон пива, коробку с роллами и пакет с соком и фруктами. Другой пакет виновато протянула в сторону Лены.

— Куда положить, Елена Сергеевна, это мой рабочий костюм на завтра.

— Ух, ты! Предусмотрительная. В детскую положи... как тебя называть, не подскажешь? — уже пьяненькая, иронично спросила Лена.

— Н-надя? — неуверенно, со страхом предложила Надежда Александровна.

— Ха-ха! Так и знала, что постесняешься! Буду звать тебя. как придется. Не возражаешь? — Чиновница согласно кивнула. А куда бы она делась? Это было первое издевательство, Лена только входила во вкус. — Что ж ты такая толстая? — спросила чисто риторически. — Ладно, хозяйничай, а я пошла в зал. Там на журнальный столик все накрывай. Красиво. Посуда вся здесь, в гарнитуре. Найдешь.

В полутораметровом телике на стене сменялись музыкальные клипы, столик был заставлен красивыми яствами в праздничных тарелках, скромная чиновница стоя наливала пиво в чистейшие бокала, а Лена в домашнем халате развалилась в кресле. Второе находилось на противоположном конце стола.

— Садись, разрешаю, — позволила она, кивая на мягкое дерматиновое кресло с деревянными подлокотниками, точную копию своего трона. — Давай чокнемся, — предложила, протягивая бокал. Звякнуло стекло, немножко отпила. Съела роллу. — Закусывай, не стесняйся... м-да, ну и расплываешься ты. — Посетовала с искренним сочувствием. — Тюлень позавидует.

Легкие свободные брюки светлого оттенка все равно натянулись на ляжках и широченной корме, касаясь подлокотников широкого домашнего кресла, где нормальному человеку можно было спокойно выспаться, свернувшись калачиком. Фартук живота лежал плотным тестом, доходя до середины бедер, прикрытый темной блузой, одетой навывпуск; грудь, несмотря на поддержку бюстгалтера, свисала арбузами чуть ли не до пупа; подбородок был тройным, щеки наплывали на глаза. Черные крашенные волосы, прическа — каре. Только кожа, пожалуй, являлась единственным светлым пятном в ее образе — без морщин, чистая, приятно загорелая, без намеков на прыщики и редкие усики, которые у брюнеток в ее возрасте намечаются частенько. Причем было видно, что она с ними не боролась. Просто не росли сами.

— Ну, тетя, расскажи о себе, — именно попросила Лена рабыню, ощущая в себе

нарастание странного ликующего настроения и желая его притормозить. Времени впереди было много.

— А чего рассказывать-то? — переспросила «тетя».

— О жизни своей пропой, дура. Я послушаю, как ты до такого безобразного тела дошла. Да и характер у тебя подленький, как у гадюки. Говори, — уже приказала.

Из Надежды Александровны полилось помимо воли. Как она ни пыталась остановить словоизвержение — не получалось.

Рано вышла замуж за преподавателя института на десяток лет старше, родила двух дочерей, есть внуки, о благосостоянии которых переживает больше всего, из-за которых и вписалась в аферу с квартирами неблагополучных мамаш; карьеру изначально начала в администрации другого района, а месяц назад перевели сюда, чтобы «спрятать», когда стали вскрываться ее делишки. Десять лет назад у мужа перестал вставать окончательно и стресс она стала заедать, тогда и поползла усиленно вширь и еще больше окунулась в работу.

Долго рассказывала. Дочки с мужьями и детьми живут в коттеджах, а она с мужем ютится в скромной четырехкомнатной халупе многоквартирного дома. Денег в баксах накопила в пределах ста тысяч. Объездила всю Европу и половину Азии, посещала Америку с Карибами. Много еще бы наговорила, ели бы Лене не надоело.

— Хватит, рокфеллерша, мозги устали. Тебя послушать — бедная, нестрастная в личной жизни женщина. Сука ты подколотная, — сказала без злости. Не было ее. И кураж, начинавший было нарастать, куда-то испарился. Заговорила, падла, совсем. — Стакан обнови, — приказала, протягивая пустой бокал. — И сама глотай, не стесняйся.

Попив и поев в компании замолкшей рабыни, мимо ушей пропуская выступление очередного рэп исполнителя, вдруг догадалась, как повысить задор.

— Ну-ка, обзови меня.

— Что? — Поперхнулась Надежда Александровна.

— Обзывай меня, шлюха! Выдай всю грязь, что обо мне думаешь, ну!

Шлюха, шалава, сука подзаборная, алкашка, бомжиха, детей недостойная, падаль и падла — самые мягкие выражения, не считая откровенных матов, услышала в свой адрес и расцвела. Злость забурлила, закипела, кураж задорным напором накачал оскорбленную гордость. Она, ни разу не лесбиянка, даже сексуально возбудилась, чего точно от себя не ожидала.

— Заткнись, грязь! Ты моей перхоти не стоишь, падаль! На колени! — в сердцах выкрикнула Лена и уже спокойней, увидев, как неловко инспекторша бухнулась на колени, выбив из ковролина, показалось, всю недельную пыль, проговорила тише, но не менее зло. — Значит, такого ты обо мне мнения, да? А сама-то ты кто, скажи?

— Я?.. Я грязь у Ваших ног, — быстро нашлась рабыня. В ее выпученных от страха глазах плескался ужас. — Ел...

— Молчать! Я для тебя исключительно Госпожа! Повторить!

— Госпожа! — с готовностью, без задержки высказалась рабыня.

— Раздевайся, пыль. Хочу твой жир без одежды оценить. — В душе Елены горело желание унижить богатую чиновницу по полной.

Надежда Александровна со скрипом поднялась и скинула с себя всю одежду, включая затерянные в складках трусы размером с парашют. Снова опустилась на колени.

— На четвереньках ко мне. К ногам, сука!

Рабыня подползла, обогнув столик вдоль дивана, едва не задев отвислым животом

пол, и поднялась на колени у самых ступней хозяйки. Груды шарами на привязи свисали до втянутого на глубину стакана пупка, кожа на боках цвела разводами от растяжек, складка жира фартуком накрывала лобок.

— Ну ты скифская баба в натуре! — с некоторым восхищением воскликнула Лена. — Ну-ка, жировка, подними живот, покажи-ка мне свою мудень, — назвала, конечно же, попростому незатейливо, всем понятно как.

— Пипец! Ты еще и не брешься?! Мондавошек разводишь, что ли... встань и раздвинь ноги... да-а, не доковыряться. Как ты тогда сидя кончить умудрилась?

— Показать, Госпожа? — не раздумывая спросила рабыня. В ее взоре мысль больше не проглядывались, читалось одно лишь ошеломление и все. Даже страх куда-то делся.

— Давай, устрой шоу.

Чиновница села на пол и широко раскинула ноги. Чуть ли не до шпагата.

— Ты спортсменкой что ли была? — поинтересовалась Лена.

— Да, Госпожа, спортивная гимнастика в детстве, — говоря, Надежда Александровна лезла правой рукой под фартук жира, а на левую, откинувшись назад, опиралась.

Чтобы все разглядеть, Лене пришлось бы слезть с удобного кресла, лечь на пол и положить голову на ковролин. Делать это было лень.

— Все, хватит, я поняла. Я поняла еще, что ты полрулона туалетной бумаги когда посышь изводишь, хах! А по большому, я вообще молчу. Так?

— Не совсем пол рулона....

— Это был риторический вопрос, уродина жирнявая! Налей мне пива и на четвереньки передо мной становись, я ноги на тебя закину. Затекли что-то.

Несколько минут Лена потягивала пиво и заставляла рабыню подавать ей со столика закуску, что она ухитрилась исполнять из положения «на четвереньках», не скидывая ноги хозяйки со спины, действуя лишь одной левой рукой. Вскоре Лене эта скукотень надоела. Несколько раз трезвонили и ее и рабыни телефоны, «надо их выключить», — думалось тогда, но не пошевеливалась.

— А что ты мужу наплела, падаль? — безразлично поинтересовалась она, ощущая заметное опьянение, которое еще не дошло до той стадии, когда кажется, что ты трезв. Да и по-маленькому в туалет манить начало. Скоро забегаешь, с пива-то.

— На даче у подруги ночую. У неё крестины внука были. Муж ее не знает.

— Поверил?

— Наверное. Я несколько раз к ней сбегала, когда он по пьяни буянил.

— У-у. Дай-ка виноградинку. Ссать охота, а идти лень... о! — Лену озарило. — Отвези-ка меня, коняшка.

Доехала на спине Нади до туалета, сделала дела, дверь не прикрывая, вышла и распорядилась.

— Давай-ка, лошадка, покажи, как ты подтираешься. — Ей было на самом деле любопытно, такой наплыв жира она сроду не видела.

Бока рабыни свисали с унитаза, ляжки закрывали все. Послышалось недолгое журчание, и рука Надежды Александровны по локоть перегнулась через пузо, оторвав от рулона совсем не половину мотка, разумеется.

— Ох, блин, не хочу я быть толстой, — вслух посетовала Лена. — Подъезжай ко мне и погнали дальше.

Облегчившись, сидя на широкой спине враскорячку, Лена обратила внимание, что

иногда некий ритм приятно щекочет ей клитор. Тепло, мягко и своеобразное покачивание...

— Стоп! Давай на месте покачайся вперед-назад, — приказала и прикрыла глаза, сосредотачиваясь. — Так, так... побыстрее... вот, вот... еще... нет, медленнее... вот так держать.

Мягко, необычно нежно и медленно нарастало возбуждение без колдовского влияния левой руки. Лена поймала нужный ритм. Приятно, что ни говори. Невольно вспомнились слухи о наездницах. Какая-то из старых подруг пересказывала историю своей знакомой, которая буквально кончала на скачках. Теперь в это верилось. Живой теплый вибратор, блин. Хотя, если честно, она и мертвым пластиковым ни разу не пользовалась.

Рабыня устала качаться, тяжело дышала, но ритм держала. Лена блаженствовала и тихо, чисто для куража поругиваясь, прислушиваясь к захватывающему ощущению.

— Сучка... бл... (нецензурное слово) шлюха еб...я (снова написать нельзя) ... держи ритм, паскуда жирная... — и так далее.

Но скоро, минут через двадцать — точно не засекала, возбуждение застопорилось, и смена ритма больше не помогала. Наездницам, оказывается, не так просто кончить. Как и велосипедисткам... наверное. Лена, по крайней мере, ни разу при езде на двухколесном транспортном средстве даже намек на сексуальность не испытывала.

— Валяй к кровати, — скомандовала и для скорости хлопнула ладонью по заду. Как настоящий всадник. Ягодица колыхнулось как тесто. Зрелище ее развеселило, и она стала шлепать Надежду постоянно, пока та подбиралась к дивану.

Лена легла, сама стянула домашние трусы-шорты и широко раздвинула ноги, наплевав на категорическое неприятие лесбиянства и на свою нелюбовь к куннилингусу как к виду секса. На запах и вкус собственной промежности плевать стало. Рабыню стесняться что ли? Лишь бы поднять возбуждение и наконец-то кончить. Мимоходом промелькнула мысль, о том, что наказание сексом сильная штука. Испытывала, конечно, и не раз испытывала тягость недотраха, но жестокость наказания невозможностью разрядиться оценила на собственной шкуре еще тогда, когда неслась в туалет после попытки подкурить сигарету. А теперь захотелось естественности. Специально ни себя, ни рабыню не стимулировала.

— Лижь давай... нет, так щекотно, — дернулась Лена и от досады стукнула рабыню ладонью по голове. — Сильнее прижми язык, сука! Да не так, б-ь! В щелочку и по губкам осторожней вверх, к клитору... плотнее...да чувствуй меня, будто себя лижешь, прошмандовка! — В голове как вспыхнуло — верный приказ. Она может передавать ощущения рабыне. — О-ох, — сладостно потянула Лена. — Сама тоже возбуждайся, шлюха... — велела сквозь стоны и закачалась на волнах блаженства.

Летала вверх-вниз, постепенно приближаясь к пику и он не сплеховал. Ноги зажали судорогой голову лизуни и полученный оргазм Лену порадовал. Не такой мощный, как колдовством наведенный, но сладкий по естественному... как приход от натурального морфия отличается от убойной синтетики. Наркоманы поймут.

— Хорошо-о... — хрипло протянула Лена, — боже ж ты мой... — напряжение полностью спало, складки меж бровей разгладились и лицо растянулось в блаженной улыбке. С минуту тихо кайфовала, забыв отпустить голову рабыни. Ляжки легли на ее плечи, и та боялась шевельнуться, чтобы не нарушить нирвану хозяйки. Саму Надежду Александровну терзало дикое возбуждение, напоминая то, первое, после неудачной (или удачной?) проверки сигнала соседей... лишь бы разрядка было похожей — все простит...

В эту ночь Лена еще не раз заставляла себя лизать, а в конце приказала осторожно

трахать пальцами. Остановилась на трех, добилась очередного оргазма и уснула голой, зарывшись в одеяло. Лифчик и халат давно валялись на полу. Вняв осторожным просьбам рабыни, разрешила кончить и ей.

— Спи на полу, — приказала, зевая, — укройся, чем найдешь.

Надежда Александровна не сомкнула глаз до утра. Она чувствовала себя самым счастливым человеком на свете. Если существует такая сладчайшая награда, то почему бы не потерпеть унижения, к которым за несколько часов успела притерпеться. Ничего страшного в подобном рабстве нет... кроме ущемления наносной гордости. Но на это плевать она хотела.

Оба будильника зазвенели почти одновременно. Умывались, одевались, красились как старые подруги. Разве что Лена была старшей, а Надежда младшей. Лена на машине даже соизволила подбросить ее до работы, все равно по пути было. Чувствовала она себя сутра мерзко. Лесбиянкой с роду не была и становиться не собиралась. Стало противно от воспоминания о ночных забавах, но рассада проклюнулась.

— Так, шлюшка, слушай, — остановившись перед администрацией района, заговорила Лена. — Я тебе вышлю реквизиты, чтобы все оплатила, ясно? Потом квитанции за квартиру дам... черт, сейчас забыла. Все, гуляй пока, я позвоню.

— Я все сделаю, Госпожа, не сомневайтесь!

— А я знаю, что сделаешь, — ухмыльнулась Лена, — можешь зазря не лебезить. Да! Вот еще что. Худей и здоровей — это приказ. Жри меньше, спортом займись и все такое. Мне красивая рабыня нужна, а не такое чучело как ты. До встречи.

Когда Надежда вышла, дала по газам.

«Словно от чумы избавилась...», — с обидой подумала чиновница, глядя на быстро убегающий автомобиль. «Как же мне похудеть?», — Надежду Александровну охватило чувство тоскливой досады, в котором смешались собственные чаяния и приказ Госпожи.,

В середине дня перед обедом раздался звонок. Руки сами открыли связь и прижали телефон к уху. Рядом находились еще три бабы — бездельницы.

— Алло.

— Совсем забыла, шлюза, сделай депиляцию. Не нравится мне твоя мохнатка.

— Да, — и далее прошептала, — слушаюсь, Госпожа.

— Ты не одна, что ли?

— Да, — и снова тихо, — Госпожа.

— Ладно, разрешаю, когда мы не одни звать меня по имени — отчеству. — С этими словами бросила трубку.

Надежда Александровна положила на стол телефон в самых довольных чувствах. Одна часть души морщилась от презрения, а другая ликовала словно та Гюльчатая, которую господин назвал любимой женой.

Глава 6. Посиделки сестер

Все реквизиты и квитанции ушли через ватсап, разговаривать Лена не захотела. Даже о ста тысячах баксов, ставших, по сути, ее собственностью, забыла. Как невероятно это кому-то покажется. Не была она меркантильной, и желание выкинуть из головы лесбийский опыт повлек за собой и «расставание» с мнимыми, услышанными, а не увиденными воочию деньгами.

Жизнь закрутилась. Дети, как обычно, косячили в школе, муж мямлил свое; бывший невовремя вспомнил, почему, мол, детей к его матери с отцом не пускаешь, которые соскучились. Нет, чтобы о себе такое ляпнуть, так нет же! Наверняка новая жена мутит. Собрала детишек к первой свекрови, отправила. А в субботу неожиданно пришлось работать, и там, на объекте, во время общения с клиентами, позвонила Надежда Александровна. Прошло пять дней.

— Госпожа, простите, но Вы не запрещали звонить...

— Невовремя, я занята, — перебила ее Лена, отвернувшись от семейной четы клиентов, собирающихся купить квартиру. — Говори четко, не мямли.

— Я уже пять дней почти не ем, — отрапортовала рабыня. — Считаю калории, строго по схеме питаюсь, но...

— Быстрее! — тихо скомандовала Лена, когда клиенты при осмотре стали наткаться на недоделки, которые она собиралась скрыть. — Вы осмотрите лоджию... — обратилась к супругам и бросила в трубку, переменив решение. — Я сама перезвоню, жди.

Сделка выгорела. Более того, оказалась супер удачной. Скинула меньше предполагаемого и процент зазвенел веселой монетой. Среда — не выходной, но когда душа поет день недели не помеха. Деньги директор, вняв захватывающему рассказу о потере всех карт. выдал наличными, добавив:

— Реши вопросы, Елена, первый и последний раз.

Подруги пошли в отказ, мужу завтра тоже на работу, и он тоже встал на дыбы:

— Ну тебя нахрен, Ленка! Угомонись. Нам еще долги гасить. — В трезвом виде он, случалось, бывал до противности правильным.

Долги! Гасить! Тут она вспомнила понятно о ком. Позвонила из машины, которая для нее была вторым домом, как для мужиков в классических советских семьях гараж. Ее Серега автомобиль водить не умел и техникой не интересовался вовсе. Редкий, вымирающий тип половозрелых самцов.

— Здравствуйте, Елена Сергеевна, — через пару гудков ответила чиновница. В ее голосе слышалось такое облегчение и надежда, что Лене поневоле стало стыдно. Обещала же...

— У меня младшая дочь и внуки гостят — мужа совсем заездили, — послышался щелчок задвижки. — Я в туалете одна, Госпожа. — сказала тихо. — Очень Вас прошу, не бросайте трубку!

— Да слушаю я тебя, — выдохнула Лена, досадуя о падении настроения. Хотелось гульнуть. Не так, как тогда в клубе, все-таки завтра на работу, но деньги жгли и долгая, более чем недельная трезвость сказывалось. Душа горела праздником, но в первую очередь...

— Ты по счетам заплатила?

— Да, Госпожа, сразу же. Молю Вас, выслушайте меня!

— Да слушаю, слушаю... — с грустью ответила Лена. — Куда от тебя, обломщицы,

денешься...

— Пожалуйста, позвольте мне есть! — с глубинной тоской прошептала рабыня. — У меня кожа складками пошла, я мимо шашлычных ходить не могу, в магазине взгляд от сладостей не отрывается и голод. Жуткий голод, как в Бухенвальде! Я понимаю блокадников Ленинграда вспоминаю, когда они крыс сожрали и на детей косо смотрели! Не могу так больше. Еда всегда в голове, по адресам ходить невозможно. Только запах борща уловлю и все, чуть не падаю. Ни протокол заполнить, ни на комиссию родителей вызвать...и жевать. Всегда хочется жевать. Я и представить себе не могла, но я постоянно что-нибудь ела. Конфетки, леденцы, чипсы, все, что угодно, но челюсти всегда были заняты. Дирол и Стиморол, как мертвому припарки.... Муж скоро меня бросит — я готовить заставить себя не могу! Слюнями захлебываюсь. Молю Вас, Госпожа! Я не выдержу...

— Ох, как сложно... давай на видео переходи.

Щеки заметно уменьшились, прорезались глубокие морщины, глаза увеличились и ввалились, подбородок висел тухлым мешком, складки от лица опускались на шею. Женщина постарела лет на десять. Лишь только блекло-карий взгляд сверкал дикой надеждой. Широкие зрачки чернели бездной...

Лену передернуло от близкой съемки.

— Ты сколько в день себе назначила?

— Восемьсот. Восемьсот килокалорий...

— Дура! Для твоего-то веса?! Давай-ка... — начала было сочинять приказ, но в голову интуиция будто молотом шмякнула. Мозги загудели, трезвость мыслей осветилась ярко. Четко вспомнилось, как сама бросала курить и ясно обрисовались другие возможности управления телом рабыни.

— Значит так, слушай. — Твердо произнесла Лена. Лицо чиновницы сглотнуло. — Когда почувствуешь голод, подрочи. Кончишь — насытишься... купи в сексшопе самотык... с присоской, — зафантазировала Лена, отвлекаясь. — Черный. Нет, красный, да потолще... и потоньше тоже, экспериментировать... с вибрацией... Да! Ошейник обязательно, без него и не начинай... и еще... — но сама себя прервала. — Вот сучка! Совсем меня заболтала, шлюха, я заводиться начала, млядь! Тебе ясно?

— Я поняла, Госпожа, спасибо... разрешите немедленно в магазин ехать?

— Лети, млядь! — хохотнула Лена и отключилась, перенеся следующее воздействие на «попозже».

Бросив телефон на пассажирское сиденье, поехала домой. К маме с сеструхой, решив на полпути взять пива с рыбой. Расстояние было метров пятьсот всего, но не пешком же тащиться?

В меру пьяные, сытые вкусной маминой пищей, со стаканами пива они с сестрой расположились на застекленном балконе, закрывшись от бесящихся Ленкиных сыновей, с которыми воевала бабушка. Болтали. Тепло. Осень только-только проклюнулась золотистой россыпью на деревьях.

— С твоей красотой, Валька, я бы мужиками, как вентилятором вертела, а у тебя наоборот получается. Они тебя во все позы поставят, а потом сваливают.

— Да козлы они все, — привычно ответила сестра: длинноволосая брюнетка в домашних шортах и футболке; на ладонь выше сестры, в меру стройная, фигуристая, крайне приятная на лицо тридцатилетняя девушка, работающая аудитором в солидной конторе, финансовых проблем не испытывающая. Она «вышку» до конца дотянула, окончила, в

отличие от старшенькой разгильдяйки.

— Отца все ищешь? — в который раз констатировала Лена. — Нет его, не найдешь. — Их отец умер от инсульта пять лет назад.

— А ты будто не? Первый ладно, из протеста, а второй — копия.

— Да брось ты.

— А ты фотки сравни. А имя? А кто не мужнину фамилию взял, не от старого супруга оставил, девичью вернул?

Сравнивала Лена, соглашалась. По характеру тоже очень схожи. И про фамилию сестра права. А что было делать, если свадьба состоялась на сорок пятый день после похорон? На эмоциях вся была. Папка так сожалел, что на нем род Гуляевых прервется! Тогда она себе пообещала, что третий сын непременно станет Гуляевым. С мужем договорится. Но, не срослось... но согласиться с младшей сеструхой — позор для старшей.

— Со мной все ясно, не права ты. А вот что с твоим Саней? Жили — не тужили...

— Ага, тужили! Козел очередной. Ленка! К первой своей умотал, едва та пальчиком поманила. Как телок на веревочке поплелся... хоть бы на бойню! Я для него, оказывается, проходной вариант был... была. Козел драный! Ненавижу суку.

— Его или ее? — хохотнула Лена.

— Его, конечно! — удивилась Валя. — Она-то здесь причем?

— Вот поэтому, сеструха, за твою мягкотелость, мужики тобой крутят, а ты ими.

— Да можно подумать ты круче! — не на шутку возмутилась Валя.

— Я?! Стопудово круче!

— А почему это мамка тебя содержит, а?

— Она?! Меня?! С какого бодуна тебе это в бошку влезло?!

— А кто кредиты твои ежемесячно гасит из пенсии? А я, между прочим, нас с ней кормлю. И детей твоих тоже, которые у нас разве что два дня в неделю не ночуют!

Явный перебор. Валя разозлилась. Лена в ответ возмутилась.

— Не надо мне ничего от вас! Подумаешь, пару раз пеню оплатила и сразу — содержит! Детей ты моих кормишь, ага! Может, мне, когда они к бабушке рвутся, не пускать их? Или деньги им с собой давать на прокорм?! Будто в столовку идут, а не к родной бабушке. А ты знаешь, сколько стоит их к школе собрать?

— Знаю! Кто им новые рюкзаки покупал, не помнишь?

— А форма, учебники, тетради... да что перед тобой распинаюсь?! Своих заведи, ими командуй!

Валя фыркнула и отвернулась.

— Вот! Молчать только умеешь... — последняя фраза прозвучала умиротворяюще. Лена успокоилась. Не умели они с сестрой по-настоящему ссориться, с самого детства не умели. — У тебя просто мужика давно не было, вот ты и бесишься.

— Я?! Бешусь?! Окстись, дорогая, на себя глянь.

— Да?! — делано удивилась Лена. — Скажи-ка мне, дорогуша, когда ты в последний раз простынку мочила?

Когда-то, выйдя на откровенный разговор, Валя призналась сестре, что иногда во время оргазма произвольно писает. Совсем чуть-чуть, но после становилось неудобно. Даже стыдно, можно сказать. Она росла пай-девочкой. Прямой противоположностью сестре — бунтарке.

— Да иди ты! — обиделась сестра. Не раз корила себя за ту минутную откровенность.

Ленке нравилось ее подкалывать, видя нездоровую реакцию. Просто так, развлеченья ради, не со зла.

— Да ладно тебе! Пальчиком поди себя теребишь перед сном, а?

— Да иди ты, Ленка, лесом! Я не такая озабоченная как ты! Мне это нафиг не надо! — не признаваться же глумливой сеструхе о том, что в ванной любит душем себя ласкать. Потом насмешек не оберешься. — Над тобой, вон, Никитка хихикает, Ярику рассказывает как ты по ночам воешь. Они большие, все понимают. — Старшему было тринадцать, младшему двенадцать — разницы почти никакой, но Ярослав был жаворонком и засыпал как убитый, а Никита совой, поэтому в кровати ворочался долго. — Тебя к Сереге страсть как ревнуют!

— Тю-ю, Америку мне открыла! Ты о себе подумай, Валечка.

— Не беспокойся, Леночка, со своей жизнью сама разберусь, — на последних словах допила давно выдохшееся пиво.

— Ага, разберешься ты без старшенькой, — проворчала Лена и подняла со столика свой Айфон. — Улыбку, плиз... — попросила сестру, наставив на нее глаза смартфона. Но заветное окошко появляться не спешило.

— Брось, Лен, я сейчас страшная. — Отмахнулась Валя. — Давай крашусь сначала...

— Секунду... — остановила ее нахмурившаяся сестра, лихорадочно копясь в настройках.

«Есть!», — возликовала она, найдя-таки приложение «Объекты», которое распалось на две строчки: «Управление сексуальностью партнера» и «Контроль над телом и душой партнера». Валька — рабыня ей ни к чему. — «Бе-е», — Лену передернуло, едва только всплыл образ любимой сестры на месте противной инспекторши, а вот «сексуальность» — как доктор прописал.

— Смотрим камеру, оттуда вылетит птичка! — шелк, шелк, шелк... наверное, с десятого раза, резвящаяся как маленькая Валька, притворно закрывающая лицо ладошками, запечатлелась на экране. Глаза, смотрящие прямо, проклюнулись сквозь пальцы.

— Ой, — часто заморгала Валя, ослепило что-то... — ты вспышку-то убавь, — ляпнула первое, что пришло в голову, и с интересом, — дай-ка посмотреть.

— А почему одна? — спросила с обидой, взяв телефон у сестры. — Где остальные? Почему не листаются, Лен?

— Не знаю... — искренне соврала Лена. — Ну-ка, давай селфи вдвоем попробуем... глюкануло, наверное.

— Зря старого Афоню взяла, мой новый ни разу еще не глючил... давай, подсаживайся. Нет, давай сперва стоя...

Сестры могли развлекаться часами, переодеваясь во что попало и хохоча над собой, но телефон вдруг зазвонил.

— Твой, — сообщила Валя, в руках у которой находился Ленин айфон. — Ответить?

— Дай сюда, я сама, — обеспокоилась Лена, вспомнив про обиду на мужа перед отъездом, и что она сделала в отместку.

Глава 7. Добрые дела

— Алло, Ленка, ты где, мать?

— У нее как раз и гощу. С Валькой общаюсь, а что? — с притворным безразличием спросила Лена, заранее зная ответ.

— Срочно домой дуй! Авария у нас...

— Какая авария, Сережа? — внутренне усмехаясь, спросила Лена.

— Да, блин, так не объяснишь... давай срочно, скоро на стену полезу...

— Да объясни толком! Иначе у мамы заночую, так и знай.

— Не вздумай, я скоро лопну! Лен, лети домой, не капризничай...

— Да не лопнешь ты, не гони! С места не стронусь, пока не расскажешь, что произошло.

— А-а-а, — взвыл Серега и плюнул на гордость. — Стоит у меня, Ленка!

Лена откровенно заржала.

— И что? — пролепетала сквозь смех, — безрукий, что ли?

— Я что, онанист, что ли?! — возмутился было муж, но быстро сдулся. — Пробовал я, без тебя никак, — прошептал он. — Но это не главное, — Лена успела мысленно обидеться, как вдруг услышала. — Я поссать не могу. Скоро лопну. Моча уже в бошку бьет. Выбирай, мать, либо ты, либо «Скорая». Больно, ужас как, живот вздулся...

— Я быстро, Серега, не надо «Скорую»... — пообещала и побежала в прихожую, на ходу зовя:

— Охламоны, собирайтесь быстрее, домой пора... — вдруг затормозила, как в мультике и развернулась.

— Валька, иди попрашаем. — Обняла сестру, почмокались в щечки, погладила обеими руками ее голые локти.

Тут встряла мама.

— Пусть у меня ночуют, куда ты их на ночь глядя? Время к одиннадцати подходит. Форма есть, уроки сделаны — я проконтролировала, зачем ты их срываешь?

— Дети, вы как? — спросила Лена, обуваясь и надевая ветровку.

Сыновья хором заорали «У бабушки!».

— Ну и черт с вами, — проговорила, вытаскивая ключи из сумочки... которые сразу были отобраны матерью.

— Мам!

— Не мамкай! Куда за руль пьяной?

— Да я не...

— От тебя разит за три километра! Никаких машин, пешком. Я тебя провожу.

— Все-все, пешком, согласна, только не провожай, — с этими словами выскочила за дверь, услышав напоследок крик сестры: «Фотки мне скинь!», — не вызывая лифта, застучала каблуками по лестнице, с пятого этажа вниз.

Сентябрь. В десять вечера уже темно, но район давно стал спокойным, не то, что в дни ее юности. Добралась за пять минут, поднялась на лифте на третий этаж. Серега открыл дверь с первого звонка. Ждал.

— Я сейчас лопну, Лен, — сходу пожаловался он. — Я машину не заметил...

— Пешком я, у мамы оставила... ты как?

— Каком к верху! Давай раздеться помогу и в постельку...

— Ага, сейчас, — согласилась Лена, неожиданно для себя серьезно возбуждаясь. — Ты же меня обоссашь! — остановилась она, вспомнив главное...

— Да успею я! — взмолился он, — Не могу без тебя никак!

— Уже сможешь, дорогой, — успокоила она мужа, потрепав его ладонь своей правой рукой. — Давай, дуй в туалет, — говорила, насильно загоняя мужа в отхожее место. — Серьезно, получится, не стесняйся. Я дверь закры-ва-ю... — пропела как колыбельную и включила Сереге свет.

С облегчением прошла в большую комнату и продолжила раздевание, прислушиваясь к звукам из туалета. Скоро раздался рев дикого медведя, который через несколько секунд сменился блаженным стоном и громким журчанием...

— Хорошо-то как, — прохрипел муж слова больше свойственные жене. Ранее Лена никогда не слышала от Сергея голосового оглашения удовольствия, чем часто грешила сама.

Вывалившись из туалета, не смыв унитаза, Серега нетвердыми шагами, спиной, продвинулся вдоль стены и сполз по ней, сев на пол.

— Как хорошо, Лен... — повторил устало, — Какой это кайф... как в том анекдоте с циклопом прям... думал, лопну, как грелка, а тут облегчение... да вместе с кончиной... обал-деть... обоссал бы я тебя, не успел бы, мать...

Уже в постели, целуясь, Лена уловила у Сереги запах.

— Ты что, козел, пил?!

— Не свалила бы, не выпил, — обился муж. — Да и взял-то всего ноль пять пивка, одну стекляшку, считай, для запаха. От скуки.

— А я все гадала, как ты так за четыре часа всего...

— За шесть, дорогуша. Ты в пять вечера сорвалась.

Секс, как обычно, удался. Причем, солировал сегодня Серега.

Валя при помощи душа побаловалась теплыми струйками воды, которые приятно жалили мягкими иглами, обласкивая возбужденный клитор, мяли его, ласкали. Привычно поймала свой мягкий оргазмик. Легенький, расслабляющий, до конца девушку не удовлетворяющий.

Легла спать. И как черт нашептал — возбудилась. Нежданно-негаданно. Раньше, бывало, похожее случалось, но быстро рассасывалось само собой — главное не думать ни о чем «таким». Вот и сейчас попыталась перетерпеть. Но что-то необычное происходило сегодня. Вместо того, чтобы уменьшаться, похоть росла как зуд нечесаный. Клитор требовательно пульсировал, разгоняя по низу живота горячий нектар. Требовал и требовал разрядки все сильнее и навязчивее. Зуд становился невыносимым. Но только когда трусы промокли насквозь Валя окончательно убедилась, что не пересилит, что рукам придется дать волю, и бог с ней, с простынью, застирает...

Зародившись в области клитора, оргазм хлынул мощной волной во все стороны: вверх, вниз, влево и вправо, вглубь... сжал мозг в комок и отпустил, вызывая восторг и облегчение; остановил дыхание и разрешил дышать вновь... Валя прокусила подушку до перьев, чтобы не завопить от удовольствия. Крайне острое наслаждение омывало все тело, волна за волной... а когда отпустило, расслабилась до невозможности пошевелиться. Голова звенела свежайшей, счастливой пустотой; нежная сладость омывала самые потаенные уголки открытой нараспашку души. Удовлетворенная полностью, абсолютно, приятно устав каждой клеточкой, Валя уснула. Спала глубоко и сладко, без сновидений.

Ни один мужик не давал ей такого. Но утром четко осознала, что мужик ей нужен. Хрен

с ней, с любовью, чисто для здоровья. Права Ленка. О ее влиянии на вечернюю насильственную мастурбацию, Валя, как ни странно, не догадалась. Ни капли сомнения не закралось.

В черном кожаном ошейнике со стразами, к которому пристегнут поводок, свисающий до пола и скрученный в кольца, Надежда Александровна, сидя на коленях прыгает на присосанном к кафелю ванной толстом фаллоимитаторе, вибрирующем сериями. Устала. Задыхается. Скакать на искусственном члене невероятно приятно. Дрожание внутри тела стимулирует нежные точки, заводит еще сильнее, усиливая возбуждение, которое вроде бы подошло к пику. Оргазм явственно маячит на горизонте, но, падла, не спешит приближаться. Вспоминает, как легко кончается после команды Госпожи. Так и думает о ней, кстати, с большой буквы. Одной половиной так думает, второй — возмущается и бунтует, проклиная. Но обе в данный момент сходятся на одном желании, — кончить. Добирается рукой до маленького, очень чувствительного, но глубоко спрятанного клитора; ласкает его и, наконец, улетает в нирвану, растворяясь в ней... в этот момент свободная половина души прощает Лене все на свете...

Хронический голод, который жизнь богатой чиновницы сделал невыносимой, пропал бесследно, словно его и не было никогда. Живот, наоборот, наполнился приятной умеренной сытостью без чувства переедания, а во рту появился незабываемый вкус бабушкиных ватрушек с черемшой или творогом, которые маленькая Надя обожала уплетать со сметаной и маслом, и частенько третировала бабулю, требуя испечь еще и еще. После, став взрослой, перепробовала множество блюд из разряда «услада гурмана», но по сравнению с голубой мечтой детства, воплощенной здесь и сейчас, кулинарные изыски французских поваров померкли... еще одна награда от Госпожи...

Госпожа позвонила утром из машины по пути на работу.

— Привет, шлюшка, как дела? — спросила весело. Настроение у нее было великолепным.

— Все хорошо, Госпожа, спасибо за сытость.

— А то! Я могу... стой, ты одна, что ли? Почему не в коллективе?

— Я на больничном, Госпожа, дома сижу. Муж с утра в гараже. Похмеляться пошел.

— А что случилось? — с искренним сочувствием спросила Лена.

— Позавчера спина разболелась до слез. У меня давно уже остеохондроз, давно суставы ломит, давление, одышка; но все привычно и вдруг прихватило, как будто отбойником по спине лупят. Зашла я кабинет к Лидии Ярославовне — это мой терапевт, знающий врач...

— Короче, Склифосовский, не отвлекайся, только по сути.

— Слушаюсь, Госпожа! Она меня обследовала и нашла опущение почек. Объяснила, что жировая подушка, которая их поддерживала, резко истощилась и почки пошли вниз, натягивая связки — они-то и болят. Прописала постельный режим, запретила подолгу стоять и сидеть, направила на анализы и к урологу. Говорит, что за стремление похудеть, хвалит, но только под наблюдением врача и не так резко. напугала еще тем, что вслед за почками и остальные органы могут сместиться, посоветовала обратиться к диетологу. Вчера анализы сдала, сегодня к урологу надо, а он должен на рентген почек послать. — Отчиталась рабыня и замолчала.

— Отставить больницу! Ты где живешь? — странно, почему раньше не поинтересовалась.

Надежда Александровна назвала адрес и пояснила.

— Сталинский Гребень.

Монументальный трех подъездный дом в одиннадцать этажей с башенками над каждым подъездом стоял в центре города, возвышаясь над набережной реки беззубой расческой, — от того и «Гребень». Плюс намек на модные в те времена чистки партаппарата и прочие репрессии. — Являлся местной подделкой дома на Котельнической набережной в Москве, и контингент в нем жил аналогичный. Чиновники, приближенная к власти интеллигенция, бизнесмены. Квартиры сплошь многокомнатные с высоченными потолками и массивными стенами. Современные лифты, отремонтированные лестницы, черные ходы, консьержки и прочая. Квадратный метр в нем стоил — страшно представить сколько!

— Нихрена себе, — присвистнула Лена, — это сколько же ты зарабатываешь? Или ты столько на детских хатах имеешь? На них квартиру в Гребне приобрела?

— Это родительская квартира, Госпожа! — чуть ли не плача ответила чиновница. — Они у меня в обкоме работали, потом приватизировали, потом умерли... а мамашиними квартирами я всего десять лет занимаюсь, и зарплата у меня — грех жаловаться, — заныла инспекторша, как нашкодившая девочка перед строгой матерью, — я больше не буду, честное слово, если Вы не хотите...

— С чего это я не хочу? Паши, зарабатывай, как умеешь! Я не мать-Тереза и не Супервумен, которая за справедливость бьется, мути дальше, разрешаю. А не хочешь — не мути, твое дело.

— Спасибо, Госпожа! Вы... — но была перебита.

— Короче, я приехала. Сиди дома, жди меня к обеду. У меня контора, оказывается, в пяти шагах от тебя. Приготовь что-нибудь вкусненькое. Если муж заявится, то гони его нахрен. Не получится — отзовишься. Отбой.

Сегодня Лена целый день провела в конторе за написанием отчета. Хоть и была принята «по договору», но начальник был строг ко всем. Давно подумывала уйти в свободное плаванье в виде уже оформленного ИП, но не решалась. Клиентскую базу, вроде, набрала достаточную, но с базой недвижимости была беда. Да и на раскрутку сколько времени и бабла уйдет, стоит ли? Бумаги, правда, сильно бесили, надоели хуже горькой редьки, но приходилось терпеть. Пока.

Уже мечтая о вкусном борще со сметаной, — «Эх, надо было сучке его заказать», — подосадовала на свою недогадливость, — на выходе из офиса была поймана секретаршей шефа.

— Лен, тебя Сам требует, — проговорила, запыхавшись. — Еле догнала. Почему трубу не берешь?

— Не слышала, — пробормотала Лена, доставая из сумочки телефон. Странно, айфон был включен. Если честно, она понятия не имела, выключается ли он в принципе, не догадалась попробовать.

— Ладно, потом разберешься, — поторопила ее секретарша, — давай пулей, он ждет.

— Злой? Добрый? — попыталась выведать по пути в кабинет, но секретарша загадочно отмалчивалась. «Пусть помучается», — решила секретарша, наказывая сотрудницу за то, что пришлось за ней побегать. Ну, не нашла ее номер! В отделе кадров нет, потому как «договорная», а в собственных бумагах куда-то запропастился.

— Садись, Гуляева, — сказал шеф, не глядя, но когда поднял глаза, остановил. — Погоди... крутанись разок.

— Зачем, Лев Андреевич?

— Ну крутанись, что тебе, трудно?

Лена, пожав плечами, чувствуя себя душой, сделала оборот.

— Похудела, постройнела, помолодела... — восхитился шеф. — Красавица, прям!

— Значит, раньше страшилой была? Толстой старухой? — кокетливо обиделась Лена.

Настрой шефа оказался что надо! Зря переживала. Секретутка, есть секретутка! Коза.

— Что ты, Гуляева! Не обижай старика, побойся бога, я совсем не то имел в виду... ну тебя! Зубы заговариваешь. Присаживайся давай, в ногах правды нет.

Сразу взял быка за рога.

— Я заметил, что в последнее время твои дела идут в гору? — вопрос риторический. —

Мне нравится, как ты работаешь, а поэтому... — взял интригующую паузу, — хочу предложить тебе перейти от физиков к юрикам. Согласись, масштаб иной, гораздо более крутой масштаб. Выросла, Гуляева, выросла красавица. Ты как на это смотришь?

Да, масштаб действительно крутой. Сделок меньше, зато каждая на семизначную цифру минимум. Проценты конторе и проценик себе... нехило получается. Но почему ее, договорницу без вышки?

— Захочешь, в штат возьму хоть сегодня, Вероника Павловна тебя по сделкам натаскает. Честно тебе скажу, ума там надо не больше, чем при окучивании физиков. Ну, решайся, Гуляева, без подвоха!

— Да я, собственно, не ожидала, — растерялась Лена.

— Подумай, конечно, времени вагон. Маленький такой вагон, как на детской железной дороге, но времечко есть... два дня целых. А пока думаешь, возьми у Светы договор, потренируйся на кошечках. Получится — хвала тебе и цветы вместе с моим предложением; нет, значит «нет» от тебя услышал. Согласна? Вот и славно. Можешь идти, Гуляева. В качестве компенсации твоего драгоценного времени отпускаю тебя не на обед, а сразу домой.

— Договорчик у Светланы не забудь забрать. Под росчерк твой отдаст, не кобенься, распишись. И корочку нашей конторки со своим личиком у нее же сделай. Для юриков — это важно. — Напомнил, когда Лена стояла в открытых дверях.

«Что это было? Расстрел или помилование?», — рассуждала Лена, сунув тонкий файл в сумку, не заглядывая внутрь. Судя по надменному поведению секретарши, которая отдавала документ — расстрел. А если выгорит? Но Лена нутром чуяла — под паровоз пихают. Ее, в штат не встроенную, не жалко. Шарики долго бились о ролики, а она стояла, взявшись за дверную ручку машины. Наконец, тряхнула бестолковой и села за руль. Будь, что будет, плевать!

В квартире Надежды Александровны Лена ожидала увидеть висящие ковры, полированные шкафы, комод, стенку, набитую посудой и книгами, древнего дизайнера кровать, не менее старую тахту, огромные кожаные кресла и много мелочей наподобие вязанных салфеток и прочих рюше типа репродукций классических картин, как было у ее бабушки, но попала в хай-тек. Современный дизайн в стиле минимализма, кухня, нафаршированная умной техникой, отделенная от столовой барной стойкой, центр трапезного помещения занимал большой овальный стол, вокруг которого расположились мягкие широкие полукресла с высокими спинками, задвинутые сиденьями под столешницу. Со стороны ансамбль напоминал корону с припаянными к ободу зубьями. На полу — паркет, на стенах из украшений только орнамент на месте потолочного плинтуса. Натяжные потолки, шкафы — купе, огромная кровать с не пропорционально маленькими тумбочками,

массивный пуфик, антикварное трюмо, талантливо вписанное в футуристическое окружение, полукруглый диван, двухметровая плазма... и только, пожалуй, кабинет мужа с классическим столом, черной кожаной софой, с библиотекой на стеллажах и напольной лампой с зеленым абажуром более-менее соответствовал изначальным предположениям Лены.

— Просторно. Свежо. — Резюмировала Лена. — Кажется, эхо должно гулять, а нет его. Как это?

— Дизайнер так задумал, Госпожа, — ответила Надежда Александровна, стоящая за спиной хозяйки, как было приказано, ровно в одном шаге. На время работы гидом.

— Тебе здесь уютно? — поинтересовалась, оценивая собственные противоречивые ощущения. Согласилась бы она так жить? Пока склонялась к мысли «скорее нет». Но в целом, продуманность стиля нравилась.

— Я привыкла, Госпожа. Понимаю Ваши сомнения, но да, сейчас уютно.

— Ну-ну. Ладно, корми меня. На слюну изойду скоро. — до кабинета еле слышно доносился ни с чем несравнимый запах борща — угадала рабыня мечту хозяйки.

В столовой рабыня шустро сервировала стол, первым делом поставив фарфоровую супницу. Плоская тарелка, сверху глубокая, фаянсовая сметанница, соль, перец, столовые приборы из похожего на серебро метала — все как в ресторане. Надежда Александровна сняла крышку супницы, У Лены уже живот сводило от предвкушения, но обратила внимание, наконец, на руки рабыни. Кожа с похудевших предплечий свисала безобразными рукавами, как у древнерусской царевны-лягушки, которая ими на пиру махала. Налево — озеро с лебедями, направо — еще какая-то жесть. Лену передернуло от мысли, что сейчас, этими крыльями — парусами, невольница начнет наливать борщ в тарелку...

— Стой! Иди сюда, выдвигай стул и садись напротив. — Пока Надежда Александровна огибала стол, сама развернула свое полукресло. Сев напротив, рабыня по команде вытянула руки. Лена решительно выдохнула и своими ладонями охватила сложенные трубочкой пальцы невольницы. Закрыла глаза.

Мир померк. Во вселенной существовало одно образование, состоящее из двух перетекающих друг в друга цветных пятен, похожих на изображение двойной звезды, две части которой сцепились друг с другом двумя рукавами. Лена четко отделяла свое тело от чужого и откуда-то знала, что самые яркие пятна — проблемные области. Надежда Александровна сверкала практически вся. Сама же была заметно бледнее, но с очагами. Наиболее яркий горел красным пламенем внизу живота. В первую очередь занялась им. Простым движением мысли убавила яркость. Потом сменила цвет, сделав его неотличимым от окружающих здоровых областей, — самой душой, интуицией, чем угодно чувствовала, что поступает правильно. Перекинулась на другое тело. В нем сначала отыскивала здоровые участки и уже под них стала подстраивать окружение. Работа выдалась неожиданно долгой и кропотливой. Чувства времени не было, поэтому оценить за сколько она управилась не представлялось возможным. Наконец, Лена открыла глаза и разжала пальцы. Рабыня сидела напротив безмолвным безразличным истуканом. Ее взгляд был туманным и не выражал ничего.

Лена захотела выдавить из себя «Эй» и помахать перед лицом рукой, как вся столовая вместе со всем остальным миром пошла кругом... как падала на пол, потеряв сознание, уже не помнила.

Глава 8. Больничные будни

Идеально белый потолок резал глаза. Лена точно помнила, что у Надежды Александровны потолки были нежно-голубого, небесного цвета. Только что были...

Она помнила все до последнего момента, до головокружения. Мигнула темнота и вдруг — белый потолок. Скосила взгляд в сторону — капельница. Ошеломленная открытием попыталась сесть, но тело оказалось невероятно тяжелым, будто свинцом напичкано. От усилия возникла одышка и Лена почувствовала, что что-то ей мешает дышать. Опустила глаза вниз и заметила пластиковую фиговину, к которой подведена прозрачная трубка. Спустя несколько секунд догадалась, что это кислородная маска и попыталась ее сдернуть. Правая рука слушалась с трудом. Собственный вес преодолела с усилием битюга, тащившего в гору телегу с чугуном под завязку. Ладонь упала на маску, которая больно резанула лицо острыми краями, пальцы вцепились в крепление шланга и собственной тяжестью поволокли вправо. Рот освободился только наполовину — резинка — фиксатор помешала, и кисть сорвалась. Рука свесилась с кровати. Все, силы иссякли.

Вдохнув пропитанный медикаментами воздух, Лена окончательно убедилась — таки-да, больница. Как ее сюда занесло? Что? Где? Когда, в конце концов! Шлюха, что ли, сюда определила?! Да как посмела?! Внезапное возмущение отняло последние силы и Лена отключилась. Она не услышала стрекотание датчиков и суету персонала. Потеря сознания плавно перешла в глубокий сон. Здоровый, глубокий сон без сновидений.

— Лена! Леночка, проснитесь, — поставленным баритоном позвал красивый мужской голос. — Хватит спать, красавица, просыпаться пора, обход. Голос звал, а рука осторожно трясла за плечо.

Лена без капризов открыла глаза.

— Где я? — шепот вопроса сорвался сам. И сразу кашлянула, прочищая горло.

— Все вопросы потом, — остановил ее доктор — ухоженный мужчина средних лет с холеной бородкой. — Обход будет, услышишь.

Доктор ушел и вскоре в палату ввалила толпа белохалатников. Из услышанного между ними общения не поняла и половины, а у нее поинтересовались только самочувствием. Из того, что разобрала, вычленила наиважнейшие для себя открытия: ее доставила «скорая», раз, у нее анорексия, два, неделю провалялась в коме, три, состояние дистрофии, — обидное, кстати, название! Как детская дразнилка, означающая дрыща, — четыре, анализы идеальные, на зависть здоровым, что невозможно, пять. И это все.

«Неделя!», — вспыхнуло в голове. — «Неделя, мать твою! А дети, работа, муж?! Они в курсе?!». Не успело сердце разбиться, как в палату влетела заполошная мама со слезами в глазах.

— Доченька! Доченька, как же так, как же ты себя довела! — лицо пачкали ее мокрые поцелуи, но Лене было приятно. Приятно до такой степени, что невольно разревелась сама. — Ты же себя чуть не похоронила, доча! — сквозь причитала мама, — зачем ты себя изводишь, зачем?! Серега твой требует, да?! Козел безрогий! Уж я ему все рога с корнями обломаю! Задумал девочку мою уморить! Ишь, чего удумал, трутень толстопузый, да я ему... ты выздоравливай, доча, кушай досыта и никого не слушай! Доктор говорит, тебе питаться надо и все лечение... а еще витамины обязательно, я тебе принесла...

Лена, не прерывая словесный поток матери, блаженно улыбалась, как дурочка, и

свинцовой рукой гладила мать по щеке. Как она, оказывается, ее любит! До умопомрачения. И это взаимно. А пальцы больше походили на нитки с суставами — четками. Перебирать можно.

Как же она похудела! Только сейчас дошло до понимания Лены. «Расплата за доброту... так это получается, ее рабыня «скорую» вызвала — больше некому. Зачем? Уморила бы и освободилась... загадка... но, чтобы больше так глупить? Ни в жизнь! А если бы хворь серьезная была, рак, допустим... или была? Мать моя, женщина, как все запущено! Но ничего, отъемся — разберусь...», — пообещала себе Лена и сердце замерло: «Где мой Айфончик?!»

Мама все трещала и трещала. Все за нее переживают, все о ней беспокоятся, все ее любят в любых размерах. Даже гад — зятек уверил, что тоже. У пацанов все в порядке, на работе ждут ее выхода с больничного, сватья чуть ли не каждый час названивает и одно по одному, всю родню вспомнила.

Прервала ее словоизвержение только вошедшая в палату женщина. В возрасте, ухоженная, в нестандартном, фасонистом белом халате из дорого материала. То ли шелк, то ли атлас — Лена не определила.

— Почему посетители в палате? Время посещения с шестнадцати до восемнадцати вообще-то. Вы — мама? С Вами позже побеседуем, а сейчас на выход, пожалуйста. — проворковала женщина командным голосом. Мама послушалась беспрекословно, успев поцеловать дочь и шепнуть «я вернусь».

Женщина пододвинула табурет, аккуратно села и представилась.

— Я врач — психиатр, Анна Олеговна. А ты у нас... — глянула на историю болезни, которая оказалась у нее в руках, — Кто ты?

— Лена я, — представилась Лена слабым от плача голосом. Шмыгнула носом. Поискала взглядом салфетку или полотенце и приняла любезно преподнесенное вафельное изделие. Врачиха сняла его с дужки кровати. Не стесняясь, высморкалась и вытерла слезы. — Гуляева.

— Часто плачешь? — поинтересовалась докторша.

— Не, не очень. Мама довела причитаниями.

— Зачем худеть удумала? В дверь не влезала?

— Ничего не удумала... — заговорила было Лена, но задумалась. Сказать правду — не поверят, в психушку упекут. А за анорексию? Кругом засада. — Ну... немножко удумала. Толстой себя считала, дура, а во мне всего-то семьдесят пять было при росте сто шестьдесят пять. Считала калории, уменьшала, а потом аппетит пропал. Совсем пропал. Вот ни граммуленьки есть не хотелось. Детям и мужу скрепя сердце готовила и изображала, что сама ем.

— А после в туалет и пальцы в рот? — уточнила Анна Олеговна.

— Не, я забирала свою тарелку и в комнату уходила, а там в окно, воробьям.

— И не заподозрили? Видели же, как сохнешь. Муж особенно. Мать.

— С мужем не спала — ссоры разыгрывала, и всегда одетая ходила. Подкладывала там-сям. А потом зашла в гости, а там запах борща, густой такой, противный донельзя, ка-а-к в нос шибанет! Очнулась здесь. Вот и все. А! Знаете, у меня теперь аппетит проснулся. Слона бы съела, честное слово!

— Seriously? — переспросила врачиха, не скрывая иронию.

— Век воли не видать, — побожилась Лена. На ее счастье тут же распахнулась дверь и в

палату въехала тележка с обедом. Как подглядывала.

— Сейчас и покажешь, как слона поглощать будешь, — усмехнулась психиатр. Но сомнения в заочно поставленный диагноз все-таки закрались.

Встала, убрала табурет, освободив место тележке.

Санитарка, сама аппетитная, как запахи, которые доносились из-под больших пластиковых колпаков, скрывавших тарелки, ловко, с помощью пульта, привела кровать в сидячее положение и спросила участливо:

— Тебя покормить, девонька, или сама?

— Сама попробую. Но когда устану, то Вы. Ладно? Кишки будто на кулак намотали, так жрать охота... ой, слюной захлебнусь. — Приговаривала, пока санитарка ставила на колени специальный столик и накрывала его тарелками. К сожалению, только двумя. С парящим бульоном с куриным запахом и неопределенной массой, в которой с трудом угадывался мелко прокрученный фарш, перемешанный с манной кашей. Хлеба не дали.

— Диета у тебя, девонька, — с сожалением пояснила санитарка. — Ничего твердого пока нельзя — живот не примет... ох и довела ж ты себя! Держи, — выдала, наконец, алюминиевую ложку.

Бульон потек блаженным нектаром. Вкуснотища! Рука осилила почти всю тарелку, а аппетит лишь раззадорился.

— Теперь Вы, — тяжело выдохнула уставшая Лена. На лбу выступили бисеринки пота. Санитарка привычно-ловко продолжила кормление, полотенцем убирая потеки на подбородке.

«Точь-в-точь ребенок», — весело подумала про себя Лена. — «Восемнадцать месяцев от роду».

— Богатая, а истязает себя, как... зачем дурью маялась? — сетовала кормилица, кормя.

— Я не богатая, — поправила Лена, проглотив очередную ложку каши.

— Ага, не богатая, щас! В отдельной палате лежишь, я тебя персонально кормлю, к другим больным не спешу. Потому как одна ты у меня. А еще подтираю, памперсы меняю, умываю, перестилаю... либо с родителями тебе повезло, если не сама платишь. Все это денежек стоит немалых...

— Лена, — раздался вдруг голос забытой врачихи. — Тебя скорая с адреса забрала, а вызвала ее Окладникова Н. А. Это, случаем, не Надежда Александровна из Администрации?

«О! У шлюхи фамилия, оказывается, Окладникова», — испытала к рабыне что-то вроде благодарности. Хотя она, сучка, во всем виновата. Худеть вздумала! Ишь, блин! О собственном приказе Лена предпочла не думать. Хотя помнила, разумеется.

— Ага, она.

— То-то смотрю адрес интересный. Вы с ней знакомы?

— Так, мельком. Она приходила ко мне с проверкой. У меня все хорошо оказалось, придраться не к чему. Разговорились. Тема зашла за похудение. Время прошло, я забыть забыла, а тут она звонит. К себе зачем-то позвала...

— Вы не родственники? — уточнила Анна Олеговна.

— Ну-у, — натурально замялась Лена. — Надежда Александровна женщина суровая...

— Ладно, какая мне разница, — отмахнулась врачиха. — Наелась? — спросила, когда санитарка принялась убирать посуду.

— Еще бы три раза столько! И компот.

— Сама поддержишь, деточка? — поинтересовалась кормилица, протягивая стакан с компотом, из которого торчала трубочка. Обычная трубка для коктейля, заранее согнутая.

— Да уж постараюсь, — оживилась Лена и двумя руками это ей удалось.

— Отсутствием аппетита ты не страдаешь, — подтвердила психиатр. — Но пообщаемся еще полчаса минимум.

— Зачем? — взмолилась Лена. — у меня глазки слипаются. Опустите лучше кровать. Пожа-а-луйста, — закончила сладким демонстративным зевком.

— Сначала поговорим, — безапелляционно заявила докторша. И стала засыпать больную женщину вопросами, требуя непременно точного ответа, все всегда уточняя и уточняя.

Наконец, глянув в свой телефон, заключила.

— Рвать так и не потянуло... у тебя вообще все странно, включая анализы. До свиданья.

Подошла к кровати, опустила верх и зацокала каблуками туфель к выходу. В дверях обернулась, намереваясь что-то добавить, но промолчала. Пациентка сладко спала на боку. Губки умильно вытянулись и еле слышно трепетали при выдохе... лишь пузыряей, как у грудничков, для полного счастья не хватало.

Психиатр к Лене больше не приходила и в психушку не упекли. Попытались, было, вынудить подписать согласие на добровольную госпитализацию в областной дурдом, но Лена была тверда. На недобровольный перевод, видимо, не решились. Пациентка семимильными шагами шла на поправку и через неделю после выхода из комы ее выписали с весом пятьдесят два килограмма. Самое то, как мама советует. Выглядела она стройной, фигуристой, красивой, молодой. Пломбы из двух зубов, которые без вскрытия канала, поверхностные были, выпали и заменились здоровой костью. Кожа лучилась здоровьем, морщины разгладились, выглядеть Лена стала лет на двадцать пять. Девушка, ах! Глядя в зеркало, оценивая свою голую внешность, Лена глазам не верила. По сто раз зажмуривалась, но наваждение не спадало. Давила в себе радость как могла, чтобы не сглазить, но всякий раз в санузле, где висело ростовое зеркало, ликовала от счастья. Счастье ее, пожалуй, только с детским восторгом сравнить можно. С тем, который возникает от нежданно-желанного подарка, о котором в самых сладких снах вспоминать опасалась.

Айфон совершенно случайно нашелся под подушкой. Персональная санитарка с виноватым видом пришла к Лене и заявила, что в ее вещах телефон не найден. Лена, к тому времени уже нащупавшая свое богатство, успокоила ее.

Обзвонила всех. Всех отговорила приходить к ней, включая детей сестру маму и мужа. Чтобы пялились на ноги — спички? Ни в жизнь. Рабыне звонить не стала. Успеет еще. И так ясно, кто ее комфортное положение оплатил. Та тоже общаться не спешила. Но накануне выписки Лена скинула ей размеры, понимая, что старые шмотки попросту спадут или будут болтаться мешковиной, и указала по скромному: нижнее белье, колготки, джинсы, футболка, кофточка, куртка — за бортом успело похолодать. Надежда Александровна явилась часов через пять, сразу после ужина.

— Здравствуйте, Госпожа! — заявила с порога. Не слушая разрешения, вошла в палату и водрузила на тумбочку два огромных картонных пакета без надписи.

Выглядела она великолепно. Строгая юбка чуть ниже колен и жакет от итальянских производителей, деловая прическа, мягкий макияж, но главное — возраст. В симпатичной уверенной в себе женщине лет около сорока невозможно было узнать злую обрюзглую тетку далеко за полтинник. Не худая и не толстая, чуть полнее, чем принято называть «стройная».

Почти идеальную для ее видимого возраста фигуру немного портили непропорционально крупные груди, но это дело вкуса. Тем более, что увеличенный бюст виртуозно скрывался в специально продуманном для таких размеров жакете.

Черты лица безусловно ее, рабыни. Оно оказалось действительно округлым, славянским, с выраженными скулами и мягкой челюстью. Наплывы жира сейчас его не портили. Двойной подбородок исчез бесследно, словно его не бывало. Крупные мимические морщины только угадывались, мелких не было вовсе.

— Это ты, шлюха? — невольно вырвалось из ошеломлённой хозяйки.

— Я, Госпожа. Я на свой вкус Вам одежду принесла. Не судите строго...

В большом санузле платной палаты Лена перемерила все, слушая оценки рабыни, которой приказала сей момент говорить честно. В конце концов, остановилась на джинсах неизвестной ей фирмы, кроссовках Рибок и бежевой блузе из шелка с длинными рукавами. Куртка оказалась одна, без возможности выбора. Но довольная своим видом Лена не попеняла «забывчивую» рабыню.

— А ты молодец, шлюшка. — Похвалила Лена. — А все равно ты — сучка.

— Что не так, Госпожа? — заволновалась рабыня. — Я старалась больше, чем для себя...

— Ты виновата в том, что хочется мне кушать, — продекларировала Лена. — Я, сучка ты позорная, когда переодевалась в твои драные шмотки, нагяделась на себя голую в зеркало. Сама себе, блин, понравилась! Не будучи онанисткой и лесбиянкой, возбуждалась. Только не говори, что виновато мое двухнедельное воздержание! Без тебя, сука, знаю. Свет мой зеркальце скажи, я ль на свете всех милее?..

— Вы прекрасны, спору нет, — невольно вырвалось изо рта Надежды Александровны, принужденной сейчас говорить правду. — Но на свете есть милее, и румяней, и белее...

— Ах ты тварь позорная! — остановила ее Лена, почувствовав, что возбуждение растёт в геометрической прогрессии. Снижать ее искусственно, касанием правой руки, или заставить себя испытать оргазм от себя же, родной, не желалось категорически. Захотелось банально кончить от чужого воздействия. Пол не важен. — Отвечай, шлюха, за базар! Лижи давай!

Рабыня опустилась на колени, расстегнула и стянула с хозяйки джинсы. Следом спустились колготки и трусики. Лена специально широко не расставляла ноги и невольнице пришлось стараться, вытягивая язык и сверх меры напрягать шею.

— А-ах, хорошо-о... — прокомментировала Лена, за несколько секунд до этого, напряженно затаив дыхание, дергала задницей и вяло приседала, будто бы пытаясь увернуться от языка рабыни. Та не поддавалась. — Хватит... — блаженно прошептала Лена и отодвинула голову Надежды Александровны от себя. — Умеешь, сучка... — после этих слов, на ходу натягивая спущенные трусики и все остальное, открыла защелку туалета и, подбредя к кровати, завалилась на нее.

— Я еще покайфую, может, усну. А ты иди. Если возбуждалась, разрешаю кончить... любым способом... шмотки все оставь... — и, уже отключаясь, вспомнила, — не говори мне больше чистую правду, отвечай, как пожелаешь... обидно, блин, не ожидала... — последние слова сказала сама себе, засыпая.

Глава 9. Преступление и наказание

Дома первым делом устроила с мужем праздник секса. Потом от бабушки прискакали дети с самой бабулей и теткой и не слазили с матери, галдя, как она красива. Мама снова всплакнула, теперь уже не взаимно с дочерью, и так же отметила ее «хорошесть». Валька открыто обзавидовалась, на что Лена ей ответила.

— На себя глянь, дурочка. Ты на килограмм шестьдесят выглядишь при твоих стасемидесятитрех. Красотка! Ну, чуточку с боков прибери и смело в фитнес, мужиков цеплять.

— Да иди ты! Я из-за тебя ночи не спала...

— Из-за козлов мужицких надо ночами бодрствовать, когда они рядом, а не из-за сеструхи, которая, подумаешь, в больничке прохлаждается...

— Дура ты, Ленка! Нам сказали, что ты в коме, что умереть со дня на день намерена... знаешь, как я боялась!

Сестры обнялись и всласть поревели.

На следующий день подтянулись подруги и жгуче воскликнули «Вау!» и наперебой стали выпытать секреты молодости. Лена хохотала, купалась в лучах внимания, питаясь черной завистью, и вешала лапшу на уши обеим оставшимся закадычным приятельницам из десятка некогда клявшихся в вечной дружбе девчонок.

Лев Андреевич, увидев Лену, онемел. Язык пришел в норму спустя нескольких десятков секунд, на протяжении которых Лена откровенно кокетничала, поворачиваясь и так, и эдак.

— Ну, Гуляева, ты даешь...

— Исключительно мужу. Лев Андреевич, — игривое настроение не устаканивалась.

— Твои женские прелести меня не интересуют, не надейся. Но красава! Блин, слов нет. Ты можешь что угодно врать, но лежала ты в косметологии... или в пластической хирургии... или черт вас, баб, знает где, где вас рихтуют. Помолодела... прими восхищение. К-х-м, — протяжно откашлялся. — Теперь к делу. Больничный, как ты понимаешь, тебе, ИПэшнице на контракте, оплатят половину средневзвешенного заработка. В курсе?

— Знаю, — беззаботно ответила Лена. — Вам файл вернуть? Просрочен уже, наверное, но я не виновата — бюллетень случился.

— Какой файл? А! Ты про расторжение договора аренды? Что ты, что ты, в силе! Там арендатор год не платит, две недели уже незаметны. Договор еще помнишь? Наш с тобой тоже в силе, я своих не бросаю. Я в армии служил, знаю о чем говорю.

— Вот-вот, Лев Андреевич, почему я? За столько дней могли бы другого... — в голове Лены трещали шестеренки, понять ничего не могла. Договор расторжения договора аренды, оказывается, в том файле, который так и не удосужилась открыть. Не совсем прямая задача риэлтеров, скорее прерогатива юристов вплоть до суда... — В суд бы подал, раз год съемщик не платит.

— Кхм, — снова кашлянул шеф. — Ну-у, раз пошла такая пьянка... не хочет арендатор подавать в суд, привлечь коллекторов и, тем более, братков. Желает мирно договориться и убедить арендатора поставить две закорючки в договоре расторжения. Там при составлении косяк вышел — не предусмотрен автомат, как обычно. Арендатор нанял меня, ушлого, понадеялся... я, честно признаюсь, обломался. Но там такие бабки, такой процент! Терять жалко, как моей бабушке любимые тапочки. И тут ты вся такая белая и успешная. Чем черт

не шутит? Так что все в силе. Ты — выгоняешь арендатора, я — хоть к юрикам тебя определяю, хоть на месте оставляю, хоть добро даю на свободное плавание и базой делюсь. Решай.

— А бабки? — нагло поинтересовалась Лена. — Вас за сколько наняли? Хочу половину.

— Гуляева, ты меня удивляешь. Иди, работай, пока я не передумал. А то стану думать о тебе плохо.

— От того, что Вы обо мне думаете, в кармане не звенит. Вот папка с договором и я пошла, как Вы сказали, работать. А то два звонка сегодня уже сбросила от клиентов. — Приврала и демонстративно медленно стала разворачиваться к выходу.

— Постой! — усмехнулся старый Лев, разгадав все наивные увертки молодой львицы. — Да хрен с тобой! Мне чисто ментально жалко, душа противится с мнимым доходом расстаться, а как таковых денег все равно не предвидится. Полста штук зеленых рублей хочешь?

Лена медленно развернулась обратно.

— Пишите четкий договор, словам я не верю. Дата, подпись, печать — обязательно. Пятьдесят процентов, то есть двадцать пять тысяч долларов после попытки исполнить задание — могу на камеру снять, — вне зависимости от результата. Остальное — в случае исполнения. Торг не уместен.

— Не сыпьте Ильфом и Петровым, Леночка, — укорил ее шеф. — Но в принципе ты права. Я согласен.

Днем Лена подъехала к зданию на машине. Пешком покрутилась вокруг. Заходить внутрь почему-то стало боязно. Крупнейший в городе, дорогой как шмотки от Луис Витона спа-салон «Виталина» с соляриями, фитнесом, парикмахерскими, визажистами и прочим педикюром с банями всех сортов, бассейном и разными массажными с какими хочешь прибрдами, включая иглы и воск с депиляцией. Все для женского настроения, красоты и здоровья. С обратной стороны от главного входа висела скромная надпись «Массаж». Порывшись в городских форумах, узнала, — это бордель. Ну и прямое соответствие названию тоже присутствовало — по желанию клиента.

Задумала поиграть в Штирлица и наведаться к зданию вечером, причем, оставить машину в квартале отсюда и пройти пешком через парк. Туманное какое-то объяснение услышала от шефа, детективный азарт разыгрался. Наркотики? Оружие? Черт разберет, но не просто так случилась замута. Странно все, неправильно.

Снег еще на выпал, но вечером сквозило по-зимнему. Стемнело. Лена закуталась в куртку и шла по главной аллее безымянного парка в центре города. Половина фонарей не работала, лавочки пустовали. Ничто не предвещало беды. Конечно, стараниями оператора и композитора можно было бы нагнать атмосферу напряжения, как в триллере, но ничего подобного Лена не чувствовала. Интуиция не колыхнулась, не шевельнулась, не прорвалась еле слышным шепотком, когда Лена, ничего не подозревая, схлопотала удар по темени. Боль в голове и тьма в глазах.

Очнулась она в кустах. Лежала, придавленная увесистым мужским телом. Перед лицом маячила рожа в балаклаве, пыхтящая, пахнувшая тяжелым возбужденным дыханием. Глаза в прорезях горели жадным вожделением и в то же время пугали холодом безразличия. Чужие противные руки судорожно расстегивали джинсы...

О серийном насильнике в парке Лена не слышала, да и о маньяке слухи в городе не ползали. Но он вот, на ней, и прямо сейчас готов завершить свое черное дело. Лена завопила

было от страха, но жесткая ладонь зажала рот

— Пикнешь еще раз — убью, — холодно произнес насильник и Лена ему поверила.

Ужас обуял все ее существо. Ужас, противность, гадливость. Попыталась бороться — мужик был сильнее. Штаны с колготками и трусами стягивались медленно, но непреклонно. От беспомощности и страха хотелось визжать поросенком на бойне, но смертельно холодный взгляд ее физически парализовал. Конечности стали ватными, о серьезном сопротивлении и думать не приходилось. Одежда запуталась на коленях, и насильник с рычанием загнул ноги Лены чуть ли не к голове, оголив самое сокровенное. Лена успела почувствовать холод, обдувающий задницу, а вслед за этим горячий возбужденный член в презервативе, тыкающийся вслепую в святая святых.

От гадливости ее чуть не вырвало. От неизбежности изнасилования, от предчувствия боли и унижения сознание затуманилось. В реальность происходящего перестало вериться. Но она не сдалась, сопротивлялась, как могла, забыв обо всем на свете...

Злодей бал человеком, а не осьминогом, на все конечности его не хватало. Правую руку Лены он упустил и буквально ослеп от вспышки. Поморгав, восстановив зрение, увидел перед носом камеру смартфона.

— Теперь мне придется убить тебя, дура. Могла бы живой остаться и удовольствие получить, сука... — с этими словами попытался отобрать телефон, но рука прошла мимо.

Тихо взревев, большими пальцами захотел придушить наглую жертву, но они сами собой разъехались, и он уперся в холодную траву. Чувствовал он себя как обычно. Все вроде бы слушалось. Но по отношению к этой чертовой красивой бабе руки и ноги действовали неловко. Попытался ударить — промазал. Хотел удержать — не получилось. Девушка вывернулась из-под него, девяносто килограммового накачанного самца и с визгом, на ходу натягивая штаны, пустилась наутек. Побегать за ней насильник побоялся. Член обмяк.

Лена не думала куда бежала, но ноги сами принесли ее к стоянке, к родной машине. Обнаружила, что сумочка с ключами остались там, в парке, рядом с насильником. Дико завывала и пнула по дверке. В ответ, споря с ее голосом, застонала сигнализация, будто вторя хозяйке. Плачь вырвался сам по себе и Лена, опустившись на колени, уткнулась в руки, сложенные на холодном капоте, заревела белугой.

Со слезами вытекали ужас и страх, заменяясь глубокой жалостью к себе, к такой нежной, доброй и неповторимой. Почему она? В чем провинилась? За что это гадкое наказание? О самом насильнике, который в любой момент мог вырваться из парка и напасть, не думалось. Захотелось немедленно принять душ и отмыться от грязи. От дерьма, которое заляпало ее всю, от липких рук, от ощущения собственной противной до рвоты беспомощности...

Воспользовавшись волшебным айфоном как обычным телефоном, вызвала такси. Спустя полчаса, почти успокоившись, оказалась дома. Расплатилась онлайн банком с карты, давно разблокированной, и залезла в душ. Слава богу муж работает в ночную, и снова слава ему же, дети ночуют не у бабушки, как привыкли за время болезни матери, а все-таки наскучавшись по мамочке, были дома. Ключи от квартиры остались там же, рядом с ключами от зажигания. Никита открыл дверь.

В душе, задевая шишку на темени, смачно материлась. В зала, на диване, размотав с волос полотенце принялась сушиться феном и взывала. От горячего воздуха опухоль загудела, разливая боль по всему черепу. Странно, что теплая вода, наоборот, успокаивала. Лети, повисев на матери первые две минуты, закрылись в своей комнате, чтобы заниматься более

интересными вещами — воевать онлайн не по-детски.

— Козел ... (в переводе на язык без матов примерно соответствует прилагательному «затраханый»), пидорас долбанутый! Кочерыжка вывернутая, чтоб тебя разорвало, гандона конченного. Эх, млядь, мне бы тебя, пидора, коснуться, ты бы у меня поплясал тарантеллу!

В этот момент в кармане махрового халата громко завибрировал смартфон. Лена уже не удивлялась появлению аппарата в самых неожиданных местах. Во время нападения в руке он возник сам собою.

«Вам предлагается интерфейс удаленного управления запечатленным сексуальным партнером». «Принять», «Отклонить». Разумеется, принять!

Сверху надпись: «Безымянный объект», ниже поле, на полу которого лежит оранжевый шарик. Под ним бежит полоса времени, слева вертикально столбец, подписанный как «сексуальное возбуждение». Лена пальцем подвигала шарик, который перемещался только вверх-вниз. Злорадно усмехнувшись, резко подняла его на максимум. Над круглым пятнышком возникла и замигала длиной на весь экран продолговатая ярко красная клавиша «оргазм», в правой части которой, отделенная от основной части черной чертой, красовалась надпись «настройки». Ее-то и нажала, заранее представляя, что за этим последует. В памяти возникли давно усвоенные графики, которыми пользовалась интуитивно. Возникшее меню открытием не стало, и Лена, испытывая предвкушение мести, выбрала первый пункт: «семяизвержение без приятных ощущений, без удовольствия». Пролистнула далее. Снова знакомое.

«Желаете, чтобы объект не подозревал о причине своего состояния?» — это случай с Валькой. Ей его интуитивно устроила.

«Желаете, чтобы объект знал о причине своего состояния, но воспринимал этот факт как само собой разумеющееся?», — так Серега думает.

«Желаете, чтобы объект знал о причине своего состояния и любыми путями стремился к разрешению возбуждения?», — начальная стадия порабощения высокомерной инспекторши.

Выбрала последний. Вспомнила, как Серега готов был на стену лезть всего лишь через несколько часов от невозможности поссать, сладко улыбнулась. Муж, кстати, если судить по новоявленной шкале, находился тогда всего-то на половине возбуждения. А если бы его «шарик» был поднят, как сейчас у насильника, до упора? Трудно представить, что бы было.

Следующий лист оказался сюрпризом.

«Желаете всегда знать местонахождение объекта?»

«Желаете, чтобы объект всегда знал ваше местонахождение?»

«Желаете, чтобы вы с объектом всегда знали местонахождение друг друга?»

Пришлось не на шутку задуматься и, в конце концов, выбрать первое, догадавшись, что настройки можно изменить в любой момент.

Наглядный интерфейс в плане выбора вариантов заметно уступал интуитивному, но Лена резонно подозревала, что он далеко не окончательный, что может меняться чуть не на ходу, подсказывая хозяйке новые или возобновляя старые, несправедливо забытые возможности.

Довольно откинув айфон, закуталась в одеяло. Ночь, думала она, выйдет бессонной, но насильнику придется гораздо хуже. Стоило только о нем подумать, содрогнуться от злобы и омерзения, как с точностью до пары вершков узнала, где он находится. В десяти верстах без малого, в Староградском районе, на улице Ямщицкой, в доме пять, квартире одиннадцать,

третий этаж дверь направо. Пообещала себе не спать, следить за перемещениями — вдруг в сумочке адрес найдет, наличие которого в поддельной Гуччи хоть убей не помнила — был он где-нибудь записан или нет. Паспорт с собой не носила, права лежали в козырьке над водительским местом, чтобы не забыть, на удостоверении риэлтора только имя, фамилия и ID с названием конторы. Позвонить туда сможет только утром, вот и подождем. Строя планы мести, Лена сама не заметила, как уснула.

Будильник зазвенел в двадцать минут восьмого. Лена заполошно вскочила, но, вспомнив, что у нее свободный график, с наслаждением забралась под одеяло... которое через полминуты откинута. Детей в школу отправлять надо! Растолкав ребятишек, заставив умыться, накормив сонных сыновей завтраком, проверив рюкзаки, раздав с целью профилактики подзатыльники, от которых они, привычные, даже не почесались, захлопнула за ними дверь.

В десятом часу пришел муж, первым делом спросив, где машина. Ответила, что у мамы оставила и сразу позвонили с работы.

— Алло, Лена? — тихо спросила секретарша Света, судя по звуку, прикрывающая рот ладонью. — Здесь мужик на говно исходит... симпатичный, кстати, тобой интересуется... нервный какой-то, бешенный, глаза красные, дикие. адрес твой требует. Что делать? Еще минута и я охрану позову...

— Привет, Свет. Нет, адрес не давай. Передай ему, чтобы выдвигался в Елочки к дому Павлова и пусть там меня ждет, я обязательно подтянусь.

— Ты с ума сошла! Он не в себе, как моя свекровь с похмелья! Ты уверена? Может, охрану?

— Стопудово, — уверенно ответила Лена. — Посылай его туда и не переживай — у меня все под контролем, — с этими словами отключилась.

Дом Павлова — старый, еще советский недострой, до которого у власти все никак руки не доходили. Полуразрушенное пятиэтажное кирпичное здание. Место игр соседской детворы, летнее обиталище бомжей, помещение для тайных свиданий, локация для любителей пейнтбола. Лена надеялась, что в будний день ни пацанов, ни спортсменов там не окажется. А бомжи уже по теплотрассам рассосались.

Накормила мужа, не торопясь вызвала такси и, спустя пятнадцать минут, стояла возле старого недостроя. Насильник, почувствовала она, приближался к ней бегом. Не спеша, вошла в дом и поднялась на второй этаж, где и встретила с тяжело дышащим от скачков по лестнице злодеем. За пять минут до этого, сидя в машине, она включила опцию «знать месторасположение обоюдно».

— Сука! — зарычал он и накинулся на развернувшуюся к нему лицом Лену.

Ни ударить, ни задеть ее у него не получилось. Тело в отношении ее действовало крайне неловко: руки — ноги промахивались, захват замыкался рядом, а не на талии. Насильник зарычал диким зверем, взялся за голову и упал на колени.

— Сука, садистка, дай поссать!!! Я скоро лопну!!!

— Сумку принес? — спокойно, с воистину садистским наслаждением поинтересовалась Лена.

— Дома, млядь, осталась! Забыл, падла! У-у-у, — схватившись за живот, парень упал на грязный бетонный пол и принялся перекатываться туда-сюда, продолжая выть.

— Жаль, — вздохнула Лена. — Но хрен с тобой. Если ты встанешь на колени и вежливо попросишь меня: Госпожа, позвольте мне кончить и поссать, то я, так и быть, разрешу тебе и

то и другое.

— Что?! — он замер в положении лицом вниз. Перевернулся. — Да чтобы я?! Да не надейся, сука!!!

Лена молча пошла на выход. Первая ступень была преодолена, когда насильник жалобно завопил:

— Стой! — голос предательски «дал петуха». — Я согласен... — хотел закончить оскорблением, но прикусил язык, пересиливая гордость. Лена вернулась.

— Г-госпожа... разрешите мне кончить и поссать... — пересиливая себя, стоя на коленях, уперев взгляд в пол, заметно переминаясь от неистового желания освободить раздутый, нестерпимо режущий живот мочевого пузыря и, разумеется, кончить, разгрузив больно гудящие яйца, промямлил парень.

Симпатичный, только сейчас отметила Лена. Аккуратная бородка, широкие накачанные плечи, фигура как у спортсмена, на вид лет двадцать пять — тридцать, самый сок! Если бы не промышлял изнасилованиями, то цены бы ему не было...

— Повтори четко, глядя мне в глаза. Ну? — поторопила, когда надоело ждать. «Упорный!», — с долей восхищения подумала Лена.

В его взоре плескалась вселенская мука и горячая ненависть, но он повторил

— Госпожа, разрешите мне кончить и поссать... пожалуйста...

— Доставай телефон.

Парень недоуменно вытащил из кармана куртки смартфон непонятной марки.

— Принимай соглашение. Нажмешь «да» — будет тебе счастье, «нет» — и суда нет. Больница тебе не поможет, уверяю.

Он скоро пролистал сообщение и глаза его расширились дальше некуда.

— Ведьма... — выдохнул он. — Да чтобы я сам...

Не дослушав его до конца, Лена, ухмыльнувшись, развернулась и медленно пошла по старому маршруту.

— Да хрен с тобой, сука драная! — услышала она и ее айфон пропищал. Прочитала. «Объект помещен в слот. Внимание! Количество слотов ограничено. В случае...», — и так далее, в точности как после порабощения чиновницы. Вернулась. Парень продолжал стоять на коленях. В его взоре плескалась вселенная мука и... надежда. До конца не смирившись, он все еще на что-то надеялся, наивный.

— Иди в тот угол, дрочи и ссы. Разрешаю кончить.

Он подлетел, как ошпаренный. Подбежал, судорожно расстегнул ремень, спустил джинсы и принялся мастурбировать. У Лены глаза на лоб вылезли. Такого длинного члена, сантиметров двадцать пять примерно, она только в порнухе лицезрела. Его лицо напряглось в гримасе. Шумно выдохнув, замер, всем своим видом ожидая наслаждения... но когда, дергая возбужденный член, стала выплескиваться густая белая сперма, его брови полезли на лоб. Он чувствовал, как молофья течет по уретре, как напряглись и вот-вот расслабятся яйца и ноги, ощущал, как привычно звенит в голове, но... никакого удовольствия не испытывал. Стало ужасно обидно. Точь-в — точь как ребенку, который предвкушал конфетку, которой его долго манили. Стараясь ее добыть любыми путями, клянчил, вымаливал, обещал все на свете и, наконец, завладел. Сглатывая слюну, развернул обертку, а внутри пусто. «Дядя Петя, Вы дурак?», — самое мягкое, что захотелось сказать долбанной ведьме. Столько часов ждал, надеялся, представлял, унижался и ради чего?! Только долгое и долгожданное освобождение мочевого пузыря, нестерпимо болящего от переполнения, принесло некоторое

удовлетворение.

Обманула, сука... в самом интимном, в самом ценном обманула... шлюха позорная... но как можно было поверить? Как лох последний повелся, твою едручую мать! Корил бы себя еще долго, если бы не услышал.

— Сойди с лужи, придурок! Хозяйство спрячь, нечего хвастать... это приказ.

Ноги сами собой вышли из озера мочи, руки, будто чужие, управляемые неподвластной частью сознания, натянули трусы, штаны, застегнули ширинку и ремень.

— Я для тебя — Госпожа. Если мы не одни, разрешаю называть меня по имени — отчеству, Елена Сергеевна. Андестенд?

— Да... Госпожа, — вырвалось у него.

— А тебя как величать, злодей недоделанный?

— Андрей... Андрей Викторович Пустышкин...

— Ха! Какая точная фамилия! Пустышкин ты сейчас и есть. Чем занимаешься?

— В салоне «Виталина» работаю фитнес тренером... я кэмээс по плаванию...

— О, как... да мне повезло! А не боялся рядом с работой паскудством заниматься? Отвечать честно!

Высокий, за метр восемьдесят пять, спортивный молодой человек возрастом около тридцати лет, виновато потупился.

— С Вами, Госпожа, в первый раз там вышло. Не удержался. Вы — мой типаж. Молодая, красивая, стройная брюнетка со стрижкой — каре в джинсах... от таких мне голову сносит. Обычно я на окраинах охочусь... Всегда с презервативом, свой материал не оставляю... да и не заявлял, вроде, никто...

— А сколько жертв было? — леденя, уточнила Лена. Его спокойные ответы, будто насилие — само собой разумеющееся явление, ее взбесил.

— Пятнадцать, — ответил, не задумываясь. — Я всегда в балаклаве, всех в живых оставлял. Вы — шестнадцатая.

Последний ответ переполнил чашу Лениного терпения. Присела на корточки и уперла лицо в ладони, делая глубокие вдох — выдох, чтобы успокоиться. Как его наказать — не знала. Без оргазма точно останется, а что еще в ее силах? В ментовку с повинной? Надо будет узнать, сколько ему светит и обдумать этот вопрос. А убить его она сейчас, после порабощения, не могла физически. Как и он ее. Не зря, искренне желая Лене смерти, Надежда Александровна, сама слабая как младенец, доползла до телефона и вызвала «скорую». Потом еще и палату с сиделкой оплатила. Не от большой любви, надо заметить.

— Ты женат? — спросила, не отнимая рук от лица. — Как до жизни такой докатился?

— Нет и не был. С мамой живу. Она учительница русского и литературы на пенсии. Отца не знаю. Мама говорит, он летчик, разбился. Понятно, что врет. Она строгая. В детстве шагу нельзя было без ее ведома ступить. Шлангом от стиральной машинки по жопе хлестала, когда совсем малым был. Увидела однажды в ванной, как у меня писюн стоит, а я его тереблю и взбеленилась. Потом первая девчонка моя смеялась... длинный и вялый, хоть бабочкой завязывай... до слез хохотала. Я тогда переволновался, не вышло ничего... ну и закрутилось. Без насилия не получается и тянет... будто свербит внутри, а не почешешь.

— Ах ты бедненький онанист! Тьфу, пидор, убила бы. Ганнибал Лектор недоделанный... пародия на него, сволочь. Отца искал?

— Пытался. Не нашел. Да сильно не стремился. Нахрен мне такой козел нужен? Одно время хотелось его пристыдить, в zenки бессовестные плюнуть. Потом остыл.

— Ладно, хрен с тобой, — устало произнесла Лена, поднимаясь, внутренне усмехнувшись над «бессовестными». А сама-то? — Дуй за моей сумочкой, а я тебя на улице, на остановке подожду. Глаза от твоей мочи, сука, режет. Какой ты вонючий, падаль.

Когда Андрей на собственном Лексусе привез сумочку, в которой все оказалось на месте, включая кошелек с картами, тысяча наличных сотками и удостоверения риэлтора со всеми ключами, Лена успокоилась.

— Просвети-ка меня на счет вашей внутренней кухни. «Виталины», я имею ввиду.

— О чем конкретно, Госпожа? — на богом забытой остановке никого не было.

— Кто хозяин, в чем проблемы и так далее.

— Хозяйка Виталина Витальевна Фомина, она же директор. Салон ей муж подарил, потом развелись. Ей где-то полтинник, но выглядит моложе. Трое детей, все взрослые.

— То есть, при разводе салон достался ей... а кто хозяин здания?

— Точно не знаю, но слышал, что муж его строил. Он известный застройщик в городе. Фомин, не слышали, Госпожа?

Лена отрицательно помотала головой. Откуда? Никогда не интересовалась. А не он ли Льву заказ подкинул? Сор из избы выносить не хочет, а строение понадобилось. Или бывшей насолить хочет. А что, похоже на правду...

— Все, гандон, завязываем с базаром и едем за моей машиной.

Глава 10. Лена — бизнесвумен

Машину не эвакуировали. Лене на секунду даже обидно стало. Явственно, как в кино, представилось, как высокомерный эвакуаторщик, глянув на неказистую тойоту, остановил рабочих, которые цепляли крючья к колесам.

— Эй, пацаны, сдавай назад. Что с этой лошары взять? Места на штрафстоянке не резиновые. Видите Мерседес? Едем к нему. По-любому солидно поймеем, не то, что с этого корыта.

И твердо решила поменять тачку. Деньги теперь не проблема. И в коттедж переехать. Рядом с их спальным районом, менее километра от дома, недавно поселок из десяти двухэтажных особнячков отгрохали. Был заказ, водила в один клиент, самой жутко понравился, а так и не продала. Застройщик цену ломил... фирма «Мечта-рго»... не муж ли Виталины, с которой разобраться надо? Проверим... одновременно на крутую тачку и тот дом с немалым земельным участком денег у шлюхи не хватит... а Пустышка? Черт, думать и думать. И работать. Пятьдесят штук зеленыю далеко не лишние. Как раз в тему.

Ночью нежданно-негаданно пошли месячные. До графика два дня не хватило, а раньше точно, как по ж/д расписанию приходили. Двадцать семь дней ровно, ни на сутки в ту или иную сторону. Ни ПМС не почуяла, ни болей, ни тяжести — ничего, абсолютно внезапно.

Заметили утром. Даже Серега измазался, матерился сапожником. Подмылась, замочила белье в холодной воде. Хорошо, что дети после прихода отчима спали у бабушки. И неожиданно для себя, урезая время на сборы, накинулась на мужа, сделав ему великолепный минет, с огромным для себя удовольствием. Разве что не кончила. Сосала, лизала, мяла языком, ласкала руками, заглатывала дальше гланд, преодолевая рвоту, и приняла сперму в рот. Намеревалась проглотить, но все-таки не смогла. Сбегала в ванную, сплюнула и прополоскала горло. Во время всего процесса перед внутренним взором маячил гладкий, как лом, и такой же длинный, безумно красивый член Пустышки. Наваждение какое-то.

В салоне Андрей, минуя отдел кадров, провел хозяйку прямо к начальнице, легко договорившись с секретаршей.

Виталина Витальевна, красивая ухоженная женщина, намеренно подчеркивающая пряди седины в густых волосах идеально пшеничного цвета, оторвалась от монитора.

— В чем дело, Андрей? — произнесла бархатным и в то же время твердым, привыкшим властвовать голосом.

— Прошу прощения, Виталина Витальевна, я привел Вам гениальную массажистку возьмите, пожалуйста.

— У нас полный комплект, ты же знаешь. И вообще, я держу целого менеджера по персоналу, о чем ты осведомлен, почему она должна бездельничать? — Лену директриса словно не замечала.

— Потому что полный комплект, Виталина Витальевна, а Лену я сто лет знаю и поверьте, руки у нее золотые! Платиновые руки даже, клиентки будут в восторге, поверьте мне. Свой оклад на нее ставлю, только испытайте.

— О-как! — Только сейчас директриса заинтересовалась. — Ты где работала? — наконец, обратилась непосредственно к Лене.

— В Омской клинической больнице и спа-салоне в Омске. Пришлось вернуться на родину и теперь ищу работу. Готова неделю бесплатно...

— Да это само собой! — перебила ее хозяйка. — Хорошо, Андрей, под твою ответственность. Скажи Рите, что я распорядилась определить ее стажеркой к... Вере Павловне. В конце дня пусть доложит о результатах. Документы в порядке? — снова обратилась к Лене.

— Ком... — хотела сказать «комар носа не подточит», но ответила серьезно. — В полном порядке.

— Надеюсь, — с нажимом высказалась Виталина. — Все, идите работать, не отвлекайте.

— Андрей, задержись, — остановила тренера на выходе из кабинета.

— Что за концерт, Андрюша?

— Очень хорошая девочка, Вит...

— Да плевать какая она! Ты Лиду подставил (секретаршу), ей влетит, и себя премии за месяц лишил, понятно? — Андрей молчал, понурившись. — Ты мне ни брат, ни сват, ни любовник... кто ты такой? Я панибратства не терплю, запомни. Чтобы это было в первый и последний раз. Свободен.

Переодевшись в медицинский костюм из безразмерных фланелевых штанов и безрукавки салатного цвета, Лена внимательно проследила за манипуляциями мастера с первой клиенткой, за вторую, по распоряжению Веры Павловны, взялась сама. Предварительно, когда та подходила к столу в массажной комнате, разделенной ширмами на четыре места, три из которых в связи с утренними часами пустовали, щелкнула ее на айфон.

— Зачем это? — заморгала клиентка недовольно. Вера Павловна тоже нахмурилась.

— Я Вам потом распечатаю, Вы очень красивая, — с жаром уверила Лена, сама удивившись собственным актерским способностям.

Та фыркнула, но скинула халат и в лифчике и трусиках легла на стол, опустив лицо в специальный вырез в изголовье.

Лена старалась копировать движения массажистки, не забывая мочить руки маслом, а клиентка блаженствовала. Так приятно ей не было ни на одном сеансе. Дыхание перехватывало и отпускало. Пальцы девушки не касались интимных мест, а клиентка этого с нетерпением ждала. Возбуждение росло волнами и завершилось безумно приятной, мягкой, расслабляющей разрядкой, которую полноценным оргазмом назвать нельзя, но лучшего эффекта от спа-процедуры женщина никогда не испытывала.

— Напишите в книге отзывов, пожалуйста. Меня зовут Лена, я новенькая, мне это очень важно. — Неслышно для наставницы, которая выглядела мрачнее тучи, прошептала Лена в ухо клиентки.

Вера Павловна потерпела еще четверых клиенток, закрывая глаза на привычку стажерки фотографировать каждую, на что некоторые возмущались и заставляли стирать снимок. На пятой, в очередной раз услышав щелчок вспышки, не выдержала.

— Пошла вон отсюда! Ты ни хрена не смыслишь в массаже. Ты в каком переходе диплом купила? Обо всем расскажу Рите, так и знай.

Но Риту в конце рабочего дня обработал Андрей.

— Ты покажи Виталине записи в книге! — убеждал он спортивного вида девушку — женщину неопределенного возраста.

— Хорошо. Но и слова Веры передам, пусть Сама судьбу твоей протезе решает.

Усталая Виталина Витальевна, закинув гудящие ноги в сильных босоножках на стол с монитором, сдвинув клавиатуру в сторону, прикрыв глаза слушала доклад Риты. Когда дошло

до стажерки, поморщилась.

— Так я и знала. Любовницу хотел подтянуть...

— Но, с другой стороны, Виталина Витальевна, все ее клиентки в восторге. Прочтите, пожалуйста, что пишут.

Виталина разлепила глаза и нехотя взяла книгу отзывов. Пролистала и остановилась на одной записи.

— Ого! От Ирки восторгов никак не ожидала. Брюзга старая, та еще склочница... эта, как ее...

— Лена, — подсказала Рита. — Она здесь, ждет с нетерпением Вашего решения.

— Позови-ка ее. — В заметке «от Ирки» имя новенькой массажистки указано не было.

Лена была в джинсах и футболке. Кофточку с курткой держала в руках. Виталина наметанным взглядом оценила одежду и удивилась. Скромная девушка носила шмотки совсем не скромные. Не на рынке купленные, а самые что ни на есть брендовые.

— Рита, свободна, — отпустила менеджера по кадрам. — Рассказывай. — Потребовала от Лены.

— А? — опешила девушка.

— Что тебе надо, рассказывай. Одета как мажорка, а на работу устраиваешься копеечную.

— А, это... Вы, Виталина Витальевна, на внешний вид не смотрите, мне в самом деле нужна работа. Обстоятельства так сложились, не хочу Вас грузить своими проблемами... возьмите, пожалуйста... — сама скромность.

— Не знаю, девочка, не знаю... Вера Павловна от тебя, мягко говоря, не в восторге... а если по отзывам судить, то наоборот, ты — кудесница... а может, мужиков пойдешь массировать? Тот салон скромный тоже мой...

— Я не... — искренне возмутилась Лена. — Знаю я, какие там массажи! Не хотите, как хотите, — обиделась она. На вид — совершенно искренне.

— Гордая, что ли? Ты это брось, девочка, не в твоём положении... у меня вот ноги отекли, гудят. Помочь сможешь? Получится, считай, работа твоя.

Лена наконец-то догадалась отключить в айфоне вспышку и звук срабатывания якобы механического затвора. Из-под кофты и куртки незаметно щелкала хозяйку салона, пока снимок не закрепился. И заметила, что в этот момент Виталина все равно моргнула, на мгновенье поморщившись, будто снежинку глазом поймала, которая сразу растаяла.

«Как в Снежной Королеве, блин... сказка наяву, в натуре», — подумалось само собой. Ни с того ни с сего история из мультика вспомнилась.

— На софу прилягте, пожалуйста, — скромно попросила Лена.

Виталина Витальевна секунду подумала и, скептически хмыкнув, сделала одолжение. Подошла к черной кожаной софе и легла на спину. Поправила строгое деловое платье чуть ниже колен. Лена аккуратно сняла с хозяйки салона босоножки и еще попросила.

— Надо, э-э-э колготки снять, — попросила еще скромней, разыгрывая крайнее смущение.

— Ха! Может, мне вообще перед тобой раздеться? — спросила Виталина со злым сарказмом. — Чем тебе двадцатка мешает?

— Мешает, Виталина Витальевна, — как можно убедительней сказала хитрая ведьма, — да и порваться могут...

— Ладно, убедила. Отвернись.

У Виталины дух захватывало. Нежные руки, начиная от пальцев ног, поднимались все выше и выше, сдвигая узкий подол фигурного платья. Но на бедрах подъем застопорился. Хозяйке салона показалось, что продвигаться девушка стесняется, не понимая, какое блаженство вызывают ее пальчики. Эх, надо еще выше, под платье, к трусикам, которые легко сдвинуть и коснуться сокровенного...

— Ну что ты, Лена, смелее, — горячим голосом подбодрила массажистку, испытывая нарастающее, все поглощающее желание кончить.

Она не заметила, как Лена что-то написала в телефоне и через минуту в кабинет зашел Андрей, на входе послав воздушный поцелуй секретарше. Запер дверь на защелку и направился к софе, на ходу расстегивая ремень брюк.

— Ты что здесь делаешь?! — возмутилась было Виталина, но ее захлестнуло волной наслаждения, которая пообещала вот-вот преобразиться в полноценный, долгожданный оргазм. Но все никак...

Андрей уткнул свой большой возбужденный член в рот Виталины Витальевны, надавил, и она приняла его, замычав от удовольствия. А насильник стал буквально трахать ее, придерживая голову рукой; жестко, на всю длину. У хозяйки салона периодически перекрывалось горло, и тогда она не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть; длинный ствол проходил сквозь гланды, проникал в пищевод, но рвота при этом не вызывалась, ее будто выключили. Виталина Витальевна лишь жалостливо мычала. На глаза навернулись слезы.

— Хватит, — скомандовала Лена, — давай ее сзади, раком продери до самых гланд.

Сильные руки перевернули директрису на живот, закинули подол платья на спину, стянули трусы, приподняли зад, заставив встать на колени. Голова осталась лежать на софе, холеное, некогда гордое лицо вымазано слезами и соплями, из угла полуоткрытого рта стекает поток слюны. На лицо будто печать поставили — вожделение. Кончить. Как можно скорее кончить.

Член Андрея, показалось Виталине, проткнул ее всю насквозь до самого желудка. Она бы громко ахнула от усиливающегося удовольствия, но издала лишь тихий стон, словно кто-то невидимый закрыл ей рот ладошкой.

Тихо постанывая, негромко охая, ничего не соображая, хозяйка салона содрогалась от толчков Андрея, долбившего ее без устали почти две минуты. Лена тем временем достала из сумочки файл, открыла его, вынула договор. Порывшись в бумагах, отогнула два листа, взяла со стола ручку и приказала Андрею.

— Замри пока, маньячок.

Подошла к лицу Виталины, присела на корточки и похлопала ее по щеке.

— Эй, ты соображать можешь?

Глаза открылись. С трудом навелись на Лену, но едва ли за масляной пленкой безумного желания видели четко.

— Еще... — еле слышно проговорили уста, — еще... хочу кончить... хочу...

— Распишись здесь и здесь и тогда кончишь. В небеса улетишь, обещаю.

— Где... — хрипло спросила Виталина Витальевна, взяв ручку. Ей было все равно. Смертный приговор готова себе подписать, лишь бы сладкий, горячий член продолжил движения и привел ее, наконец, к долгожданному завершению.

Лена взяла со стола папку, подложила под отогнутые листы и показала.

— Здесь, — директриса поставила росчерк. — И тут, — еще одна подпись.

— Отлично. Маньяк, продолжай. Вслух считай до десяти и на счет десять вы оба

кончите.

Андрей, возобновив долбежку, стал вслух называть числа. Когда произнес «десять», дыхание его перехватило, он замер, и в ожидании наслаждения прикусил губу. Виталина Витальевна тихо, протяжно завывала, медленно и в то же время судорожно, двигая задницей вверх-вниз, длинный член, впрочем, не выпуская. Через несколько секунд Андрей выдохнул и жалобно посмотрел на Госпожу.

— Я просто излился... без удовольствия...

— Ты пока еще наказан. — Отрезала Лена. — Жди, надейся, возможно, верну тебе Рождество.

— Скорей бы, — с надеждой вздохнул он и слез с софы.

Виталина, наконец, полностью расслабилась и растянулась на мягкой коже софы. На лице было написано блаженство. Под загорелой ухоженной по-спортивному упругой, только начавшей заплывать лишним жиром задницей, завидно небольшого для пятидесяти пятилетней женщины размера, растеклась лужа из собственных выделений и мужской спермы.

Они уже собрались уходить, когда услышали разочарованный голос.

— Так вы от Бори... могла бы догадаться. Но не надейтесь на оплату — кинет. Он жадный, как индюк. Сколько он вам обещал?

— Сколько бы не сулил, все — мои, — ответила Лена, оборачиваясь. — Ничего личного, как говорится в известном фильме, только бизнес.

Виталина Витальевна продолжала лежать наполовину голой, даже не пытаясь прикрыться.

— Что ты знаешь о бизнесе, девочка моя, — тоном опытной наставнице спросила бывшая уже директриса. — Не связывайся с Борей, второй раз предупреждаю... передай, пожалуйста, полотенце. В туалете рядом с умывальником висит...

Лена коротко глянула на раба, он понял.

— Ты, значит, главная, — констатировала Виталина Витальевна, оценив ситуацию.

Прошлась полотенцем между ног, протерла лужу и лишь после этого встала и опустила платье. На скрученные колготки и смятые трусики даже не взглянула.

— Пойду быстро лицо сполосну, а ты подожди, пожалуйста, разговор есть. Обоюдно важный. Не переживай, документы не отберу. Вон у тебя какой охранник славный.

Как раз в этот момент в дверь постучали. Лена с Андреем испугано переглянулись.

— Виталина Витальевна, у Вас все в порядке? — взволнованно прокричала секретарша из-за двери. — Может, охрану позвать?

— Все нормально, Лидочка, — громко, но спокойно ответила директриса. — охрану я и сама могу в любой момент вызвать. Мы с сотрудниками кое-что обсуждаем, не мешай. И если звонить будут, постарайся не соединять. Скажи как обычно...

— Хорошо, Виталина Витальевна, но, если что — я рядом.

— Отвянь, — спровадила секретаршу, повысив голос. — Что со мной может случиться в собственном кабинете?

— Отодрать только могут, — тихо добавила Лена, сама не понимая, зачем это лягнула. Пошутить хотела, наверное, напряжение снять.

Виталина Витальевна посмотрела на нее укоризненно. Ничего не ответила и пошла в туалет.

Чистая, причесанная Виталина Витальевна снова выглядела уверенной себе бизнес-леди. Ей и косметика была нужна постольку-поскольку только для того, чтобы выглядеть

моложе — сейчас ее лицо прорезали морщинки, кожа потускнела. Но притягательность, загадочный магнетизм зрелой женщины действовал в полной мере. Она свободно расположилась на злополучной софе, закинув ногу на ногу, Лена сидела на стуле напротив, Андрей стоял рядом с ней.

— ...таким образом, я останусь полностью на бобах. — Завершала она историю их с мужем развода, который нашел молодую пиранью и вынудил старую жену отказаться от совместно нажитого, оставив только одно здание из двадцати. — Я арендую не только капитальные помещения, по и весь фарш, включая этот самый диван, — сказала, постучав по черной лоснящейся коже. — Внимательно договор читала?

Лена, в раздутых, пожала плечами.

— Коммуналку плачу, эпиднадзор, пожарных, ментов за «Массаж» прикормила, так что город ко мне претензий не имеет. Единственное, что я выторговала у своего индюка надутого, так это отсутствие в договоре аренды автоматического расторжения за неуплату. Я и не плачу. Имею я право на мелкую месть, как считаешь?

Лена снова пожала плечами. Она думала.

— В суд или к бандюкам он не обратится — дружки не поймут. Они все по тысячу раз женатые, но старых жен никто из них с голой жопой не оставлял. Это у моего закусило... жадный он. Но главное мстительный. Ему надо унижить меня по полной, по миру пустить надо, тогда он отомстит полностью... конечно, я сама подставилась, но кто знал, что появишься ты и я сама себе петлю на шею накину... ты думай. Решай. Может, и расплатится с тобой, кто его знает, разбогатеешь.

Трудное решение. Сто пятьдесят тысяч зеленых она уже распределила на крутую тачку, марку пока не выбрала, но непременно новую, на коттедж, считай, в привычном районе, а в доме мебель нужна, техника разная... на все про все должно хватить... с натяжкой. Ну, можно Лексус раба продать, старенький... как красиво расписано! Мечта близка к исполнению...

— А за сколько Вы можете выкупить у меня договор?

— Я?! — удивилась директриса вполне искренне. Лена, по крайней мере, ей поверила. — А индюк сколько посулил?

— Пятьдесят штук. Баксов, — уточнила на всякий случай. Виталина еле заметно улыбнулась. Лена обиделась. — Ты лохушкой меня не считай! — пригрозила... но угроза прозвучала как оправдание.

— Что ты! Ни о чем таком я не подумала, — уверила Виталина Витальевна. — Разумеется, не рубли. Могли быть евро, но ты сказала доллары. Так ведь?

— Да так, так. Такая сумма имеется? Выкупишь? — Лена окончательно перешла на «ты».

— К сожалению, нет, — тяжело вздохнула хозяйка салона. — Есть другое предложение. Выслушаешь?

— Валяй, — нахмурилась Лена, пятой точкой чуя, что ее объегоривают. Собираются объегорить.

— Устраивайся ко мне. Отдельный кабинет, отдельный ценник. Такой талант в землю закапывать грех.

— Что? — Лена была ошарашена. О подобной возможности она даже не помышляла. Ни краешком мысли не думала.

— К тебе очереди из богатых теток выстраиваться начнут, за недели записываться

станут. Неужели ты этого не понимаешь? А договор пусть у тебя хранится, бог с ним. Только Боря мечтает здесь очередной торговый центр открыть, а новый салон мне создать не на что. Да и негде. Удобнее здания в городе больше не сыщешь. Чтобы в центре, с хорошей парковкой рядом, с тремя разными видами саун и с бассейном. Остальной хлам купить, разумеется, можно, но это снова финансы, и немалые. Так ты как настроена?

Лена, нахмурившись, ерзала на стуле. Как-то все не так пошло, не по сценарию...

— Двадцать тысяч, файл остается у меня, и я подумаю, — заявила решительно. Склонная к импульсивным решениям натура прорвалась неожиданно для нее самой.

Теперь задумалась директриса.

— Пятнадцать, — произнесла медленно. — Не думай, я не торгуюсь, у меня действительно на данный момент именно столько свободных средств. Остальные пять в рассрочку. Честное слово, кратковременную. Скоро квартальный балансовый отчет придет, прибыль должна выйти неплохой...

— Идет, — недовольно согласилась Лена.

— Пообещай, пожалуйста, что не долго думать будешь...

— Обойдешься, — огрызнулась Лена, — сколько понадобится, столько и буду. — Последнее слово оставила за собой. Как в детском саду на горшке.

Глава 11. Разговоры, разговоры. Дела на подходе

Домой Лену вез Пустышка. Свою машину оставила на стоянке перед салоном, будучи не в силах отвлечься от противоречивых чувств. Как-то все вышло коряво. Зачем позволила уговорить себя чужой, по сути, женщине? Стоит оно того? Согласия еще не прозвучало, но зачем глину в ступе месить, себя обманывать? На дне сумки покоились ненавистные пятнадцать тысяч, которые доставать не хотелось. Весь план посыпался к чертям собачьим! К тому же опасностью повеяло. Тонким запахом потянуло, непонятным, беспокоящим, словно аромат крови с бойни до несмышленного бычка дошел, а ему невдомек. Тревожно стало и грустно, но от чего не понятно.

— Останови машину, — приказала Лена. Андрей умело припарковался на обочине. — Значит, так, строго приказываю. Забудь о Госпоже и Елене Сергеевне, если я прямо не велю. Мы с тобой — тайные любовники. Познакомились... в торосовом центре Метро. Пару раз переспали... с элементами садо-мазо, так для тебя, бирюка, натуральнее. Ты влюбился. Сейчас ты мой преданный поклонник, а я стерва, которая перед тобой хвостом крутит. В этом плане будешь рассказывать, но только если кто сильно попросит. О наших истинных отношениях никому ни слова, ни буквы, ни намека... пока, вроде, все. Ясно?

— Так точно, Г... Лена... Леночка...

— Вот так правильно, поехали. — За время движения мысленно открыла интерфейс объекта «Андрей» и отключила ему «чувствовать местоположение хозяйки». Себе функцию слежения за рабом оставила.

— Тебе сколько лет, кстати, — поинтересовалась между делом.

— Двадцать девять.

— С бабой хоть месяц вместе прожил? Пусть даже с мамой в одной квартире.

— Один раз, около пяти дней, — выдавил из себя, подчиняясь приказу. — Мама ее обсмеяла, и она ушла. Мы с ней ни разу дома не переспали — мама всегда меня окликала, все ночи. Определит момент, когда все на мази у нас, что во-вот начнется — будто глаза у нее в квартире повсюду, будто... сова всевидящая, и «А-а-ндрю-у-ша-а!». То шторы ей поправить, блин, то принести что-нибудь... — говорил холодно, механически, как классический робот. Как Вертер из кино про Алису.

— Ого! Я бы сутки не выдержала, а та целых пять! Любила тебя, сыночка маменькиного, я тебе как баба говорю... следующий за перекрестком поворот направо и во двор... А может, на хату польстилась, но не вывезла, — вернулась к теме, уже выйдя на улицу, когда захлопывала за собой пассажирскую дверь.

Андрей проводил хозяйку тоскливым, как у побитой собаки взглядом...

Относительно беззаботная жизнь Лены кончилась. Теперь приходилось напрягать мозги и принимать решения уровнем гораздо выше привычных вопросов, ранее серьезно волнующих: «что купить на ужин», «что приготовить», «как собрать детей в школу», «надо проверить домашку» и другие семейные проблемы, которые стали восприниматься сущими мелочами.

— Лев Андреевич, вот... — сказала Лена, виновато потупившись, и передала шефу договор.

— Получилось? — на всякий случай поинтересовался он, сомневаясь в искренности повинного виду сотрудницы. Эта стерва могла подшутить.

— Смотрите сами, — горько вздохнула она.

Быстро пролистав многостраничный документ, он замер, не сумев закрыть рот.

— Ч-то это? — заикаясь, спросил, ткнув пальцем в густо замазанное маркером место подписи. Перевернул лист и схватился за галстук. Расслабив узел, тяжело опустился на стул и налил себе из графина воды. Шумно, двумя глотками осушил емкость.

— Ты понимаешь, что ты наделала? — спросил с нарастающей угрозой, повышая громкость, как самолет при разгоне. — Это теперь хлам! — заорал, наконец. — Что я Бор... заказчику скажу?! Как объясню?! Как, Гуляева?!

— Я не виновата, Лев Андреевич, честное слова! — заорала в ответ с истеричными нотами, готовая сорваться в слезы. — Я еле-еле через секретаршу пробилась, пришлось записываться на прием по личным вопросам, и та колбаса старая с милой такой улыбкой, конечно-конечно, говорит, расписалась сначала, а потом... ой, воскликнет, еще же печать нужна, взяла маркер и методично так, не торопясь, злорадно так, зачеркала... сначала вертикально закрасила, потом горизонтально... — на последнем слове разревелась в голос.

«Актриса во мне умирает», — думала Лена, платком промокая мокрые покрасневшие глаза. Стоило до мелочей вспомнить, как мама в детстве не повелась на ее истерику и не купила в магазине сумашедше красивую куклу, о которой месяц мечтала, которой жаждала обладать так сильно, что и сравнить не с чем, — от вселенской обиды слезы сами по себе наворачивались, вне зависимости от возраста. Давно взяла этот прием на вооружение и секрет хранила свято.

— Вон! Пошла вон! — завопил шеф, как резаный. — Все, по статье уволена! Я тебя в черные списки внесу! Во-о-н!!!

Лена, пятясь, покинула кабинет, сквозь не закрытую дверь успела расслышать.

— Борис Евгеньевич, все нормально. Только, извините, договор восстанавливать придется — испорчен... да-да, за мои средства...

— Чего это он? — услышала за спиной шепот секретарши Светы. От неожиданности дернулась и резко обернулась.

Света от любопытства чуть ли не приплясывала, на Лену смотрела круглыми глазами, надеясь услышать страшную тайну.

— Не дала я ему, — буркнула Лена и прошла мимо.

Какие слухи пойдут по конторе ее больше не волновало. Очередная страница небогатой событиями жизни закрылась. До момента обретения Айфона небогатой.

Вышла из здания делового центра, в котором ее бывшая конторка арендовала скромный уголок из трех помещений, без сожаления оглянулась, окинула взглядом двенадцатиэтажную башню из стекла и бетона, похожую на гигантскую афишную тумбу из старого кино, и вздохнула полной грудью. Надеялась почуять запах свободы, но...

Перед вызовом такси вдруг вспомнила и, чтобы не забыть снова, позвонила рабыне. Приказала ей то же самое, что и второму невольнику, разве что «любовников» заменила на «хороших знакомых на почве кулинарии».

— Ах-да, чего я звоню-то... все забываю и забываю. Я тебе адрес скину, купи тот коттеджик на мое имя. Если он уже продан, то соседний. Но вряд ли. Там хозяин цену ломит — закачаешься! Жмот. Но ты поторгуйся. Пока все, отбой... — хотела уже отключиться, как услышала:

— Г... Лена, стой! Коттедж не в том поселке, который рядом с твоим спальным районом? — заговорила быстро, опасаясь, что хозяйка не пожелает слушать и отключится.

— И что, если так?

— Того застройщика я знаю — это Боря Герман, — Лену аж передернуло, но она промолчала. — Жмот первостатейный! Говорят, у таксистов сдачу до копейки требует, а чаевых не дает якобы «из принципа». Плюшкин по сравнению с ним — пример расточительности...

— Короче... — со злостью ускорила процесс Лена, к своему стыду не вспомнив, кто такой этот жадина «Плюшкин».

— Он мне кое-чем обязан, так что скидку я у него выбью...

— Вот и отлично. Не затягивай... — с последним словом положила трубку.

К Виталине Витальевне Лену пропустили без разговоров. Лидочка, молодая стройная девушка с любопытными, как у мартышки глазами, загадочно буркнула «Проходите», и Лена была уверена, что все возможное, чтобы узнать о событиях в кабинете директора, она сделает. Поэтому не проскользнула мимо, а высказалась.

— Вы хотите работать, Лидочка?

— Разумеется... — интерес к происходящему только раскалился.

— Вы знаете, что в кабинете случилось вчера, когда там мы с Андреем долго с директором совещались?

— Э-э-э, — глаза секретарши заметались. Она не ведала, что ответить.

Судя по тому, что никакую скабрзность Лида не выражала, Лена очень надеялась, что ничерта она не знает. Просидела в гаджете, может, болтала с кем-то, но ничего конкретного не заподозрила. Иначе скрывала бы явную заинтересованность в новой непонятной сотруднице, открывающей двери директорского кабинета чуть ли не пинком.

— Вот и соображайте дальше. Рот на замок, если желаете получать ту же зарплату с соцпакетом. А то и повышение. Хотите? Вижу, что хотите... не лезьте в чужую семью... я, как Вы догадываетесь, представитель Виталины Витальевны, поэтому не советую... — с этими словами многозначительно повернулась и прошла в кабинет директора.

Директриса ждала ее. Как только услышала доклад секретарши, пересела из-за стола на вчерашнюю многострадальную черную софу. Закинув руки на спинку, а ноги ногу, вольготно расположилась в новом костюме из юбки и пиджака. Туфля-лодочка темно-синего цвета с невысоким каблуком покачивалась вместе с правой ступней.

— Здравствуй, Лена. — Первой поздоровалась она.

— И Вам не хворать, — ответила девушка. Поискала на что примоститься, не теряя достоинство, и, как и вчера, оседлала стул. Только теперь задом наперед, опустив голову на руки, сложенные на спинке.

— Подумала я на счет договора... — и надолго замолчала, ожидая реакции собеседницы.

— Хм, — хмыкнула Виталина, не выдержав первой. — Судя по тому, что ты появилась одна, без группы поддержки... ты-ы... согласилась на мое предложение... нет? — Лене страшно понравилось, как директриса обеспокоилась. Виду не подала — что ты! Но глазки забегали, и туфля закачалась не в пример шустрее.

— За дверью группа поддержки. На Лиду ствол наставили, и она стала тихая, как аквариумная рыбка. Меня пустили тебя портретировать — я сама упростила.

— И? — сглотнула Виталина Витальевна, растеряв весь свой лоск. Замерла, напряглась.

— Мне твои пятнадцать кусков засунуть в одно место можно. Свернуть трубочкой, натянуть на них презерватив и войдут легко, без смазки. Пятьдесят — другое дело. Как ни

старайся, бесполезно. Если честно, я и первое, и второе не пробовала, но фантазия работает...

Виталина снова сглотнула. В ее взоре нарастал тихий ужас. Катастрофа всей жизни.

— А если я сто тысяч тебе заплачу, это какую-нибудь роль сыграет? — было видно, что кинутая женщина цепляется за последнее.

— Не знаю, — честно призналась Лена. — Поглядим. Кое-какой вес я имею...

— Ты — новая Борина пассия? — как ни странно, с надеждой произнесла бывшая жена.

— Ну-у-у... — задумалась Лена, подобного не ожидавшая. — Как тебе сказать... короче, забей. Нихрена я твоему Борюсику не отдала, а договор испортила. Довольна? Мне твой старикан как телеге пятое колесо нужен.

Чтобы вывести Виталину из состояния шока, Лене пришлось налить полный стакан из графина и сподить его ошеломленной женщине.

— Успокоилась? — хотела сказать «дура», но воздержалась.

— Лена... Леночка, — сглотнув последнее, заговорила директриса. — Я очень тебя благодарю очень... Значит, с договором...

— Да все, забудь! О пяти штуках, которые мне торчишь, не забывай, разумеется, а остальное...

— Да-да, я помню. Сегодня же распорядюсь отдельный кабинет тебе предоставить с массажным столом...

— Бла-бла-бла, разумеется! Но тут такая история... я в принципе не решила, стоит работать у тебя или нет. Как думаешь?

— Стоит! Конечно же стоит! — Виталина Витальевна подскочила с софы и зашагала туда-сюда. — Твой талант терять никак нельзя. Где еще женщины из спа-салона смогут выходить такими счастливыми?..

— А мужики из Ваш... твоей массажной? — Лена решила окончательно похерить местоимение Вы. Так ей было проще. Виталине Витальевне, судя по всему, вообще было не до этого.

— А что мужики? Самцы, то с них взять. Иного удовольствия, кроме как кончить, не понимают. Эволюция такая. Всадить, осеменить, оградить от другого самца, чтобы род не испортил и побежал. Других самок окучивать понесся...

— А мы, самки, по твоим словам, кто? — спросила Лена, почему-то обидевшись.

— Мы — женщины, Лена, а не какие-то там самки. Это их точка зрения, козлов-мужиков, а не наша... наш массаж в спа — это одна из составляющих остальных процедур, нацеленных на омолаживание, чистку кожи, похудение и оздоровление, на успокоение и расслабление. Стресс по большому счету снимают...

— Ну так и продолжайте работать, о моем таланте забывайте и все дела. Или дела идут не очень, а?

— Хорошо дела идут, Леночка! Наши клиентки отдыхают, омолаживаются и прочее. Для быстрой красоты посещают солярии. Многие перед процедурами занимается фитнесом. Рассчитывают на похудание, на попку укрепить, на фигуру в целом улучшить, на укрепление здоровья. Потом обычно идут в сауны. От пота отмыться в первую очередь, причем глубже, чем в душе, с открытием пор и выведением так называемых шлаков. И вес скинуть тоже желают...

— Все, да не все! — Лена вставила свои пять копеек. — Абонементы разные бывают, сертификаты тоже...

— Все верно, Леночка, клиент сам в праве выбирать услуги...

— Клиент! Ха! Деньги выбирают. Да и хрен с ними, сейчас я на вашей стороне, как потенциальный сотрудник, а не клиент. Я каким боком встроюсь... если захочу встраиваться, конечно.

— Массажем займешься, разумеется! — Виталина Витальевна даже возмутилась. От первичного шока наконец-то избавилась.

— Иными словами, ты предлагаешь мне трахать баб для их расслабления. За их деньги, причем. Ну и чем это отличается от твоего борделя под вывеской «массаж»? Шлюхи что там, что здесь...

— Да как ты можешь сравнивать! — директрис чуть не задохнулась от возмущения. — Сравнила хрен с пальцем, причем буквально! Мужики идут конкретно за сексом, даже если соглашаются на простой «хэппи энд» во время массажа, а не на полный трах. С этим спорить не будешь? — Лена молчала, но всем своим видом пыталась скрыть согласие. Это было видно.

— Прекрасно! Женщины тонкие существа, им банальный... банальная кончина, как мужикам, дается трудно, общественно-моральные правила встают против них. Не пойдешь же ты открыто в публичный дом? — прямо спросила у Лены.

— Конечно! Там все под мужиков заточено, во-первых, и позволять тыкать в себя чужим членом от человека, которого в первый раз в жизни видишь — не комильфо. Даже по пьяни. Потом стремно становится. Это, во-вторых, кстати. В-третьих, раздеться перед посторонним стыдно. Козлам с яйцами в этом вопросе проще. Можно по инету заказать, чем богатые сучки пользуются, чтобы дома, в обстановке, думая, что они трахают, а не ее...

— Сама уловила суть, я не подсказывала. Мужчины в сексе свободнее, чем женщины, и это несправедливо. Контрацепция сейчас такая, о какой в позапрошлом веке и не мечталось, опасность залететь случайно сошла на нет, но принципы, согласись, остаются прежними, устаревшими. Я не упертая феминистка, нет, я честно против свободного совокупления, о чем только тупые мужики мечтают горазды, я за моральное равенство. Вот, например, у нас многие клиентки на массаже так заводятся, что желают кончить. Но хотят так, чтобы в последствие можно было перед подругами не скрывать, что сами задницу подставляли под пальцы массажиста, чего обычно стесняются; если вообще до п... киски дело доходит...

— Короче Склифосовский, хватит меня своими феминистическими бреднями грузить, я на шлюху согласилась еще тогда, когда твой договор испортила. Мне, честно признаюсь, стажировка у Веры понравилась, иначе ты меня сегодня не увидела бы. И давай дальше почесноку: лично я готова твоих баб ублажать, а ты?

— Я?! Я ни в коем разе не лесбиянка! Что ты, Лена, исключено! Я, тем более, директор. Мне статусом не положено. Вообще душа не лежит, что ты!

— А я? Разве похожа? Я от мужиков фанатею, а бабы так, постольку-поскольку, изюминка в руки стреляет. Иногда противно, иногда приятно — от бабы зависит. Твоим массажисткам тоже, если ты не подозревала. Они, правда, работают, а я любительницей была. Но суть вкурить успела. А ты целый год здесь хозяйка, о чем представление имеешь?

— Это вопрос, что ли? Я, выражаясь твоим языком, не вкуриваю что-то.

— Что ты! Какие мы гордые, надо же. О том, сколько люменов в солярии положено выставлять знаешь? О тренажерах в фитнесе представление имеешь? — не давая директрисе вставить слово, продолжала. — О температуре и влажности в финской сауне, русской парной, в турецком хамоне, хоть приблизительно в курсе? О расходе массажного масла, о

почасовой норме для работников представление имеешь?

— Я отчеты и заявки подписываю! — перебила, наконец, Лену Виталина Витальевна. — Все цифры видела, помню!.. многие, — закончила менее убедительно.

— Многие, — передразнила ее Лена, понимая, что перебрала с наездом. Вернее, не с той стороны зашла. Но сам факт оправдывания директрисы перед ней, левым, по сути, человеком, обрадовал и вдохнул оптимизм.

— Вчера, вспомни, — заговорила Лена загадочно, — ты меня поимела. Ментально, не физически. Я почувствовала себя униженной. Ловко ты тогда меня на место поставила, мне серьезно обидно стало. Потом я думала. Испортила договор о расторжении аренды, который ты подписала, и тем самым сожгла себе мосты. Понимаешь, к чему я клоню?

— Не-е-т, — поначалу замешкалась директриса, но быстро опомнилась. — Ты хочешь принять мое предложение и устроиться в «Виталину» массажисткой? Верно же?

— Бинго! Но при одном условии... намерена выслушать? Твой Боря, я точно знаю, договор восстанавливает. Это не сложно, как понимаешь, и я снова могу заставить тебя его подписать. Согласна?

Виталина, потеряв весь свой высокомерный лоск, в ответ просто опустила взгляд.

— Отлично. И я тоже хочу защититься от неприятностей, которые непременно возникнут. Вот задницей я их чую, как тот ежик на кактусе! Ты меня понимаешь?

Виталина промолчала многозначно — и да, и нет. Ответить ей было нечего.

— Поэтому я хочу закрепить наш договор не только бумажной, но еще кое-чем... — проговорила многозначительно. — Отлижи мне. — Сказала скороговоркой.

— Что? — Виталина на самом деле не поняла предложения.

— Отлижи мне п... киску... куннилингус сделай, не тупи. Выполнишь — все останется в тайне, но я уверюсь в твоей лояльности. Ну? Решайся. Давить не хочу, исключительно по доброй воле. Нет — я пошла и жди меня с восстановленным договором от Бори. Но если согласишься, то будет тебе счастье. — я забываю о пяти кусках, которые ты мне должна и спокойно на тебя работаю. Выбирай.

Все смешалось в голове Виталины. Гордость боролась со страхом лишиться привычной жизни. За год занятия спа-бизнесом, успела привыкнуть к доходам, да и занятие пришлось по душе. Ей понравилось вникать в дела, назначать сделки, отменять встречи, болеть ночами, размышляя есть ошибка или нет и что придумать, чтобы привлечь клиентов. А ведь это была первая в ее жизни работа. Тем более, что самостоятельная бизнес-леди, выстроившая «империю» с нуля — звучит! Общество, в котором она крутилась, это ценит. Но унижение! Мелкая шантажистка попала в самое неприступное, что в ней есть...

Несколько минут, закрыв глаза, директриса раздумывала. Встала, подошла к селектору.

— Лидочка, — специально говорила медленно, осуществляя мелкую месть наглой малявка со способностями.

Лена невольно напряглась. А ну как сейчас охрана завалится? Потом, разумеется, отыграется, но сейчас... включать насилие через интерфейс Айфона в данный момент, после обещания, было неразумно... и неудобно. Совет до конца в Лене не уснула — обещала же добровольность.

— Ты это... охрану, — сделала специально долгую паузу. — Не беспокой в любом случае. — Лена не смогла сдержать вздоха облегчения. Виталина криво ухмыльнулась. — Я надолго с нашей новой сотрудницей, беседа затягивается. Содержание исключительно секретное. Держи в тайне и не беспокой в любом случае. Пусть даже мэр позвонит — не

соединяй.

Отняла руку от клавиши, медленно подошла к двери, закрылась.

Глава 12. Двойной удар и опоздание

Лена сама сняла джинсы и трусики. Развалилась на софе и широко раздвинула ноги, честно говоря, этого действия стесняясь. Но пересилила. Закрыла глаза, сосредоточилась. Возбуждения — ноль. Первые касания влажного языка показались липко-противными. Но искусственно стимулировать ни себя, ни директрису пока воздержалась. Большие губы были сжаты, на них и на лобке отросла редкая жесткая щетина изумительно антрацитного цвета. Давно не брила. Видела в зеркало, чувствовала рукой, каждый день обещала себе и благополучно забывала. Сейчас почувствовала нечто вроде стыда перед полностью ухоженной дамой. Лохушкой деревенской себя почувствовала. Поэтому предельно грубо стала командовать, злясь больше на себя, чем на нее.

— Вокруг поласкай, млядь, только нежно, как мороженное лижешь... а потом уже приступай. И не щекоти, а прижимайся яснее... но ласково. Ласкай, будто мужской член поднимаешь. Сосала же. Ну, ответь...

— Было, — нехотя проворчала взрослая женщина. — Но то х... а то п... здесь я впервые. Терпи уж.

Лена, сжав зубы, терпела. И вскоре ожидание принесло плоды.

— Ой! — вдруг воскликнула Виталина и остановилась. — У тебя гости, что ли?

— Да, блин, подумаешь, ниточку заметила! Не переживай, тампон новый, в туалете офиса поменяла. Третий день, крови с гулькин нос. Не останавливайся, б... только заводиться начала! Продолжай, су... Виталиночка... — последнее слово произнесла с издевкой.

Директриса, снова закрыв глаза, внутренне перекрестившись, уткнулась к своему стыду в маняще пахнущую промежность, вдохнула волнующий аромат чистого женского тела с примесью выделений. Гнала от себя мысль о том, что ситуация ей начинает нравиться. Даже обзывание сукой и млядью отзывалось внизу живота приятной пульсацией. Полноценным возбуждением ощущение пока назвать было нельзя, но все двигалось к этому. И это пугало.

Большие губы вскоре набухли и расступились. Из-под них выползли налитые кровью малые, похожие на слипшиеся лепестки, а венчал их заметно отвердевший, превратившийся в мятую изюминку под розовым капюшоном клитор. Когда язык целенаправленно касался его, прижимал, Лена теряла дыхание. Когда отпускал — тихо, блаженно охала. Виталина ускорила. Никто ее не учил и не подсказывал, но действовать она стала по аналогии с мужским членом. Лизала и засасывала мелкий орган, иногда отвлекаясь на мокрую щель под сладким орешком.

Лена будто взбесилась. Задрожала, глубоко задышала, сбивая стоны. Наконец, несколько раз дернула задницей, будто бы специально пытаясь оторваться от сладкого рта Виталины, сильно сжала бедра, сдавив голову лизуньи тисками, и негромко завывла что-то невнятное. Замерла, Виталину не отпуская...

— У-у-х, хорошо-о... — тихо простонала и медленно расслабилась, освобождая голову пленницы. Ноги, сводимые произвольными судорожными рывками, еще подергивались. — Хорошо-о... — привычно озвучила свое состояние Лена, глаз не открывая.

Виталина Витальевна, сидя на чистом полу, спиной откинулась на мягкое сиденье софы. Прическа с естественным мелированием сединой растрепалась, губы припухли и блстели чужой влагой. Мокрый подбородок небрежно вытерла голый ладонью. Голубые

глаза сияли. Не стесняясь соседки, задрала юбку и сквозь колготки потрогала трусики. Прикосновение оказалось приятно-манящим, но возбуждение, не достигнув стадии «не могу», постепенно спадало; одним своим существованием, однако, сделало первый в жизни куннилингус приятным занятием, а не гадливым унижением, как представлялось вначале.

«Вроде сухо», — определила директриса и смело, не опасаясь пятна на заднице, села на софу.

Лена шумно вздохнула и, кряхтя как старуха, встала. Голубая блуза и трикотажная кофта едва прикрывали самое «не хочу». Стройные ноги были красивы. Направилась в туалет вслух прокомментировав:

— Пойду, подмоюсь.

— Могу порекомендовать хорошего мастера по восковой депиляции, — задумчиво бросила Виталина Витальевна, серьезна натершая язык. — Судя по отзывам — совсем не больно.

— Халява? — безразлично поинтересовалась Лена, остановившись в дверях туалета с душем.

— Для тебя — разумеется, — усмехнулась хозяйка спа-центра.

Лена молча зашла в санузел.

Пописав и подмывшись на удобном биде, подумала непременно занять себе в дом такой же, решила на болезненную депиляцию зоны бикини, точно зная как превратить процедуру в приятную, погоняла мысль о том, чтобы самой устроиться депиляторшей и тогда отбоя от клиенток точно не предвидится, вспомнила о муже, который сегодня дома — чем он обедал, обеспокоилась, догадался ли съесть то, что нужно съесть непременно, а не похватал самое вкусное, подсадовала о том, что мало времени уделяет детям и к класснухе Никитки сходить наметила, которая давно ждет с ней встречи — чего-то он натворил и не признается; обо всем передумала, пока вытиралась туалетной бумагой. Сполоснула лицо, запомнив, где надо макияж поправить, и вышла из туалета. Обычная женщина с обычными семейными заботами. О драных обоях и текущем бачке только не вспомнила. Потому что новый дом уже представляла, уже жила в нем.

Виталина пообещала сама справиться ей документы и рекомендовала с трудовой книжкой (не распорядилась!) выйти на работу послезавтра, потому что сегодня-завтра найдут и обустроят ей отдельный кабинет. Пообещала стать первой клиенткой, так сказать застрельщицей, а также провести рекламную компанию среди богатых подруг и постоянных клиенток. Но в течении недели, раньше не уложится.

— Только санкнижку сама сделай — я бессильна. В Росэпиднадзоре оформляется, в поликлинике врачей проходят. Желательно вместе с трудовой ее сдать.

От «Виталины» Лена отбыла на собственной машине. Глянув на время, заторопилась, надеясь застать мужа до его очередного ныряния в холодильник. Разумеется, позвонила и предупредила, чтобы без нее о еде даже не думал. Заодно узнала, что дети сегодня ночуют у бабушки. Не бог весть что, вполне ожидаемо, даже вполне привычно. Тогда тем более поспешить надо — испортится еда, жалко. Надежды на обещания Сереги дожидаться ее, ничего в холодильнике, не трогая — чистый блеф.

От центра города до ее спального района километров десять. Лена выбрала самую короткую дорогу вдоль берега реки минуя застройки, через сохранный лес с лугами из года в год затопляемыми. Мягкая, еле заметная вибрация водительского сиденья ее возбудила. Все-таки полностью естественный оргазм от куни полностью не удовлетворил ее,

не до конца, как случилось при волшебном воздействии. Лена свернула на обочину перед спуском к реке, остановилась и выбрала абонента.

— Срочно езжай ко мне, Андрюша, пятый километр демьянинского шоссе, жду. Это приказ, — добавила на всякий случай. Вдруг просьба прозвучала как просьба, а не в приказном тоне.

Белый лексус заметил ее и остановился минут через двадцать. Лена махнула рукой, подзывая, и на машине спустилась к реке, повернув под заросли кустарника. Лексус остановился сзади практически вплотную. Лена вышла из своей маленькой тойотки и перебралась на заднее сиденье просторного внедорожника Андрея.

— Я хочу, — сказала сразу. — Подымай свой член, ты это умеешь, — ранее она привязывала ему умение возбуждаться и управлять напряжением вплоть до «пустого» расслабления или с семяизвержением. — И перебирайся ко мне.

Андрей пересел назад, хлопнул дверкой и стал стаскивать с себя свитер. Лена, чувствуя себя последней шлюхой, возбуждаясь все сильнее и сильнее, причем, ощущать себя «грязной шалавой» ей с каждой секундой нравилось все больше и больше, принялась расстегивать ему ремень и когда потянулась стаскивать джинсы, бывший маньяк приподнял жопу. Штаны слетели как по маслу вместе с трусами. Переступая с ног на ногу, Андрей позволил легко стянуть одежду через кроссовки. Лена подняла свой налитый вождением взгляд. Ее раб был прекрасен как Аполлон. Широкие плечи, в меру рельефная мускулатура с легким пушком на груди, живот с квадратиками, чистая кожа, мускулистые ноги и член. Вздыбленный, прижатый к пупку длинный и в меру толстый отросток с оголенной синефиолетовой головкой красивой до безумия.

Ужасно привлекательный самец. Лена бросилась ему на шею и впиалась поцелуем. Но его губы практически не отвечали.

— Люби меня, гандон! — в горячке приказала хозяйка и Андрей ответил.

Дальнейшее вспоминалось Лене как в тумане. Он сам, не позволяя помогать, раздел ее, обцеловал всю до последнего миллиметра, сделал великолепный куни, до оргазма, впрочем, не доводя, и удобно задрав ноги приставил свою балду ко входу во влагалище...

— Стой! — тяжело, возбужденно дыша, приказала Лена. — Давай ниже, в очко. Только смажь сильнее.

Андрей наплевал вязкой слюны сколько смог и двинул головку вглубь. Медленно... очень медленно раздвигая с испугу напрягшийся сфинктер. Лена морщилась от боли, но терпела.

— Расслабься, — сочувственно посоветовал Андрей.

— А то я не пытаюсь! — со злостью прокомментировала Лена. — Дави, я потерплю...

Нажим усилился и головка, а вслед за ней и сам член проникли в кишку на всю глубину.

— Ох... — облегченно вздохнула Лена. Боль уменьшилась. Но возникло новое ощущение: словно после долгого запора толстая какашка застряла на выходе. И больно, и ожидание облегчения — все вместе. — Двигай помалу, — скомандовала хозяйка и раб заработал.

Наращение приятного происходило постепенно. Твердый член массирует пресловутую точку «G», ритмично гладил упругий сфинктер, и периодически раздвигал и позволял сжиматься прямой кишке. В машине завитал неприятный запах, — «надо было проклизмиться», — поздно догадалась Лена, — но возбуждение, несмотря на неприличные ароматы росло. Лена громко застонала, скомандовала «быстрее!» и вскоре перестала дышать вовсе, заскребя пятками по салону. Потом громко ахнула и завывала с приговорами: «да, да,

еще... как хорошо-то!.. о-о-о...», — затряслась вся, вытянув ноги и закатив глаза, прекратила орать и молча, трижды дернувшись волной от затылка до пят, расслабилась, задышав тихо-тихо, как во сне. И только теперь Андрей, лицо которого скривила судорога, разрешил себе кончить... снова досадно обманываясь в ожидании удовольствия. В ответ на его горячую сперму в собственной попе, Лена блаженно улыбнулась, в очередной раз изогнувшись дугой и снова обмякла. На сей раз окончательно. Даже уснула.

Андрей аккуратно из нее вышел, невольно поморщившись от усилившегося запаха. Нажал на открытие запотевшего окна в дверце, продышался и осторожно, стараясь не разбудить хозяйку вышел из машины. Достал из водительской двери бутылку с водой, обмыл увядший член и оделся.

Лена потянулась, просыпаясь, минут через пять.

— Как я замерзла, пипец! — были первые ее слова. — Ты, пидорас, еще и окно открыл! С ума сошел?!

— Я проветривал, Г... Лена, — серьезно испугавшись ее гнева, оправдался он. — Уже закрываю!

— Давай, — проворчала Лена и принялась собирать свою одежду. — У тебя влажные салфетки есть?

— Конечно! — обрадовался Андрей. Гнев Госпожи, похоже, прошел мимо.

— Я, между прочим, принцесса и пахну исключительно розами, и не какаю вовсе. — Балагурила она, одеваясь. Перед этим, подтираясь влажными салфетками, нюхала их, морщилась и выбрасывала. — Но кайф ты мне доставил обалденный, Андрюша, не ожидала. Совсем забыла про месячные и оказалось, что нет худа без добра. Не зря некоторые бабы анал обожают, теперь я их понимаю. Такой микст, что не объяснить. Я и в космосе полетала, и в проруби после парной, и умирала раз пять... для чего объяснять! Ты бабу не поймешь, у вас все тупо: кончил, — сказала басом, передразнивая мужской голос, — и на боковую... я тоже сейчас уснула, и тоже спать манит если до полного удовлетворения, но... все равно у вас тупее. Тем более только один раз кончаете, а мы серией... бывает. А чего это я перед тобой изгаляюсь, скажи-ка мне.

— Потому что у Вас хорошее настроение Г... ой, прости, у тебя...

— Да ладно, прощаю, не парься. Но больше не путайся.

— А разреши тогда обратиться? — спросил Андрей, глядя на хозяйку предано, как овчарка, просящаяся на улицу.

— Разрешаю, — с улыбкой ответила Лена.

— Позвольте мне кончать нормально, с ощущениями...

Тут Лена нахмурилась.

— Да я бы за, но ты наказан. Пятнадцать жертв вопиют о мщении. Не в полицию же тебе идти с повинной?

— Нет-нет, что ты! Лена, пожалуйста, разреши... ты уже запретила мне насилие, а послушаться я не могу...

«До поры, до времени», — с грустью подумала Лена, вспоминая о слотах, число которых в ее айфоне неизвестно. А вдруг придется его освободить ради более важного?

— Да хрен с тобой! Угодил ты мне сегодня, поэтому... разрешаю тебе кончать по нормальному, но... если ты будешь в положении раба при сексуальной игре. То есть, если найдешь себе бабу, любящую доминировать, уговоришь ее связать тебя, отхлестать... если она сама захочет, конечно, этот момент необязательный. Оттрахает тебя сама, как будто

изнасилует, то тогда да, разрешаю тебе кончить со всеми приятностями и полным удовлетворением. Оргазм ощутишь такой глубокий и мощный, что крышу снесет... а для усиления можешь, — Лену понесло, как Остапа в гениальных «Двенадцати стульях». — Придушить себя. Говорят, при гипоксии — это нехватка кислорода в головном мозге, чтобы ты знал, — сексуальные чувства до небес взлетают. Будто кратковременную, изумительно приятную смерть испытываешь со сладким воскрешением. Попробуй. Разрешаю просто останавливать дыхание и не делать вдоха до талого, до более, чем «не могу». Безопасность гарантирую — это приказ. Оживешь как миленький. Надо и самой, кстати, попробовать...

Последние слова говорила, уже заведя свою машину, прогревая.

— Я понял, Лена, спасибо...

— Не за что, Пустышка. Да! послезавтра я выхожу к вам массажисткой. Ты там напой, что у меня опыт лет пять и все такое. Не хочу, чтобы коллеги на меня, как на тупую мажорку смотрели. Еще козни строить начнут — оно мне надо?

К разорению холодильника Лена все-таки не успела. Устроила мужу скандал по этому поводу, мол, для кого я стараюсь, если ты ешь одни котлеты, а остальное приходится выкидывать. Мы, что — Рокфеллеры? А мой труд? Ты совсем его не ценишь? Так я не буду стараться и тогда узнаешь... в общем, привычная семейная сцена вышла. С примирением в виде глубокого минета, на который Лена расстаралась, в который раз проклиная «женские дни». Но и в попу, которая все-таки болела пускать мужа не захотела, и мысль о петтинге и куннилингусе в этот раз воплощения не желала. Натрахалась сегодня до тошноты, которую не испытала в первый раз в жизни проглотив мужнину сперму. Ничего так, потерпеть можно. Но вкус так себе, не гурманский. На любителя. На сырое яйцо без желтка похоже. Терпко пахнувший белок с элементами соленой сельди. Ржавой селедки, если описать точнее.

Минет делала на кухне рядом с холодильником. Если сказать, что Сергей обалдел — не сказать ничего. Он был в шоке. Позже попытался было «отблагодарить» жену с тампоном в вагине предложением куни, решившись на него впервые в жизни, но был остановлен:

— Иди в баню, я только спать...

Проревновал жену всю ночь. Глаза сомкнул под утро.

Глава 13. Начало. Всего начало

Целый день с утра до вечера ушел на оформление санкнижки. Мало того, что пришлось искать срочную фотографию — из телефона почему-то не принимали, так потом сидеть в очередях к врачам. И слава богу, что гинеколог внял уговорам и, просмотрев карту, поставил «годен» без осмотра. Пришлось бы еще пару-тройку дней ждать, когда прекратятся месячные. Окувание в торжество бюрократии ее взбесило. Отыгралась на муже, который перед уходом на ночную смену совершил-таки первый в жизни куни. Улететь улетела, но по сравнению с той же неопытной Виталиной он в подметки бабе не годился. Женщина женщину понимает лучше, — заключила она с сожалением.

«Зато продрать не могут по-мужски, даже всеми пальцами», — подумала зачем-то. Видимо, за старавшегося мужа обидно стало. Любила она его, о чем догадалась совсем недавно. И совершенно не считала изменой свои совокупления с Андреем, Виталиной и Надей. Она же их не любит! Типичная и самая действенная отмазка что для мужей, что для жен. Совесть Лены была девственно чиста. К работе массажисткой с ублажением клиенток готова на все сто.

Увидев свой кабинет, сразу устроила скандал, дойдя до самой Виталины.

— Мне зеркало в раздевалке край нужно! — с ходу заявила она.

— Леночка, успокойся. Тебе подобрали помещение с душем, а для одной комнаты это поверь, сложно. Вынесли оттуда солярий, который теперь не знаем куда разместить, а это деньги...

— Ну душ-то в солярии как пятое колесо в телеге, — возразила Лена. — А вот зеркало там было необходимо. Почему отсутствует?

— Согласна! Но до меня помещения подбирали, не обессудь... теперь зеркало. Зачем? Душ, понятно, от масла отмыться, а...

— А зеркало, чтобы красивой выйти. Себя поставь на их место! — умолчала об Айфоне, который собиралась приспособить к нему. Желательно сзади, соскоблив эмаль.

— Понимаю, но не критично. Сегодня так поработаешь.

— Нет. Отказываюсь. Устанавливай в раздевалке зеркало. Там прекрасная ниша есть, я сама могу рабочим подсказать.

Директриса тяжело вздохнула, закатив глаза и... согласилась. А куда ей от наглой девчонки со способностями деваться? Хотя, когда в паспорт заглянула, ошалела. Целых тридцать пять! К тридцати шести подходит, а больше двадцати пяти не дашь, даже если фантазию задействуешь. Отлично сохранилась женщина после двух родов, есть чему поучиться. Ей самой пятьдесят восемь и выглядеть на сорок пять, можно сказать, мечта детства. Подтяжки и ботакс держались на последнем издыхании, полный спа-комплекс с лучшими в городе косметологами не помогал, а как достала диета! Вся надежда на взбалмошную девочку-женщину, нутром чувствовала.

Айфон скотчем подвесила с обратной стороны зеркала на уровне лица, процарапав заостренной пилкой для ногтей аккуратную дырочку в нестойкой, еще советских времен эмали. С лицевой стороны появилось черное пятнышко, которое так и хотелось рассмотреть. Как доктор прописал.

Накануне работы Лена ночью просмотрела в ютубе обучающие ролики. Узнала о понятии «зона», о направлениях движения лимфы и куда ее нужно сгонять плотными

движениями рук. Было еще много всего, но запомнилось только это. Решительно вздохнув-выдохнув, ножницами укоротила ногти по самые подушечки, подпилила заусенцы. Маникюр остался, но толку от него? Зато теперь она — настоящий врач. Мануальный терапевт, мля, филиппинский хилер.

Первая клиентка, как обещала, была сама Виталина Витальевна. Вошла важно. Похозяйски огляделась. Чему-то нахмурилась, но не высказалась. Переоделась в халат за ширмой, легла на массажный стол с одноразовой простынью, заранее распахнув белый махровый халат, уткнула лицо в округлую прорезь в изголовье. Молчала. Даже когда Лена за широкие рукава стянула халат и обнаружила ее полностью голой, не проронила ни слова. Лена укрыла низ простынью и начала с массажа затылка и шеи, откинув волосы, которые все-равно поймали масло «Джонсон и Джонсон».

Перед работой Лена всю ночь изучала обучающие ролики и пыталась следовать им, собираясь включать возбуждение постепенно, малыми дозами, которое, возможно, не особо надо было стимулировать искусственно. По крайней мере директриса глубоко задышала и так, без применения волшебства. Сорок минут, не меньше — норма для массажистки, за которым менеджер по персоналу следить был обязан, показалась длиною в жизнь. И руки устали, и Виталина замучилась ждать оргазм, который непременно последовал. Причем, Лена специально теребила ей клитор, заставляя зад подниматься вслед за пальцем, который намеренно уводила вверх. Развлекалась так, намекая на безумно долгое для нее время. Могла вовсе не касаться гениталий, но когда такая возможность выпадет? Оргазм выбрала мягкий, назвав его «массажный». Безумно приятный, оглушающий и тихий, полностью расслабляющий, но не «настоящий», без полного удовлетворения. Заманивающий, вызывающий желание возвращаться вновь и вновь, вне зависимости от активности сексуальной жизни. Подходит для всех. Не только для возрастных брошенных теток, как сама Виталина Витальевна.

— Да-а, Леночка, не подкачала. — Призналась директриса, слезая с высокого стола. — Но долго. Не стоит так мучить клиентов.

— Ты это в отдел этим мымрам бумажным, который нормы для массажа расписывает расскажи. Сорок минут положено. Если заметят, что меньше — штрафом пугают. Сегодня у методистки узнала и офигела. Но мастер мастеру-то рознь, на своей, прости за грубость, манде убедилась. Подействуй на них, а то взбешусь. Достало меня сто раз по одному и тому же месту вазюкать... я не классический массаж устраиваю, а свой...

— Поняла я, поняла, Леночка, не зудит. На собственной шкуре ощутила в прямом смысле. Поговорю с ними. А сейчас, извини, в душ... прохладно у тебя, надо будет обогреватель добавить... в масле голой особенно знобить начинает. Ты хоть халат подавай, завернуться. Кстати, на эпиляцию надумала? Советую. Месяц не растет — проверено.

За день Лена приняла всего трех клиенток, не считая директоршу. Когда первая пришла в собственном халате с вычурной надписью Виталина, — после фитнеса, объяснила она, — и сразу полезла на высокий стол, Лена растерялась. Механически, лихорадочно придумывая предлог как загнать женщину за ширму к зеркалу, стала задирает ей подол, открывая «зону бедер» для работы, облегченно вздохнула.

— Простите, девушка, но придется переодеться, — попросила, вежливо улыбаясь.

— Зачем это еще? — грубо возразила клиентка, явно ленись вставать. — Халат все равно ващ, его не жалко. Работайте.

— У Вас очень дорогие стринги, — извиняющимся тоном объяснила Лена. — А масло у

меня специальное, по спецзаказу из Таиланда... не отстираются, поверьте.

— Да я их снять могу, без проблем! — по базарному грозно ответила женщина, подтвердив вид типичной торговки с рынка: крепкие целлюлитные ноги с зачатками варикоза, широкие ягодицы, не толстое, но и не стройное тело неопределенного возраста. — Настоящие фирменные Гуччи, да, жалко.

— Стойте, девушка! — остановила попытку раздеться Лена. — Нам по саннормам не положено работать с... в общем, сходите за ширму, пожалуйста, в одноразовое белье переоденьтесь, — попросила предельно вежливо, потупив взгляд как приличная гейша перед самым дорогим в жизни клиентом.

— Развели правил, — не стесняясь ворчала торговка, переодеваясь за ширмой. — Приходишь отдохнуть, настроение поднять, спортом позаниматься, себя показать, а они с улыбочками... тут осторожней, пожалуйста, — последнее слово передразнила, — а деньги дерут! И все с улыбочками намалеванными, придраться не к чему.

В отместку Лена устроила ей серфинг. Взлет на гребень волны и падение в бурлящий водоворот с пустой надеждой вот-вот кончить. И так несколько раз. Ни разу не коснулась гениталий и мстительно наблюдала, как та сама тянется за пальцами, выделявая задом такие кренделя! В положении «на спине» чуть ли не на мостик вставала. Дышала паровозом и подвывала им же. Оргазм, конечно, устроила. Хороший, добротный. Запустила его сильными шлепками по солидным, изъеденным целлюлитом ягодицам.

Ушла первая настоящая клиентка, улыбаясь тупо, не до конца понимая, что же все-таки случилось, и счастливо, как имбецил, получивший в подарок игрушку. На прощанье женщина не проронила ни слова.

Вторая оказалась молодой, фигуристой, без закидонов — приятно работать, а третья — полная тетка неопределенного возраста. Расслабились все, все ушли крайне довольными и ни у кого интимные места Лена не трогала. Все они переодевались в одноразовые трусики и лифчики, верх, впрочем, почти сразу приходилось снимать. Хотя молодую-красивую чуть не раздела полностью, еле удержалась. Очень захотелось, очень. Как в жару мороженное лизнуть. Холодное, сладенькое, нежное... Сама этой мысли испугалась. Усилием воли загнала крамольное желание в дальний тупик и бесформенные бумажные трусики девушке оставила.

После Лена обрабатывала себя, убеждая: «Ты не лесбиянка, Лена, ты простой ценитель красоты», — вроде как аутотренингом занималась. Помогло слабо.

Сразу после работы накинулась на бедного Серегу, разгоряченная, не забыв от вечно галдящих детей закрыться задвижкой.

— Да что с тобой! — попытался он хотя бы разобраться, отрываясь от игрового джойстика.

— Я сейчас тебя съем, если немедленно меня не вы...шь. Как меня тетки жирные завели, ты не представляешь! — при муже вынула тампон, кровью только помазанный, и плюнула на гигиену, вдолбленную с юности — при «гостях» ни-ни!

Соскучившийся муж откликнулся с жаром. Лена улетала так, как до этого не взрывалась никогда, хотя каждый раз казалось куда уж лучше-то? Но совершенству предела нет — факт общеизвестный. Счет оргазмам потеряла на первых пяти. Сергей разряжался дважды и в конце упал обессиленным полностью. Скукоживающийся член все-таки окрасился красным.

От регулярных колдовских воздействий Сергей стройнел, молодец, с мускулатуры сползал жир. До спортсмена — Андрея, сложенного изумительно гармонично, разумеется,

было далеко, но начать ревновать к другим бабам уже вполне обоснованно стоило. «Такая корова нудна самому», — саркастично думала Лена и не ревновала мужа ни капельки. Знала, что кроме как на нее, ни кого другую у него не встанет.

А утром администратор прислала сообщение «к вам 2 записи на 17–00 и 18–00» и более ничего. Лена посчитала себя свободной и решила, наконец, совершить полноценный шоппинг. Одевать, как обычно, было нечего.

— Надежда Александровна, жду Вас через час около Парадиза. Шоппинг пойдем делать — одна не справлюсь. Возражения?

— Я на работе, в кабинете сижу, у меня прием...

— Пустое. Возражение не принято. Под любым предлогом отпрашиваешься и через час будешь ждать возле главного входа Парадиза с тремя розами в правой руке, — нажала отбой. Настроение великолепное.

Розы Лена нюхнула и сразу отправила в мусорку.

— Ты будешь моей консультанткой и служанкой, — на ходу сообщила чуть ли не бегущей рядом женщине, выглядевшей выше всяких похвал. Возраст в пределах сорока, стройная, в сером деловом костюме, юбка которого подчеркивала развитую фигуру с ножками и попой с обводами.

Надежда таскала и таскала платья, юбки, блузы, кофты, майки, нижнее белье, брюки, обувь, куртки, а Лена крутилась в кабине для переодевания, отбраковывая почти все. Вместе шутили, дурачились, и между делом Лена спросила:

— Тебе нравится быть моей рабыней? Отвечать честно.

Надежда без запинки ответила «нет».

— А за фигуру, красоту, здоровье и возраст?

— За это — да. Зла на тебя не держу, Лена, но ярмо всегда остается ярмом... сегодня, допустим, по твоей прихоти, пришлось разыграть приступ кишечной колики. Ко мне и так очередь большая, а тут еще выросла. Начальство потом справку потребует... ты и продать меня можешь кому угодно, как крепостную, часто такая мысль мучает...

— Да поняла я, на плачься! Разберёшься, я уверена... а на счет продажи ты на прекрасную мысль меня натолкнула... — Надежда Александровна невольно напряглась. — Хочешь молодого здорового любовника с огромным твердым членом? — Рабыня предусмотрительно промолчала. — Вижу, хочешь, — волюнтаристски заявила Лена, ничего подобного в рабыне не рассмотрев. — Ну так получай себе личного сексуального раба и делай с ним, что пожелаешь.

— Только запомни, он — маньяк, насильник. Пятнадцать жертв на его счету, но все, вроде, живы. Но унижений и боли натерпелись — мама не горюй! Так что построже с ним. Может, кто и самоубийством с жизнью расстался, неизвестно. Ты сегодня — завтра просмотри в инете ролики с БДСМ тематикой, особенно с женским доминированием... это приказ! И при встрече устрой ему Кузькину мать. Закупись в сексшопе БДСМ набором для женского доминирования, пропердоль его страпном, который на завязочках к себе пристегнешь, свяжи обязательно, отхлещи пожестче. Попрыгай на нем сама, или трахать заставь, если захочешь, — член у него славный, вот увидишь, — и обязательно позволь кончить, но этот момент оттягивай. Поиздевайся, тебе понравится. А он замучает тебя, выпрашивая разрешение, готовься. Или рот ему кляпом заткни — тоже вариант. В общем, разберешься. На месте виднее. Лови его номер, но позвони только после того, как изучишь тематику. Слушаться тебя будет беспрекословно, если приказ касается ваших с ним

сексуальных отношений. На меня натравить не надейся, — усмехнулась Лена, заметив злой проблеск в глазах Надежды.

— Что ты! И в мыслях не было! — ненатурально оправдалась рабыня и Лена поспешила сменить тему.

— Давай эти брюки померим. Помоги-ка...

Лена возвращалась к машине с пустыми руками, а за ней шла чиновница, завешанная пакетами с ног до головы. Пятнадцать тысяч баксов Лены потратили все до копейки. Еще и Надежде Александровне пришлось доплачивать.

Лена так и поехала на работу с новоприобретенным барахлом, половину которого пришлось поместить в салон — все пакеты в багажник не влезли.

Две клиентки прошли незаметно. Поискала Андрея. Администратор на ресепшене сказала, что его часы давно закончились и где он — неизвестно. Плюнула и поехала домой. Звонить не стала.

А завтра ни свет ни заря аншлаг. Администратор с ресепшена позвонила, а не ограничилась сообщением.

— Елена Сергеевна, к вам записи с десяти утра и до двадцати — ноль, ноль, девять клиентов, вся норма выбрана и на завтра уже двоих записала. Пожалуйста, не опаздывайте!

Хоть что-то радует! Клиенты пошли — это есть хорошо. До восьми вечера — огорчает, но проблема решается.

Быстро раздевшись с первой половиной, самовольно сократив норму с сорока до тридцати минут, урвала целый час перерыва на обед. В общей для персонала комнате с тероподом, холодильником, микроволновкой, шкафчиками и столами со стульями наконец-то наткнулась на Андрея. Купила себе горячий кофе в автомате и там же чизбургер, под села к нему. Он был не один. Напротив него сидели две спортивного вида девушки в лосинах, юбочках, в футболках с фирменными жилетками. Они напряженно замолчали и делано увлеклись едой.

— Знакомьтесь, девчонки, — примирительно сказал Андрей. — Лена, моя... подруга. Вика, Галя, мои коллеги. Расслабьтесь. — Но девочки не расслабились, а быстро побросав недоеденные подносы, ушли, не попрощавшись.

— О тебе слухи ходят, что ты! Самый безобидный из них — ты внебрачная дочь Виталины. Но особенно Вера Павловна на пену исходит, ненавидит тебя жуть как. Чем ты ей насолить успела?

— Наверное тем, что я — мастер лучше ее. Много гадостей обо мне узнал?

— А, — он махнул рукой, — слышал и больше. Но всех поражает, почему тебе кабинет на третьем этаже выделили там, где солярии, от остальных массажисток как бы отделили. Да не как бы, а фактически. А еще Людочка, одна из администраторов наших, о твоих ценниках поведала. Рассказать?

— Не надо! — Лена наработалась в бабских коллективах и все интриги успела прочувствовать на собственной шкуре; и сама устраивала травлю новеньких. Ну их в баню, лучше не знать. Раздевалка у нее отдельная, в собственном кабинете. Узлы завязать, испачкать или порезать одежду просто некому. Подставить перед начальством потерянными ключами или серьезной недостаточей тоже невозможно. Да и не эта мелочь занимала ее мысли.

— Чего я к тебе подошла-то... не догадываешься?

Андрей, напрягшись, отрицательно покачал головой.

— Подругу я тебе нашла, радуйся. — Но фитнес-тренер напрягла еще больше. — Зачем волнуешься, дурачок? Солдат ребенка не обидит, не переживай. Ты же давно умолял разрешить тебе кончать по-человечески, было дело?

— Да... — автоматически согласился он.

— Вот и славно! Условия для твоей полноценной кончины помнишь?

— Да...

— Они исполнятся! Опытной домине тебя отдаю, как от сердца отрываю, цени! И жалко, и досадно... досадно сильнее, чем филателисту любимую марку потерять, но ради тебя — на все готова.

Андрей, понимая, что над ним издеваются, угрюмо молчал.

— Записывай номер, — продиктовала вслух, — Надежда Александровна. Сам не звони. жди вызова. Дальше сами с ней разберетесь. Ее приказы для тебя безусловны, если касаются ваших с ней сексуальных отношений во всем их богатстве — это мой прямой приказ тебе, запомни. Чем неудобней она тебя свяжет, чем сильнее отшлепает, чем унижительней и дольше продлятся издевательства, тем сильнее ты возбудишься, и тем сильнее захочешь кончить, но без прямого разрешения Нади, не сможешь. Но если разрешит, то кончишь с мощнейшим, доселе не испытанным оргазмом. А пользоваться или нет удушением, сам решай. Я уверена, что через пару — тройку сеансов решишься. Да! В тайне от нее вашу первую встречу сними и после скинь мне. Хочу оценить. Разрешаю чуточку нарушать приказы, если они помешают скрытой съемке. Но ты уж фантазию включи, Андрюша!

— Все, наелась, пошла работать. Клиент не дремлет! — С этими словами подмигнула Андрею, все еще пребывающему в прострации, и пошла к лифту. Пешком высокий этаж одолевать не хотелось. Осоловела. Веки под собственной тяжестью стремились сомкнуться и с этим приходилось бороться.

К концу смены приноровилась напрягать пальцы так, чтобы и давление шло, и чтобы уставали по минимуму — мышцы предплечья второй день гудели. Оргазм приноровилась устраивать с упором на расслабление и удовлетворение, максимально возможное при мягком, но всегда остром удовольствии. Но клиентки, похоже, воспринимали только сам факт натуральной кончины, которую ловить, утруждая себя, не приходится, причем, без оголения и касания «стыдных» мест. Сарафанное радио заработало на полную.

Надежда Александровна, прикрыв глаза пальцами, в точности так, как дети смотрят ужастики, внимательно следила за перипетиями унижения мужчин и изредка женщин. Чего только в порнороликах не вытворяли! Три ночи в пустой детской комнате отсидела в наушниках перед ноутбуком, но от гадливости так и не избавилась. Нет, иные моменты воспринимались волнительно, но в целом... пришло время звонить Андрею. Проигнорировать прямое веление хозяйки она не могла.

— Андрей? Здравствуйте. Не разбудила? Очень хорошо. Вы знаете, что нам надо встретиться. Да, назначу. Определюсь где и свяжусь с Вами. До свиданья.

А, собственно, где? Тут внезапно озарило. О доме для Лены именно по тому адресу, который она выслала, она с Борей договорилась. Даже ключи взяла. Скинул, жадина, семь процентов, но и это замечательно. Дом пустой, но теплый, с запущенным газовым отоплением по стандарту «хранение». Помещений в нем несчитано (не меньше двадцати, включая технические), есть отдельная каморка на цокольном уровне смежная с котельной, куда можно установить прибабасы, которые придется купить в сексшопе и пригласить рабочих для установки. Окна не было, зато имелась вентиляция и был проведен свет; и пол

был деревянным. Лена точные сроки не устанавливала, сказала «не затягивай», а она и не тянет, старается. Пока нарушения приказа не прослеживается, иначе обязательно ощутила бы. Но поспешать надо. Но мерзко, как над собакой издеваться. Или беззащитную кошку мучить — в детстве видела. За большими пацанами проследила однажды и убежала в слезах. Целый день выворачивало, чувствовала себя предательницей. Ни кошечку защитить не смогла, ни родителям не пожаловалась и никому из взрослых не рассказала — до замирания сердца боялась, руки — ноги холодели от страха. А теперь, спустя сорок лет, самой предстоит... и не бездомную блохастую обитательницу помоек...

О том, что ее будущий раб насильник, сам любящий, вернее любивший измываться над женщинами, благополучно забыла. Вылетело из головы под гнетом собственных тяжелых переживаний.

Глава 14. Кое-что о любительском БДСМ

Днем Надежде Александровне снова пришлось отпрашиваться с работы. Под ее присмотром рабочие установили косо́й деревянный крест в заклепках и кольцах, снаружи обшитый кожей, который мог при помощи моторчика принимать горизонтальное или вертикальное положения с любым промежуточным состоянием и принудительным «шевелением крыльями». К потолку прикрутили горизонтальную трубу с блоком и крюком, который мог свободно по ней перемещаться; две вертикальные металлические стойки, сборная лавка с держателями, на стене сделали полочки со всеми прибабасами, самими безобидными из которых оказались наручники. Осмотрев всю трахотень, выполненную в темно-красных тонах, сливающуюся с темными стенами серой обстановки, с тяжелым сердцем подписала исполнение заказа. Опытные рабочие свое отношение не выражали, но Надежда Александровна нутром чувствовала их противный, издевательский смех.

Через полчаса Надежда Александровна набрала номер. Говорила, как пионер.

— Нам э-э-э надо встретиться вечером...

— Во сколько? Раньше восьми я не могу. Мама, работа...

— Ага. Восемь — самый раз. Жду Вас... а самой за Вами можно заехать?

— Нет, я... — он вдруг закашлялся и через силу выдал. — как пожелаете, Г-госпожа...

— Что? — на самом деле не поняла Надежда.

— Подъезжайте ко мне, если Вас не затруднит, Госпожа. — Четко, шалея от собственных слов, проговорил Андрей. — Я высылаю адрес...

Надежда Александровна поняла, что игры закончились... еще не начавшись.

Около восьми она подъехала к малоприметной многоэтажке в районе, противоположном относительно новому спальному нагромождению, где жила Лена.

Андрей оказался высоким отлично сложенным красавцем лет тридцати от роду. Сильная бородка, чистое лицо, яркие глаза с зеленым отливом — мечта женщины любого возраста, если бы не затравленный взгляд...

Он сел на заднее сиденье. Молчал.

— Ну, поехали, — сама проговорила его новая хозяйка и нажала на газ. Мужу сказала, что собирается на ночной корпоратив. Он с похмелья не разобрался сначала, но, обнаружив в холодильнике связку пива, ни о чем больше не думал.

— Выходи. — Сказала, когда заехала во двор. Он вышел. Сама закрыла ворота из железной сетки-рабицы.

Не показывая весь дом, провела невольника в каморку. Пахнуло теплом и свежими стружками.

— Мне надо тебя наказать, — честно призналась женщина, выглядевшая для своих пятидесяти с копейками лет стройной, ухоженной секси-вумен где-то под сорок. И первой начала раздеваться. Оставшись в полупрозрачном белье телесного цвета из трусиков и скромного лифчика, обернулась.

Андрей стоял полностью одетый. В дутой синтепоном куртке, в свитере, джинсах и туфлях. Нагло ухмылялся. Надежда отступила назад и, споткнувшись, села на лавку. Перекрестила ноги и закрыла грудь руками.

— А ты чего! — взвизгнула совсем как девочка. И сама затряслась от страха.

— Так, — глубокомысленно и едко начал он, шагнув к Надежде. — распоряжений я не

слышал, су... — но горло его перехватило., - Г... госпожа. — выдавлюсь помимо его воли.

— Стой!!! Не приближайся! — взвизгнула и завопила во весь голос. Когда страшный мужчина застыл, пошевелиться не в силах, а глаза его дико забегали в изумлении, в котором легко читался испуг и выражение «я так и знал, что не получится», Надежда расслабилась. Лена же предупреждала, что она Госпожа для этого... маньяка, а она как дурочка... как малолетка, в самом деле.

— Раздевайся, сучонок! — выкрикнула в сердцах и с нарастанием оголения мужского персонажа чувствовала себя все спокойней и свободней. Руки с груди переместились на лавку, оставив на всеобщее обозрение чуточку различимые соски под полупрозрачной тканью. Грудь размытого четвертого размера поддерживались широкими лямками на плечах и жесткими пластиковыми ребрами внизу. Ноги, впрочем, так и остались перекрещенными.

Раздевался Андрей неспеша. Где-то нашел плечики и аккуратно повесил на них брюки, рубашку, полувер и сверху, тщательно расправляя складки, куртку камуфлированного типа на молнии. Что-то поправил в нагрудном кармане и повесил одежду лицом к комнате со страшными приспособлениями.

— Трусы, — зло напомнила Надежда, досадуя, что свою одежду сложила на широкой лавке с фиксирующими ремнями. Геометрию сиденья можно было менять — она состояла из непонятных блоков. — Ого! — удивилась Госпожа, увидев повисший член раба. Сантиметров пятнадцать, не меньше, толщиной с колбаску.

— А поднять можешь? — спросила с интересом и тут же обругала себя. — Подними хрен, сучонок! — скомандовала приказным тоном.

— С-слушаюсь, Госпожа, — вырвалось из Андрея неожиданно для него. В конце он даже зажал рот рукой, но не помогло.

Член медленно рос без касания руками и закончил стрелой крана под углом градусов сорок пять к животу. Был он ровный, гладкий, длинный, с полу оголенной розовато-голубкой головкой; очень красивый, медленно покачивающийся. Иногда резко дергался вверх и сразу оседал. Ведро повесишь — выдержит.

Надежда невольно залюбовалась. Опомнилась. Встала, порылась на полочках и протянула рабу ошейник с поводком, приказав надеть. Дело дошло до загадочного картонного ящика и сваленных на него инструкций. Взяла. Попыталась разобраться в схемах, но быстро осознала полную профнепригодность.

— Ты же мужик? — вопрос был риторическим. — Разберись с барахлом, — сказала, пнув ящик. — Собери все, по совести, и объясни мне.

— Слушаюсь, Госпожа, — ответил Андрей недовольно, почесывая пальцем под широким кожаным ошейником с металлическими кольцами для карабинов. Высокий голый с легким пушком на груди и отсутствием волос в паху, полностью загорелый в солярии атлет с торчащим членом и аккуратными яйцами смотрелся сексуально. А в черном кожаном ошейнике, да когда присел перед ящиком и стал в нем ковыряться, сверяясь с инструкцией, так вообще неотразимо. Надежда начала возбуждаться. Ни думала — ни гадала, полагала предстоящую экзекуцию наказанием в том числе и для нее, а поди-ка...

Пока раб старательно устанавливал между вертикальными стойками какие-то доски с прорезями, оббитыми мягким поролоном в дерматине, собирал какую-то раздвижную штангу с рогатой поперечной перекладиной на конце, тоже завернутую в мягкую рухлядь. Надежда Александровна достала с полки пояс с ремешками и треугольной накладкой на лобок. Плотнo опоясалась и, немного помучившись, затянула ремни через промежность,

огибая половые губы и анус двумя полосками, а не одной, общей, обратно к задней части пояса. Нашлепка, на тонких ремнях свисая с обвязки, прижалась к низу лобковой кости и узкой частью опустилась до клитора, прижимаясь к нему поверх трусиков. Затяжки держались как влитые. Из твердой поверхности обитой кожей треуголки торчал металлический штырь, на который можно было цеплять фаллоимитаторы разных размеров. Все с вибрацией. Управление с батареей вешалось на главный ремень на талии. Пока ничего не прикрепляла, ждала.

— Смотрите, Госпожа, — недовольным тоном, преодолевая себя, заговорил Андрей. — Одна доска крепится здесь, между стойками, я ее уже расположил где надо, вторая опускается сверху, фиксируя руки и голову. Сейчас она поднята, но скользит легко, смотрите. С двух сторон защелки. Штангу я закрепил на полу, она телескопическая и растягивается, и тоже фиксируется вот этим винтом. Перекладина на ней упирается в живот жертвы, когда он закреплен досками. Ноги при помощи ремней, вот этих, перещелкиваются к стойкам. Таким образом человек будет стоять раком с откляченной задницей, открытой спиной, а голова и руки будут за досками. Ничего он не сможет видеть, и пошевелиться не сможет... буквой «зю» будет согнут и в то же время полностью открыт... — говорить это Андрей не желал, но вторая его половина болтала охотно, предстоящему измывательству, похоже, радуясь.

— Вставай, как объяснил, и подсказывай, когда крепить стану.

Не без матюгов, но у Надежды зафиксировать Андрея получилось. Даже через чур. Поперечина штанги так впиалась в лобок, что ноги, пристегнутые к железным стойкам, натянулись ниткой, а подбородок плотно уперся в мягкую обивку дыры, куда была просунута шея.

— Сильно жестко, Госпожа... — пожаловался он.

— Молчать, раб! Будешь говорить, когда я разрешу! — неожиданно для себя, щенячьим дискантом, провопила Надежда, выискивая на полках среди плеток самую такую... чтобы больнее. Опыта не хватало, но желание вкупе с возбуждением разыгрались. Дикое желание наказать виноватого... но главное, беспомощного раба, который полностью в ее власти. Это завораживало...

Первый удар пришелся по спине семихвосткой. Раб промолчал. Еще, еще — следы на спине почти не оставались, а Андрей лишь кряхтел. Взяла другую плеть и била уже со злостью, изо всей силы, не как первые удары — по принуждению, исполняя приказ Лены. Постепенно вошла в раж. Нашла тонкий стек-розгу. Полоса на спине вздулась сразу. Андрей взвизгнул и тихо завыл. Наткнулась на красный шарик — кляп с завязками на затылке и заткнула рабу рот. Следующие удары от только мычал. Но когда случайно попала на яйцо он завыл, несмотря на заткнутый рот и затрясся всем телом. Удары посыпались целенаправленно. Мужские причиндалы вскоре посинели, а его лицо сплошь заплыло слезами, слюнями и соплями. Затычку пришлось снять, чтобы не задохнулся. Раб тяжело дышал, но не мог сказать ни слова.

— Говори, падаль, но не громко.

— Госпожа, прошу Вас, Госпожа, все что угодно, только не бейте по яйцам, молю... — прошептал он и Надежда снова заткнула ему рот смешным красным шариком.

Нет, так нет. Надежда впервые прикрепила к навязке средних размеров strapon. Приставила к плотно сжатому анусу. Смилостивилась и ливанула на конец смазку из бутылочки, купленной в сексшопе. Надавила. Раб завыл и застучал руками, насколько

позволяли дыры в досках. Ноги затряслись, намереваясь убрать задницу, спина напряглось. Но тело фиксировалось надежно.

Надежда надавила тазом. Закругленный фаллоимитатор преодолел сопротивление и ухнул будто бы в пустоту. Раб, судя по звукам, заплакал. Госпожа завелась. Фрикции последовали с завидным мужикам темпом. Возбуждение Нади возросло и остановилось на обидном, недостижимом до оргазма месте. Устав, догадалась-таки ливануть масло в промежуток между ее лобком и креплением для strapon. Завязки оттянулись и позволили это. Пошевелила задницей и остановилась на том, чтобы вогнать пластиковый член на всю глубину, закрепить его там, включить вибратор и начать шоркать смазанным клитором по внутренней поверхности насадки.

Дрожание возбуждало, и плотное ритмичное трение самым чувственным у женщины местом через несколько минут дало долгожданный эффект — Госпожа кончила. Сладко, необычно, впервые по собственной инициативе полностью управляя процессом без откровенной мастурбации и при помощи Раба. Раба с большой буквы. Унижение другого человека добавляло особо острую пикантность...

— У-у-х, — громко охнула она и на ватных ногах присела, одновременно вытягивая из задницы раба искусственный член.

— М-м-м. — непонятно помычал он. Из открытой расширенной задницы что-то мутное капало, откровенно пахло сероводородом. Длинный красивый член так и торчал колом. Яйца сплошь посинели.

Просидев, блаженствуя, несколько минут, Госпожа нехотя обогнула стойки и подошла с отчаянно мычащей голове раба.

Выдернула кляп и хрипло-лениво поинтересовалась.

— Что опять, сучонок?

— Я не могу, Госпожа. — Подобострастно заговорил он. Просяще, как ребенок у мамы. — Если немедленно не кончу, то умру... умоляю, Госпожа... — в следующий момент кляп занял свое место. Чтобы через минуту освободиться.

— Отлижи свою херню, мразь, — и с этими словами strapon, раздвигая челюсти, проник в рот Андрея.

Его не вырвало. Он тщательно облизал пахнувший его собственными испражнениями фаллоимитатор и мычанием показал, что все, готово.

— Все, что прикажете выполню, Госпожа! — быстро проговорил он, боясь снова оказаться с кляпом во рту и не ошибся. Красный шарик залез между зубами, а ремень на затылке подтянулся.

Первым делом спокойная Надежда Александровна полностью освободила раба из станка и за ошейник, к которому прикрепила поводок, подвела к вертикальному Х-образному кресту. Поставила спиной к креплениям. Внизу зафиксировала ноги, вверху руки, и вытянула тело, отдельным моторчиком удлинив крест. Андрею с кляпом во рту пришлось расслабляться, чтобы не стало мучительно больно... но суставы потрескивали. А проклятый член так и торчал, как сучок Буратино, мучительно требую разрядки, которую по уже сложившейся привычке мысленно вызвать не мог. Все, что угодно мог отдать за возможность кончить. Пусть без оргазма, хотя бы так... но Госпожа имела свои планы.

Звук мотора и крест опускается горизонтально. Госпожа судорожно срывает завязки, сдергивает трусики и мокрой киской сходу насаживается на ствол. Взвизгивает от необычной длины и приподнимается. Начинает опускаться осторожно и медленно, но

постепенно теряет контроль и прыгает, приседая, принимая твердый горячий член на всю глубину. Громко в такт стонет. Раб что-то мычит через кляп, но Госпоже безразлично. Она вся в себе, прислушивается к собственным ощущениям, опасаясь пропустить главное. Задыхаясь быстро-быстро, села на бедра Андрея, не обращая внимания на размеры вошедшей в нее плоти, двигает собственным задом вперед-назад, шаркаясь разбухшим клитором о гладкий лобок раба... громко стонет и резко замирает. Андрей чувствует, как несколько раз сжимается его член неожиданно сильными мышцами влагалища Госпожи. Через десяток секунд она в бессилии падает на его грудь...

— Какой ты, сучонок, большой, теплый и твердый, — шептала Надя, отдыхая. — Наверняка сильный. И чего тебе не хватало? Девок портил, которые после в петлю лезли... зачем? Да не мычи, я все разобрала... Кончить желаешь? Ан нет. Мне так нравится на тебе, таком теплом живом и горячем лежать, ощущать твой ствол, дергающийся, в себе... глубоко так... кайф. Пока не разрешу — не кончишь, бесполезно...

Отдохнув. Надя полезла на его лицо, совершенно не опасаясь, что мужик может задохнуться. Отстегнула кляп и села на рот, приказав «лизать». Изредка поднималась, когда раб начинал особо сильно дергаться и тогда он шумно дышал, не успевая вымолвить ни слова, потому что Госпожа награждала его своей промежностью снова. Командовала «лизать плотнее, быстрее» или «аккуратнее, медленнее». Однажды, сама только что догадавшись, приказала сосать клитор, как член и больше не произнесла ни слова. Часто задыхаясь, задергала задницей, в голос завизжала и резко замолчала, напрягшись. Раб под ней бесился от нехватки воздуха, но сосать и лизать не переставал.

— А-а-а, — вдруг завопила в голос и замолчала, закрыв глаза и несколько раз дернувшись.

Постепенно, рывками расслабляясь, сползла с лица Андрея на его грудь. Он шумно и облегченно вздохнул, хрипя, словно вынырнул из глубины метров сто, не меньше.

На волне счастливого удовольствия, по характеру суровая Надежда Александровна, между делом высказала: «кончай уж, болезный, разрешаю»...

— Помогите, Госпожа! — взмолился он тоскливо-ревушим голосом, плача чуть ли не навзрыд.

Надежда лениво развернулась, перекинув ноги и плотно взялась за член. Раб, поскуливая, тяжело задыхался. Не плюя и не смазав руки, хозяйка несколько раз прогнала шкурку вверх-вниз. Ствол ощутимо напрягся, хотя казалось, куда больше-то? Дернувшись несколько раз, будто бы приседая, втягиваясь в корень, пулеметом выстрелил густую белую сперму, капля которой попала Надежде Александровне в глаз. Пришлось, морщась, промаргиваться. Все действие длилось несколько секунд и сопровождалось шумным мычанием: «Ы-ы-ы, мля-а-дь...», — кулак почти полностью наполнился липкой, вязкой теплой жидкостью...

— Ну ты козел! — в сердцах высказалась Надежда, вытирая глаз какой-то тряпкой. Но... обернувшись и разглядев его счастливейшее лицо, услышав искреннее, горячее, от сердца сказанное:

— Спасибо, Госпожа, век благодарен буду... — простила...

Суровая негибемая чиновница простила насильника. Ни в жизнь не поверил бы! Более того, сама же ему вздрочнула. Неисповедимы пути Господни! В натуре, млядь.

Глава 15. Обычное новоселье

Созвонилась с Леной, Надежда рассказала об экзекуции Андрея, объяснила проблему с разбором «красной комнаты», извинилась, что на некоторое время ей придется остаться на месте, заодно уверила, что через два дня особняк станет полностью ее, как подарок. В ответ Надежда Александровна услышала:

— Да хрен с ней, с комнатой! — воскликнула Лена, обрадованная скорым обретением коттеджа. Но поворчала все-таки. — Хотя нашла место, гений недоделанный, самое что ни на есть скрытое, будто это не мой будущий дом, а Хогвартс в натуре! Или я, по-твоему, в «оттенках серого» жить собираюсь? Но ладно, не дрожи, прощаю. Замок, значит, врежь и ключи только мне... а за дом в целом, крупнейшее мое спасибо. Во сколько обошелся? — в переводе на доллары оказалось целых девяносто штук! И это со скидкой. В принципе, примерно так она и предполагала. Ну очень хороший, добротный и большой дом с солидным приусадебным участком более половины гектара со всеми подведенными коммуникациями, обнесенный кованым забором, сквозь который рука злоумышленника если и пролезет, то обратно никак. Поймается, как Макака в тыкве с фруктами. — А комнатка во сколько обошлась?

— Всего лимон рублей, — объяснила рабыня, — восемьсот с копейками, если точнее, даром, считай.

— То есть ты — пустая, — уточнила Лена, сложив дважды два.

— Ну-у, — так прямо сказать нельзя... Если о свободных средствах, то да, а если...

— Все, не грузи меня. Документы с ключами завези домой и обустрой это как подарок от администрации. Я скажу когда, чтобы муж с детьми дома были. Придумай поприветливее, чтобы у мужа сомнений не возникло.

— Это вряд ли, — усмехнулась чиновница. — в халюву люди обычно стараются верить и лишних вопросов не задают. Во избежание...

— Согласна, но все равно. Постарайся уж. Да, слушай, теперь я понимаю почему Андрюша сегодня счастливый, как валенок летом явился. С утра шуточками так и сыпет, девок достал. Не успела с ним поговорить, а то бы выясняла... м-да, Надя, комната пусть остается. Такая приبلуда самой пригодится... это я еще видео не смотрела.

— Какое видео? — удивилась Надежда, напрягшись.

— Да, не бери в голову, предпочитай естественный секс. Забудь. Это приказ. Не про голову, черт, про видео не вспоминай! Отбой.

И сразу набрала Пустышку.

— Документалку снял? — сразу взяла быка за рога. — Скинь на ватсап.

— Но, Г... Лена, длина не позволяет. Можно я на облако залью и ссылку скину?

— Да хоть закладку скинь, лишь бы я заценила. Жду.

— Подожди, не отключался! Хочу извиниться за неудобный ракурс и звук, который местами не разобрать...

— Да я не жду от тебя Голливуда, придурок! Факт предоставь, это главное.

Звук действительно вышел не очень. То громкие команды, то еле различимый шепот. Четко было видно голую задницу раба, по которой хлестала хозяйка. Поначалу нехотя. По лицу было видно, как она с отвращением морщится. Постепенно злость нарастала и в заключительные минуты, когда в руках у Надежды оказался гибкий пластиковый хлыст,

Надежда наслаждалась криками жертвы, охотно поливая ударами нежный анус и яйца, которые буквально через несколько касаний, со стороны казавшихся чуть ли не нежными, налились синевой, а ор Андрея забил динамики. Оригинальность фиксации жертвы, когда он при попытках шевелиться смещался всего лишь на несколько сантиметров, Лене понравилась. Концовку в Х-образном кресте просмотрела ускоренно. Да, качество обламывало, но в целом наказание маньяка, особенно когда он ревел и плакал от straponа, как юный детсадовец, Лену устроило. Да, кончил с оргазмом. С мощным и долгим, доселе не виданным. Но ситуация, возможно, закрепится, как тот же импринтинг, и ему может понравиться «работать вторым номером». Лена, конечно, запретила совершать насилия, но интересней будет если он сам потянется...

Чиновница пришла через день и торжественно провозгласила, что их семья с двумя детьми выиграла лотерею и получила в собственность целый коттедж, с условием, что квартира сдается в фонд города.

Пацаны прыгали, выпытывая, а у нас у каждого будет своя комната? Лена вопросительно посмотрела на Надежду и та подтвердила. А интернет? Снова кивок от чиновницы. Они заорали «Ура!!!» и сразу принялись отстегивать от «шнурков» компьютер и ноутбук.

Лишь Серега, вчитавшись в бумаги, поинтересовался.

— А почему на Елену Гуляеву все записано?

— Потому что Ваша фамилия Хроленко, фамилия детей Андреевы, а материнский капитал получала мать, Гуляева. Или Вас устроила бы Андреева?

Серега отрицательно замахал руками и согласился.

— А как хату сдавать? — поинтересовался практически.

— Когда полностью переедите, Ваша жена и ее бывший муж подпишут соглашение...

— А если он откажется?

— Не думаю, — ответила Надежда Александровна, загадочно улыбнувшись. Серега ей поверил.

На самом деле никому ничего подписывать не надо было. Оформлением повой жилплощадью для детей, которая явно перекрывает метры, купленные с вложением маткапитала, пройдет «на ура» — не в первый раз. Бывшему вернется половина стоимости с автоматическим гашением ипотеки, половина — Елене. Схема давно отработана. Разве что дети в семье остаются, а не оформляются в детдом.

После ухода чиновницы, хором решили устроить гулянку. Тем более, что была пятница. Детям Детское шампанское с мороженым и тортом, взрослым пиво, водку и обоих бабушек с Валентиной в придачу.

В большой комнате разложили стол, в кои-то — веки собрали диван, нанесли табуреток и стульев, позаимствовав у соседей, выставили из холодильника все, что было и заказали в доставке. Единственным мужиком — собутельником Сереге оказался его дядька, родной брат давно умершего отца. С ним они и удалились на кухню, от бабского галдежа устав.

— Серега, — стуча себя в грудь, в который раз пьяно спрашивал дядя Матвей. — Не верю я в халяву и все ты! Государство по-любому обманет и не спросит! И хрен ты что высудишь. На тебе, выкуси! — большим рабочим кулаком с вьевшимся до кости маслом показывал фигу. — Ты точно проверь, Серега! Я ж тебя, как сына люблю, — заявил родственник, появлявшийся в поле зрения раз в полгода и жену свою никому не показывал, как и сегодня, собственно. Неожиданное обретение жилья родным племянником поводом не

стало. Как и его пятилетней давности свадьба.

— Все я пролистал. Матвей, в каждую букровку вчитывался — без обмана. Хоть завтра переезжать можно.

— Ну, — сказал многозначительно, грозя заскорузлым пальцем, — гляди у меня! Я в душе добрый, но так отоварить могу! Со мной смотрящий на районе, чтобы ты знал, за руку здороваешься! Так что, обращайся... Марик, слышал? Я с ним с детства Вась-Вась! Вместе хорька в огороды загоняли...

— Да помню я все, дядя Матвей, — успокаивающе высказался Серега. По сравнению с ним, он ощущал себя до омерзения трезвым. — Обращусь...

— И не стесняйся давай! Ты мой самый родной че-че-лове-е-к, — последнее слово потонуло в слезах. Он уперся в грудь Сереги и завывал в голос. Футболка быстро намокла.

А в зале уже звенело домашнее караоке. Микрофоны и приставка давно были куплены и раз в год использовались на полную. Сегодня вышло внеурочно.

— То-о-лька рюмка водки на столе, — тянула пьяная Валька, считающая, что у нее есть голос. Не без оснований, кстати. Петь она умела.

В общем, вечер удался. Пьяная Лена в два ночи, когда гости разошлись, а дети, шмыгавшие среди нетрезвых гостей туда-суда, окончательно вырубались, набросилась на мужа и он, как успел привыкнуть, устоять не смог.

— Люблю тебя, милый, — горячилась Лена. Все прошло по накатанной.

Утром, стоная, попросив мужа принести воды «обязательно холодной!», вспомнила, одним махом осушив полный стакан.

— А ты в курсе, что Валька мужика нашла? Говорит, серьезно. обещает познакомить... — сказала и уснула. Серега лег рядом и тоже вырубился. Слава богу, в школе номер 28, куда ходили дети, была пятидневка. Пацаны сейчас дрыхли без задних ног.

На мебель Лена оформила рассрочку и два дня были заняты переездом. Распределили комнаты, среди мальчишек — через драки и обиды, и все равно половина помещений пустовала. «Красная» комната пока осталась незамеченной. Во дворе перед гаражом с автоматическим открыванием двери притулилась неказистая тойота, по сравнению с важными джипами соседей, смотрящаяся сироткой. Это даже Серега, далекий от темы, заметил.

— Мы как бедные родственники смотримся, мать, — высказался он, выйдя на неухоженный участок.

— Ничего, облагородим здесь все... и машину поменяем, — убежденно ответила жена. Муж ей поверил.

На новоселье Виталина, ни на миллиметр, ни на капельку не поверившая в «подарок» Администрации, отдала-таки Лене пять штук долларов, от которых она ранее благородно отказалась. Теперь взяла.

— На обустройство территории, — гордо сообщила директрисе, беря деньги.

— Конечно, Леночка, я понимаю. Могу дизайнера посоветовать... — сказала искренне улыбаясь, тщательно скрывая мысль «да хоть корову лысую бери, ведьма млядская, только отстань». От долга такой странной особе хотелось избавляться как можно скорее. Пусть она хоть сто раз «прощает», знаем таких!

От того, что рассказывали подруги, побывавшие в руках маленькой стервы, волосы дыбом вставали. Размеры, разнообразия, переливы удовольствий, рассказанные подругами, наполовину, наверняка, приукрашенные, — деньги же платили, — внушали ей маленький

ужас. Она на себе испытала истинную силу Елены и боялась ее. Но подругам улыбалась так же добро и ласково, как сейчас собственной работнице, отдавая себе отчет, что неизвестно кто кому тем самым «работником» является.

— Я подумаю, — пообещала Лена, принимая деньги двумя руками, как бы случайно касаясь чужих пальцев. Решила искренне, от сердца отблагодарить начальницу. Завтра она придет на работу не выспавшаяся, но счастливая. Сиять будет.

А в ближайшую пятницу устроили новоселье «для своих», куда ушла целая штука из неожиданно приобретенного подарка. Свои — это ближайшие халявчики из двоих Лениных подруг, одна из которых заявила «со своим молодым человеком», закадычного друга Сергея — вечно безденежного, и еще двух семейных пар из числа старых приятельниц Лены, отколовшихся по мере замужества. Наверняка пришли из зависти, но зато единственные с солидными подарками, за которые нестыдно.

Во дворе устроили шашлык-барбекю, за которым колдовали быстро перезнакомившиеся нетрезвые мужики, на веранде из подручных материалов соорудили стол и лавки, в общем, знакомая дачникам история.

В середине разгара веселья, перекрывая шум музыки из домашнего центра, вынесенного на веранду, к Лене нагнулась Настя — одноклассница, пришедшая с мужем.

— Пойдем, поговорил, — прокричала в ухо, — тема есть.

— Чего, Насть? — спросила Лена закурившую приятельницу. На улице по-осеннему стемнело и похолодало. Все, том числе и хозяева набросали на себя весь хлам, который не удосужились выкинуть из старого дома и, от которого еще ранее пора было избавиться с родительской дачи. Вывезли перебрать, да он как-то прижился. Вот мама и обрадовалась новому дому дочери — все сюда. Разбирайся, Елена!

— Ты же в «Виталине» работаешь, так ведь? — издалека начала Настя — ухоженная блондинка, выглядевшая не старше Лены. Детей у нее почему-то не было.

— Давай ближе к телу, Насть, — поморщилась Лена и неожиданно глянула в верх. Там в безоблачную безлунную погоду сверкала россыпь звезд...

Когда она в последний раз смотрела на небо? Невольно задумалась над этим, пораженная небесной красотой, которой в последний раз восхищалась лишь в детстве, пожалуй...

— ...или визажистом, не важно, по получаешь ты солидно. Этот дом тому свидетельство...

— Допустим, — согласилась Лена, из-за звезд пропустив половину предложения. — Дальше что? — алкоголь приятно кружил голову, настроение снижаться никак не хотелось. Наоборот, хотелось продолжения праздника!

— К тебе обязательно обратятся, Лен, — Настя заговорила так грозно, как только умела. А умела она либо визжать, либо мямлить... или тупую блондинку включить — это была ее высота. — Так ты скажи, что через Витю моего вопросы...

Лена заржала. Повисла на Насте, чтобы та не убежала и еле сумела успокоиться.

— Ой, Настюха, ты извини, но перед завучем, когда ты дурочку специально включала, ты... о-ох, ты... солидней выглядела, чем... а-а-х! Все-е, успокоилась, Лена, угомонилась... чем... чем сейчас... хох! Выдыха-а-ю... Извини, Настюх, но правда! Чего он сам не подошел? Ты-то ладно, подруга, тебе можно, а нему так и передай, что передастом работать несолидно. Сами подойдут, сама разберусь. Хорошо? А сейчас пошли гулять дальше. Всем предлагаю селфи! — заорала Лена громче музыки.

Через несколько минут все защелкали вспышками, включая Лену. Групповые, одиночные, на фоне дома и очага от шашлыков, с зеленью или мясом во рту, общая за столом, дурашливые и серьезные — всякие. Три четверти, разумеется, удалятся, оставшихся для воспоминаний о зрелой молодости родителей хватит и внукам, и правнукам, хоть соли, хоть маринуй.

Виктор все-таки решил подойти в хозяйке дома.

— Лена, послушай, я не от себя выступаю, а...

— Я так Насте и сказала — передаст. Не стыдно, Вить?

— Переговорщик, — с металлом в голосе поправил муж одноклассницы. — Ты пойми, опасные люди тобой заинтересовались, попросили выяснить кто ты есть.

— Ну, выяснил?

— Нет. Ты — загадка. Помолодела, похорошела — это не пустой комплимент, уверенность в тебе появилась непонятно на чем основанная. Потому и Настю послал предупредить, а вовсе не для того, чтобы обидеть.

— А, — Лена отмахнулась, — какие обиды? Проехали. Так и передай, если большие дяди спросят — все кредитное, кроме дома, который по случаю... пошли танцевать, Вить, достал серьезностью. Не порти праздник!

— Но слова мои запомни! — крикнул вслед уходящей Лене.

Пьянка быстро забудется, такие миллион на день случаются, а вот если чего поинтересней устроить... на втором этаже кроме двух детских еще три комнаты полностью отремонтированные стоят, правда, пустые... на первом кроме большого зала и их с мужем спальни еще две. Всем семьям хватит с избытком! Пусть ищут и обрящут...

Из десятков «пустых» снимков, нашлись те, которые новые души отсканировали. Как оказалось, этими новыми вышли все присутствующие. Теперь они в смартфоне отображались не безымянными объектами с номерами, а подписывались и аватарки появились. Причем, как заметила Лена, просматривая базу клиентов, имена не всегда соответствовали тем, как именовались по паспорту, записанные в абонеентах или сертификатах.

Виктор... аватарка его, имя не изменено, но следующая страница поразила. Он, оказывается, уже кого-то шпарит! Шарик возбуждения на фоне тайминга выписывал горки, замирая то в нижней точке, то на середине плато, но до высот, когда оргазм необходим, как воздух, и наступает неизбежно, если не запрещается «кнопочкой» в интерфейсе, не дотягивался пока ни разу.

— «В не дронит ли он?!», — с замиранием сердца определила локализацию, готовая прыснуть от смеха, но это оказалась комната на втором этаже, от спален мальчишек самая дальняя. Вряд ли, мастурбировал бы скорее в туалете, чем... не окончив мысль, пролистав последних объектов, вдруг наткнулась на Натаху, на ту «верную» подругу, которая сегодня впервые представила своего Молодого человека. Ее возбуждение превышало Витино, но четко коррелировалось с его волнами. И, похоже, один зубец буквально пять минут назад превышал грань оргазма. Один раз сучка уже кончила. Глянула локацию... та самая комната. От Витюха дает! При живой жене, о чем-то щебечущей со второй Лениной подругой, Машкой, в паре метров от нее, Лены, и в десятке аршин от родного законного мужа...

Вот это, блин, наглость! Лену возмутило и поразило одновременно. Причем, поразило больше в положительном смысле. Ей самой подобная ситуация ух как щекотала бы нервы! А как же женская солидарность?

Лена шагнула к углу и подсмотрела за двумя подругам. Они пили вино, перемывали кому-то косточки, покуривали на ступеньках веранды — потому-то в дом и не заходили. Завернулись в огромные мужские телогрейки и в ус не дули. Им было тепло.

«Ну и пусть сидит рогатая, — подумала Лена обиженно». И сама прятала от себя мысль, что с удовольствием присоединилась бы к этим двум беззаботным курочкам, но не позвали, дуры, а теперь подходить — малину портить... А ну-ка...

Возбуждения обоих старанием пальца Лены взлетели под самый уровень.

Маша поперхнулась вином и закашлялась. Настя стала заботливо стучать ее по спине, приговорив:

— Прокашляйся, Машуня... — но постукивания быстро перешли в поглаживания. Сквозь толстый ватин ладонь ощущалась едва ли полноценно. Так, отголоски ласки, которые дополняла фантазия.

— Настюша, что ты делаешь, — с придыханием прошептала откашлявшаяся Маша.

— Помогаю тебе, дурочка, — возбужденно промямлила подруга, срывающимся голосом. Остановила руку и осторожно, боясь натолкнуться на протест, потянула спину Маши к себе, одновременно другой рукой разворачивая. Отторжения не последовало и их уста слились в поцелуе.

— У тебя же муж... — горячо прошептала возбужденно задышавшая Маша.

— Объелся груш... где он, а? Не удивлюсь, если Ленку жарит, сука еб...ая. — Их уста закрылись долгим поцелуем, совершенно не думая, что кто-то может внезапно выйти.

— Козел он у тебя... — поддержала подругу Маша, один раз с ним переспавшая. — Надо ему отомстить... правда?

Лену мнение о второй половине давно неверного супруга не взволновало нисколько. Гораздо сильнее заинтересовало место, где они решатся «мстить». Неужели на улице? Или догадаются все же в теплый дом зайти и там уголок поискать.

Догадались — не совсем безбашенные оказались. Прошли мимо выпивающих на огромной кухне мужиков: Наташкиного и Ленкиного, которые поинтересовались пьяными голосами не встречали ли они их половин; позвали выпить, но женщины, не ответив, промелькнули дальше, свернув за угол к комнатам, которые предлагали для ночлега. Из вежливости, конечно, туда на пустой пол шмотье еще накидать надо. Но девушкам хватило и их безразмерных ватников неопределенного возраста, Лениной мамой зачем-то отстиранных. А ведь как чувствовала, зараза, что пригодятся.

Лена зашла следом за женщинами и для вида под села к мужикам, бабу одного из которых, если версия о «молодом человеке» не была выдумкой, на втором этаже сейчас активно шпарили. К разговору пьяных самцов, «меряющихся пискками», не прислушивалась, а следила за подругами, переключаясь между ними при помощи удобных закладок, обнаруженных только что. Кнопки разрешенного оргазма оставила неактивированными. Ей стало интересно, насколько сексуальны они сами по себе, принужденные на время стать лесбиянками. По четыре раза бабы успели кончить, когда Серега больно взял ее за руку и повел в спальню. Молча.

— А где этот?

— Какой этот? Настин или тот, второй, как его... Вова, во!

— Второй, блин, с кем ты пил!

— Я?! — искренне удивился Сергей. — Не мели пургу, мать, давай спать. Я пьян в стекло... — с последними словами рухнул на кровать, упав на живот.

Лена еще последила за всеми. Первая пара утомилась, и Наталья покинула партнера, а вторая заиграла во всем разгаре. Значит, пресловутый Вовчик до них не добрался. А где он, кстати?

Нашелся на втором этаже в комнате, смежной с той, где имели его Наташу. Она, кстати, оказалась рядом. Возбуждением между ними не пахло, а тянуло скорее тупым сном... три утра, как-никак. Вторая пара, Ленкина подруга по училищу и ее муж, покинула новоселье незаметно, на фото не засветившись. Серегин друг исчез еще раньше, отмазавшись загадочными «делами».

Вырубилась Лена как пьяный в хлам Серега, не раздеваясь.

Глава 16. Большие люди — большие договоры... или договора?

За уборкой, приемом и разбором мебели, за оформлением школьного автобуса, для которого пришлось задействовать связи Надежды Александровны, потому как выходные были, время прошло незаметно и в понедельник Лена вышла на работу как обычно. Разве что медицинскую маску пришлось нацепить — поступило непереносимое требование.

Одна клиентка, вторая, третья — Лена с Виталиной добились нормы в двадцать минут вместо сорока, мотивировав сокращение времени применением мастером не классического, а особого филиппинского массажа, о чем у директрисы появились документы с настоящими мокрыми печатями. И ценник на сорок процентов повысили.

Четвертым впервые зашел уверенный в себе мужик, обернутый в халат «Виталина», обтягивающий явно спортивную фигуру, закрытый на пол-лица респиратором.

— Здрасьте... — растерялась Лена.

— Здравствуйте... Елена? Мне Вас на ресепшене посоветовали, говорят, Вы спину таким-то удивительным способом поправяете... вот здесь посмотрите.

Чувствуя месть завистниц, злясь на них, ворон считающих, в чужие кармане заглядывающих, Лена подошла к мужику и нехотя, сквозь халат, потрогала его спину сзади, двумя руками. Развернуться посетитель почему-то не догадался, а через мгновение Лена ощутила болезненный укол в шею и перед глазами все поплыло...

Очнулась она от грубых пощечин. Дернулась, но пошевелиться не смогла. Одета в зеленый с белыми вставками медицинский костюм, Лена сидела на стуле с высокой спинкой. Ноги были привязаны к передним ножкам скотчем, руки сзади, за жесткими деревянными стойками, были скованы наручниками, причем, на ладонях ощущались толстые кожаные перчатки с мехом. Маска с лица исчезла. Инфекции здесь явно не боялись.

Перед ней стоял солидный ультрасовременный стол, за которым восседал важный мужчина неопределенного возраста с заметным брюшком. На темени намечалась лысина, которая зачесывалась длинными волосами от косого пробора. С двух сторон от нее стояли два мордovorота в классических костюмах с галстуками.

— Очнулись, Елене Сергеевна? — доброжелательно обратился мужчина из-за стола. — На моих бугаев внимания не обращайтесь, они немые, как рыбы в аквариуме, и слышат не лучше их. На всякий случай стоят, уж очень много необычного я о вас наслышан. Не дергайтесь и все будет Тип-Топ. Андестенд?

— Йес ит из, — хмуро ответила Лена, пошевелив шеей. Место укола побаливало. — Воды попить дайте. Как сахара во рту...

Один из мордovorотов налил из графина в стакан воду и из своей руки напоил, облив, естественно, подбородок и накапав на блузу из дорогой полусинтетике.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Лена. — Чем обязана вашему гостеприимству? — говорила спокойно, но сердце давно поселилось в пятках. Убить могут легко — все лица видела. Сюжет хоть и был почерпнут из сериалов, но актуальность от этого не потерял. Ужас как страшно было.

— Я давно хотел с Вами познакомиться, Елена Сергеевна, с момента, когда позвонил Ваш бывший начальник, Лев Андреевич, и не поведал мне занимательную историю. Ну, сюжет Вы знаете, позволю себе не пересказывать. Потом Вы устраиваетесь на работу к моей

бывшей жене, причем все документы делает она и все они левые. В переходе купленные, если Вы не знали, так торопилась Вас у себя обустроить. После вообще происходит чудо — Вы пользуетесь спросом среди самых капризных дам. Восторги изобилуют. И вдруг на меня выходит старая перечница, вес в Администрации города, несомненно, имеющая. Раньше мог бы сказать, что вес в прямом смысле, но встретившись с ней, передумал. Вся мысль моя перевернулась. Что я был поражен — ничего не сказать. Всю жизнь думал, что такое невозможно, но увидел воочию. Сама молодость со мной говорила. Не двадцатилетняя юность, конечно, но и не запущенное тело, которое на пятидесятилетний юбилей выглядело на все шестьдесят с гаком. А когда при оформлении документов всплыло Ваше имя, я подумал про себя — молодец, Борис Евгеньевич. Обрадовался, как удав, встретивший вместо усохшей ветки свою суженную. Не о Виталине идет речь, Вы понимаете. О ней лучше не вспоминайте — стерва из стерв, хоть и стелется перед Вами овечкой. И тогда меня впервые посетила мысль сохранить в здании прежний бизнес. Ранее мои аналитики высчитывали и так, и эдак, но автосалон всегда выходил прибыльнее. Заметили, какие там пандусы на каждый этаж до самого четвертого? Не для инвалидов, нет, для них лифтов с лихвой хватает, а для заезда машин. Да, Леночка, не удивляйтесь. Если весь хлам с них убрать — в самый раз получится. И что мне делать, не подскажите? — вопрос явно риторический, — Боря оказался позером хлеще Керенского. — Задуматься мне следует, вот что. В бизнесе — это первое дело. Автосалонов, рассудил я, не спросив аналитиков, в городе полно. Одним больше, одним меньше — не велика беда. Супермаркетом вообще, хоть отхлебывай. Спасалонов или салонов красоты, — они по-разному стремятся назваться, — тоже резать по одному можно и не почувят потери. Так что делать мне? «Смоки» в детстве не слушали? Английская группа, из которой Крис Норман вышел... не?

— Родители слушали, — невольно ответила Лена, поняв в чем вопрос. — И что делать Вам, надумали?

— М-да, действительно, легко угадывается. «What can i do» мы часто перепевали как «Водки найду» ... а не знаю я пока, что делать мне, от Вас зависит. Может, у Криса Нормана свои соображения есть, но его мы спросить не сможем, так ведь? Да и какое он имеет отношение к злополучному строению в центре совершенно неизвестному ему города, судьба которого решается здесь и сейчас. Ну, Елена Сергеевна, что скажете?

— Крис Норман знает наш город, я была на его концерте. — Зачет-то ответила Лена, понимая, что несет пургу.

— Понравилось? — заинтересованно спросил Боря.

— В принципе, да. Но не в тренде. Профессионализм чувствуется. Это я как-то на «Песнях» была, а у них на разогреве неизвестные тогда еще БИ-2 выступали. Так «Песняры» меня больше зацепили, потому что все было профессионально отточено, хотя БИ-2 тогда уже пробивались и играли песни в стиле куда современной, чем старье Мулявина...

— Bravo! — Боря демонстративно похлопал. — Вы, прям, меломанка. И все-таки, что мне делать? Как на духу посоветуйте.

— В наручниках? В наручниках и перчатках, прикованная к стулу, так прямо сразу Вам и советовать. В лоб. И вы послушали, поблагодарили и отпустили. Я верно Вас поняла?

— Да, — жестко ответил Борис, — именно так. Наслушался я о Вас и рисковать не хочу. И прямо говорю — Ваша жизнь зависит от Ваших ответов. Я слушаю.

Лена прикрыла глаза. Сердце продолжало теревить пятки, страх заполонил всю душу и

уже, можно сказать, стал привычным. Если к такому привыкнуть возможно в принципе. Но недавно она научилась своим колдовским умением «прочистать мозги». Или «очищать сознание» — как хочешь называй, суть одна. Им и пользовалась почти с самого начала монолога Бориса Евгеньевича. По натуре она была совсем не смелой. Трусихой, можно сказать, была. Но трусихой наглой.

— Скажите честно, Борис Евгеньевич, зачем Вы так с Виталиной поступили? — Лена откровенно тянула время, не ведая, что можно предпринять в ее положении.

— А как я с ней поступил? — переспросил Боря, постепенно заводясь. — Очень честно поступил, как иной муж при разводе не поступит! — в конце фразы все же завелся.

— Мы почти сорок лет были женаты, дольше всей твоей жизни, и что она? А ни хрена она! Я ребенка родить уговаривал пятнадцать лет! Пятнадцать! Она все на маникюр дула и говорила какая она страшная станет беременной. Как у нее ноги отекут некрасиво и как рожать больно. Мне в глаза, каждый божий день. Улавливаешь?

— Рожать действительно больно... — встряла Лена.

— А то я не знаю! — взвился он. — Наслушался, начитался, но все же рожают?! А она — цаца. Терпел. Родила. Слава богу, первые полгода даже грудью кормить сподобилась. Сын, слава богу, не болел особо. Потом все, как отрезало. Кормилицы, няньки, садик, школа и поехали... Она на выставках, корпоративах, на праздниках у подруг по любому поводу — только не дома. Появляется — для меня праздник. Но не дает! То голова болит, то женские дни по полгода подряд, то еще какая-то хрень, но прожили мы так еще более двух десятков годков, пока я не выдержал... у сына семья давно в Лондоне, внуками не балуют — там тоже жена наподобие моей, видимо, семейное... — Боря вдруг обошел стол и сел на него прямо перед Леной. — А ты знаешь, что она ни разу в жизни мне борщ не приготовила?

— Не умеет, может...

— Э-не-э-т, дело в не-неумении, — проговорил, покачивая пальцем, отрицая. — Мы когда поженились, я в профкоме работал, и выбил нам в общежитии отдельную комнату. А она даже не нашей студенткой была, не политеха, а в хореографическом училище училась на постановщика народных танцев. Стали жить вместе. Все девки на этаже готовили, а она будто особенная — ни в какую. Питались в столовых или в сухомарке. Училище окончила — ни дня не отработала, всегда на моей шее сидела. Да, стирала, когда захочет, изредка гладила, вот и все наше совместное хозяйство. Потом уборщицы появились, кухарки — ими и научилась командовать. А сама, представляешь, борща мужу ни разу в жизни... а студентом я всегда голодным был. Не в родном городе жил, а в чужом, в общежитии, и только на стипендию... если вагоны не разгружал. Поняла что-нибудь о ней, или я зря тут соловьем заливаюсь?

— Поняла, Борис Евгеньевич, Вы очень красочно описали начало фильма «Олигарх». Там, по-моему, тоже бедный студент грузчиком подрабатывал, чтобы первую семью прокормить. Или не «Олигарх», но тоже о будущем успехе. — Боря, усмехнувшись, скрестил на груди руки, всем видом показывая, что намерен слушать. Временем он, вроде бы как, располагал. Тянула его же, как резину, Лена.

— Жена — стерва, все такое. А почему Вы на ней женились? Почему сорок лет терпели? А я отвечу, не утруждайтесь. Отвечу банально по-бабски — Вы любили ее, а она Вас нет. Потому и борщей не было. Не из-за маникюра же? В воспитании детей тоже уголовки не вижу. Каждая семья несчастна по-своему. Здорово я придумала, правда?

— А ты правда ПТУшница? — Переспросил Борис. — Чую я, сама знаешь, чья это

фраза. Время есть, но зря не затягивай, накажу. Решение свое выскажи и свободна. Я расклады повторять не буду, не попугай.

— Решение, так решение, — тяжело вздохнула Лена. — У Виталины свои тараканы в башке, у Вас свои. Ее я знаю... надеюсь. Ваши — нет. Поэтому предварительно я за нее. Обрисовываю: салон с именем, я — массажистка, зарплата высокая. У меня долги в последнее время накопились, представляете?

— А кто начальник тебе не интересно?

— Я уже сказала, что Виталину я в общих чертах знаю, Вас даже в кошмарах пока не видела. Так что я — за нее, могу повторить. Мне попугаем быть не зазорно...

Тут ей прилетела такая пощечина, что голова, показалась, свернется. Из глаз сыпанули искры, левая скула онемела, веко стало заплывать.

«Синяк назревает, — обреченно подумала Лена, — и куда я с ним покажусь?», — думала, тщательно изгоняя мысль о собственном положении, весьма незавидном. Маньяк Андрей по сравнению с олигархом Борей — Табаки перед Шерханом. У того рука убивать не поднималась, а этот...

— Все, Леночка, лирика закончена. Ты уговариваешь Виталину подписать договор о расторжении аренды и продолжаешь работать под моим началом. Точнее, актив Виталины переоформляешь на себя, а директором ставь кого хочешь. Ну и договор аренды, конечно, изменим. Сделаем его классическим, с автоматическим расторжением, если... и тд, и тп. Ясно? Смотри, это лично моя уступка, совет директоров всеми голосами за автосалон. Но у меня семьдесят один процент... я рискую, не подведи.

— А иначе, — спросила, зло выплюнув на блузу шмат крови. Ее начинало подмывать бешенство, а страх, наоборот, сухим льдом испарился. Без остатка.

— У тебя дети есть. — Боря безразлично пожал плечами. — Никита и Ярослав Хорошие русские имена. Патриотка?

— Да пошел ты... — Лена закрыла глаза и попыталась расслабиться.

— Пойду и не обижусь. Ты только свою часть уговора выполни.

— А если я, — Лена потрогала языком треснутую изнутри щеку, — кровь не пошла — не заметила бы. — Уговорю Виталину выплатить тебе долг?

— Что? — На его лице застыло искренне удивление. Потом рот скривился в гримасе, глаза превратились в щелочки, и он откровенно заржал. Смеялся открыто, залихватски, сгибаясь пополам чуть ли не падая на пол. Не стояли бы в кабинете бугаи — катался бы по ламинату.

— Так ты не знаешь! Ха-ха-ха... у-у-у не могу... ты, дура, договор в руках держала, а на сумму внимания не обратила?!

Лена чувствовала последней тупицей. В памяти смутно всплывали цифры и пропись ежемесячной оплаты, задолженность... вроде сто двадцать тысяч с копейками на тот день.

— Там целых сто двадцать штук, и я согласилась за пятьдесят. Что неправильно?

— А валюта, дура! В чем у нас в России заключают договоры? В рублях!!! Она все здание снимает за десять тысяч рублей в месяц! Тысячи квадратов полезной площади, не считая землю! В своей квартире за коммуналку она больше платит... дело принципа, не поняла еще? Я налог городу в десять раз больше плачу, чем с аренды, если получал бы.

Точно! В голове мгновенно всплыли суммы... как могла не обратить внимание? Да потому что баксы посулили, вот и смешалось... бли-и-н, точно сказал Боря, дура. В семейные разборки умудрилась влезть, где деньги далеко не главное...

— Потому и договор аренды так составлен был, что только через суд, в который я ни за что не подам, понимаешь? Я при солидных людях подарил ей «Виталину» вместе со зданием. Устно. А при оформлении у нотариуса мы с ней заспорили... сцепились, как подворотные шавки, вспоминать стыдно. Каждого закусило и... результат ты знаешь.

— Господи, да отлай ты ей сейчас, в чем проблема?! Обещал же. — Лена уже ничерта не соображала.

— Прошел год, пришли другие вопросы. — Произнес неожиданно холодно. Лицо его резко изменилось: из безудержно веселого за мгновение превратилось в предельно серьезное. — Свое предложение я высказал. Жду ответного.

— Я согласна, — не заставила себя ждать Лена. — Только чур, аренда остается прежней.

Густая бровь Бориса поднялась.

— А с тобой можно иметь дело, девочка. Только десять косарей в месяц, согласись, несерьезно. Совет директоров не поймет...

Глава 17. Разговоры. У каждого своя правда

Девочки, увидев Лену с бланшем под глазом, ошалели.

— Ты где была?

— Тебя все обыскались, — вторили друг другу барышни на ресепшене. — Твои клиентки взбешены, от нас к Хозяйке бегут, а та нас дрюкает.

— Где фонарь заработала?

— Как работать будешь?

— Надо замазать как следует. Есть чем, девчонки? И блузу заменить — в крови вся.

— Эт мигом. Натаха, дуй к визажистам и молчок пока, а я сейчас форму новую принесу. А ты пока под стойкой спрячься, не пугай посетителей. Но если не услышу от тебя историю... — говорила, открывая проход в столешнице, — прокляну. — Глаза ее горели нешуточным интересом, а уши готовились к такому, к такому... сама не знала к чему, но интересному до жути. О новой массажистке по фирме слухи гуляли одна страшнее другой и тут на-тебе — синяк. Как у обычной битой мужем бабы. А все ведьма, ведьма... разберемся какая такая ведьма.

— Да какая там история, банальная. — Лена в новой форме сидела перед зеркалом в закутке ресепшена. Натаха, вооружившись тенями, кисточками, кремами и прочими тампонами, обрабатывала фингал с опытом фокусника-престижителя, пальцы мелькали практически незаметно.

— Муж позвонил, срочно домой лети, орет, а то прибью нахрен, бросай все, пожар. В чем была — ломанулась. Даже до машины добежать не успела — попутка как раз подвернулась. Влетаю в дом, а мой благоверный бухой в лоскуты смотрит видео с нашей последней гулянки. Один момент мотает и мотает. Ко мне поворачивается и паузу включает. Смотри, говорит, млидь! А там я, дура пьяная, с его корефаном целуюсь. Я, как идиотка, ближе подошла, в голове верчу, вспоминаю и тут... на-тебе! Искры из глаз и все такое. Убью, предупредил, и пошел на кухню. За ножом, наверное. Ровно так пошел, пряменько, а сам — в дрова! Я и задала стрекача. Ну его нахрен, он пьяный дурак-дураком становится. Потом, правда в ногах валяется...

— Ой, да все они, мужики, такие! — поддержала рассказ вторая администраторша с бейджиком Анастасия, которая с интересом слушая, периодически выглядывала из-за шторы, высматривая клиентов. Не дай бог подойдет кто, а за стойкой никого нет. Штраф гарантирован. — Вот мой однажды приревновал из-за сущего пустяка... ой, девочки, мне пора. Принесла нелегкая...

— Ну вот, маску под глаза натяни и как новенькая, — сообщила, наконец, Натаха, взглядом художника оценивая собственное творение. Кажется, осталась довольной. — М-да, лучше не сделаешь. А это правда, что ты дочь Виталины и что тебя она нагуляла? Полгода якобы в Австрии на курорте отдыхала, а сама туда на тайные роды ездила. Правда? Я никому, честное слово, могила!

Лена еле заметно сыграла веками, дернув ими два раза. Можно было понять как «да» или как «нет» — в зависимости от настроения вопрошающего.

— Спасибо, — поблагодарила и, озираясь, покинула гостеприимный ресепшен.

Секретарша Лидочка, аж подскочила, когда увидела Лену.

— Бегом к ней! — погнала голосом, одновременно поднимая трубку телефона и

нажимая на клавишу.

На черной софе в кабинете директрисы восседали, поджав ноги, две Ленины клиентки в фирменных махровых халатах, пили красное вино из бокалов с точеными ножками. На ворвавшуюся массажистку уставились, как на приведение.

Виталина, сидевшая за столом в крутящемся кресле, изобразила долго ожидаемое, но неизбежное возвращение «блудного попугая».

— Наконец-то, Леночка, я так волновалась! Что тебе сказали в больнице? От чего обморок? — участию хозяйки заведения позавидовала бы любая любящая детей мать.

— Банально, Виталина Витальевна, не поверите... от усталости, говорят. Загнала ты себя, голубушка, высказался доктор. хороший такой дядечка, добрый... извините, девушки, что не смогла вас сегодня обслужить, — обратилась уже к двум кумушкам, возрастом далеко не юного. — Завтра. Если придется, то внеурочно...

— Ну-ну, Леночка, угомонись, — остановила ее Виталина. — Девочки, не держите зла. Если хотите, могу деньги вернуть, а можно расписание перетрясти в свете... точно ничего страшного?

— Точно, Виталина Витальевна. День-два посоветовал отдохнуть...

— Видите, как неудобно получается. Что скажите?

— Да какие деньги, Вита! — словно бы очнулась первая. — Но мы — первоочередники, не забудь. Выздоровливай, Леночка и... мы пошли? — последний вопрос относился к соседке.

— Да-да, конечно, выздоравливай, Лена, мы подождем. До встречи, Вита, на связи.

С этими словами обе вышли, провожаемые любезной хозяйкой, продолжающей рассыпаться в извинениях.

— Ну. — Спросила Виталина грозно, как только за ее подругами закрылась дверь и щелкнула внутренняя задвижка.

Лена в ответ молча сняла маску.

— Кто? — серьезно спросила хозяйка.

— Ваш. Боря. Самолично.

Виталина в задумчивости обогнула стол, села на софу и пригласила Лену сесть рядом.

— Рассказывай, — сказала тоном, промежуточным между приказным, просящим и сочувствующим. Участливо-настоятельно попросила рассказать, что случилось.

— По роже огребла, что же еще? Но меня другое заинтересовало, я даже фингал простить готова... обрисуй мне, Виталина Витальевна Герман, свою жизнь с этим чудовищем? — страшное слово было густо окрашено сарказмом. — Его версию я наслушалась до жуткого гнева в груди за бесцельно прожитые им годы. Всю молодость, всю красоту на тебя потратил.

Хозяйка салона подобралась. Посерьезнела.

— Вот даже как... Борюсик, Борюсик... ты там на два, а то и на десяточек дели что он там порассказывал...

— Поконкретней, пожалуйста, Виталина Витальевна, от и, так сказать, до. У кого на сколько делить или множить я как-нибудь с божьей помощью сама догадаюсь.

— Тебе-то о Боге упоминать не совестно? — произнесла с издевкой.

— Не отвлекайся, пожалуйста, я слушаю. Полная картина не малюется...

Боря ухаживал красиво. Цветы, рестораны, дефицитные шмотки. Он тогда плотно подсел на комсомол и профорганизацию института, где учился. Повелась на ухаживания,

влюбилась то ли в него, то ли в его возможности. Отрезвление произошло в общаге. По ее описанию — там был концлагерь. Его засранные трусы и вонючие носки стирала в тазике, готовить приходилось только на общеэтажной кухне, потому что личные плитки, как пожароопасные устройства, в комнатах были запрещены и член комсомольского комитета, профорг курса не мог позволить себе отступать от правил, а вдруг кто донесет? Хотя у всех соседей домашние электроплиты самого разного профиля имелись в достатке. Но кто позволит жене ненавистного активиста, строящего из себя чуть ли не Папу римского, пользоваться запрещенкой? С ней и дружить-то никто не хотел. А в общей кухне что приготовишь? Только картошку пожарить да макароны отварить без отрыва от производства. Чуть отвернешься, ненадолго покинешь помещение — или носок в супе обнаружишь или кастрюлю сопрут вовсе. А на любые стенания жены Боря делал вид, что не понимает. А вагоны он разгружал раза два всего. И того для того, чтобы «не отрываться от коллектива», а сам жил тем, что бесплатные талоны на питание, положенные малоимущим или больным студентам, каким-то образом обналачивал. Все через профком шло, то есть через него лично. И не только еда. Курсовки, путевки и многое другое. И все, как и любой дефицит, стоило денег. Но главное, как догадалась Виталина позже, Боря наработывал связи. Свои люди в нужных местах — дороже денег.

Любила ли она его? Тогда еще да. С пониманием приняла запрет танцевать, дабы «не крутить задницей перед чужими мужиками», поэтому ни дня до обретения «Виталины» официально не работала. Долго не могла родить, а Боря плешь проедал «наследником». Честно не изменяла до родов. А потом... потом другое дело. Опостылел он ей — физически не могла ноги раздвинуть. И пошло — поехало. Пару лет назад оседлала его молодая — дерзкая; первого в городе застройщика, владельца массы недвижимости от которой доход получал — Рокфеллером не снился. Наметился развод. Так получилось, что во время семейной встречи с его «друзьями», с авторитетным бомондом, зашла речь и о них.

Виталина тогда напилась и вспыхнула. «Ничего мне от тебя не нужно, козел драный», — орала при всех, — «оставайся со своей пираньей, посмотрю, как она тебя до косточек обглодает». Он тогда при всех обещал, зуб дал, что самую ценную недвижимость в центре города ей отдаст, так сказать «на кормление», и даже салон красоты там организует. «Ты Побожился?», — переспросил его невзрачный мужичок без второй половины, которого все уважительно называли просто Фома. «Я от своих слов никогда не отказывался!», — гордо ответил пьяный Борис. «Тебя за язык никто не тянул», — видимо безразлично пожал плечами тот самый Фома и где-то в толпе растворился. Потом действительно закрутилось. Организовался Спа-салон «Виталина» со всем фаршем, она была назначена директором и все бы хорошо, если бы у нотариуса они в очередной раз не разорались, как дети малые. Договор заключили такой, какой есть сейчас, при этом она, со психа, от остальных претензий на половину имущества официально отказалась.

Вот и зашла коса на камень. Виталина аренду из глубоких философских суждений платить не желает, тем более там копейки — сам может рассчитаться. А тот тоже хорош — целый год внимания не обращал и вдруг вспомнил. Наверняка новая жена, наслушавшись бабских слухов, которые успех «Виталины» до луны раздули, — еще до прихода Лены, кстати, — стала на мозги Бореньке капать. Так принцип зашел на принцип.

Лена, закрыв глаза, совмещала обе версии. Щелкнула пальцами и Виталина догадалась подать ей вина в бокале. Отпила. Мысли все равно путались. Фингал болел.

— А знаешь, Виталиночка, что мне твой бывший благоверный предложил? —

проговорила, не размыкая глаз.

— Что?! — директриса не смогла скрыть волнения.

— Тебя заменить. Со справедливой, как он выразился, арендой.

— Да ты в бухгалтерию загляни! — не на шутку разволновалась Виталина. — Там и сейчас выхлоп — ноль, а если арендовать станешь, то в минус уйдешь! Половину клиентов потеряешь! Твои массажи — копейки, по сравнению со всем объемом. Фитнес, сауны, парик...

— Заткнись, — тихо попросила Лена и Виталина замолчала. — Я думаю... — а фингал болел, сука.

— Тебе повезло, Виталиночка, — наконец, медленно заговорила Лена, глаз по-прежнему не открывая. — Что он меня ударил. Простись не могу. Мужу, представь, сколько раз прощала, потому что за дело, пусть он даже не ведал за что именно, а то убил бы, а твоего стараюсь понять, но не получается. Козел он у тебя — баб связанных бить последнее дело. Боятся он меня. Понять не могу, что ему про меня натрещали, но держал в наручниках и перчатках. Не дурак.

— Да, — облегченно согласилась Виталина, расслабившись. — Этого не отнять — не идиот он. В первые кооперативы на раз встроился, в девяностые между бандитами пропетлял — далеко не дурак...

— А еще детьми моими угрожал. Он может?

— Блеф. — Четко ответила Виталина. — Он трус. Не решится. Говорю же, между бандюганам как вошь на сковородке крутился — и тому, и тому. Кого посадили, кого отстреляли и он — король. Теперь только ментам платит. Хитрый, черт., умный...

— И дурак не малый, — заключила Лена, распахивая очи. — Детьми зря пугал, я зла. План такой.

Глава 18. Укрощение строптивого. Долгая...

— ...да хрен с тобой, подпишу я отказ от аренды, сто тысяч баксов только мне перечисли. Откажешься, смотри, в субаренду сдам с правом подписи, договор позволяет, у юристов поинтересуйся. А желающих полно — с ними разгребаться будешь. — Закончила разговор Виталина. Но не выдержала и продолжила со злостью. — Хоть новый Ашан сюда пускай, мне плевать. А пока деньги не поступят на помощь своей протееже можешь не рассчитывать. Она на больничном. Что-то с головой: то ли сотряс, то ли контузия. Когда выйдет — неизвестно. Подумай, Борюсик, пока у тебе твоя пиранья чего-нибудь ценное не отгрызла. Жду завтра к обеду в офисе. — С этими словами бросила трубку.

На следующий день Лена находилась дома и на всякий случай изображала больную. Серега допытывался, но ничего вразумительнее, кроме как, «упала с лестницы», не услышал. Не верил и злился.

— Ты только скажи кто, — пытал он жену. — Не бойся, я грудью встану, от всего защищу. Не работе кто? На улице? Да он кровью умоется, не бойся, скажи!

— Не ерпенься, Серега! Как ты достал! Ну в самом деле на стремянку забралась и на тебе, башкой, лицом. Ну вот наврать бы хотела, что-нибудь правдоподобнее придумала, согласишься... голова трещит, отстань, пожалуйста.

От детей отцепиться оказалось сложнее. Они оба липли к мамочке, которая в кои-то веки болела! Как бы вся была их, без вариантов. Вроде и возраст такой, когда телячьи нежности не в чести, когда они удел девчонок, а не настоящих пацанов, но когда еще с вечно занятой мамой обниматься? Ее и растрогала их любовь и отвязаться надо было, потому что скоро... хорошо, что они все-таки мальчишки, и отстали сами. Девчонки улеглись бы рядом, затискали бы, и принялись болтать обо всем на свете, зная, что мама никуда убежать не может. И не согнать их никак. Обидишь. Если только Серегой. Еще больше против него настраивая...

Наконец-то звонок от Виталины — чужие вызовы она игнорировала.

— Алло?

— Это я, Вита, — кодовое слово, что не под контролем. Как в шпионов играли. — Он меня ударил, сволочь! Не прощу...но поверил. Ножками топал, слюной брызгал. Я утром сдала тебе «Виталину» на правах субаренды с правом подписи, все как договорено. Ездил к тебе домой. Он якобы опоздал, а ты была убедительна. Бледна, слаба, но убедительна. Так что право подписи теперь у тебя. Муж с нотариусом в пути уже, хотя... ну, ты знаешь.

— Принято, — по-военному ответила Лена и отключилась.

Через двадцать минут раздался шум в коридоре, возмущенные крики мужа, тупо затихшие, топот шагов, идущих в четком направлении «Без Настинного суженного наверняка не обошлось», — успела подумать Лена и дверь в их с супругом общую спальню распахнулась настежь. Хорошо, что пацаны были уже у себя на втором этаже и рубились в игры с двух компьютеров и занимались они этим в наушниках.

— Придуриваешься, да? — утвердительно спросил взбешенный Борис. Рядом с ним скромничал мужик в костюме, а перед ними по бокам маячили два знакомых мордovorота, готовые наброситься на бедную больную женщину.

— Да приглядитесь ко мне внимательней, — умирающим голосом просила Лена. Сама тем временем, высунув из-под одеяла лишь край айфона с камерой, беззвучно и без вспышки

щелкала и щелкала, следя за тем, когда все заморгают. Последним проморгался нотариус.

— Ну? Неужели непонятно, что я больная?

— Что?! Да на тебе пахать можно! Ребята, взять ее и ко мне. Забыла, сука? А фингал-то помнит обо мне, шлюха!

Качки бросились одновременно. Но у обоих не получалось схватить беззащитную с виду девушку. Руки вроде бы сгущались, но действовали крайне неловко. Еще и сучка подливала масло в огонь.

— Да не мучайтесь, ребята, я скользкая. За волосы хватайте и по полу тащите... а там в машину пихайте.

Но пальцы отказывались цепляться за волосы. Один догадался и навалился на девушку всем своим немалым весом. Но снова вышло неловко. Он сам собой перескочил тело и упал рядом. И тогда он завыл.

— Увольняй, хозяин! Не могу я ее взять!

В лице Бори дрогнуло. Можно даже сказать, что дрогнуло все. Ни слова ни говоря, он бросился наутек. За ним первым делом рванул мужчина в строгом костюме, потом потянулись бодигарды.

Лена счастливо потянулась и первым делом позвала мужа.

— Серега! Ау! — обеспокоилась молчанием и собралась было выходить в коридор, как он сам, сгибаясь, держась за живот, ввалился к ней.

— Кто это, млядь! Что это было, сука? — спросил уже спокойней, убедившись, что с женой все в порядке. Сидит на кровати в абсолютно чистой, не мятой и не рваной ночнушке, одеяло явно откинуто только что.

— Издержки моей новой работы, — умиротворяюще ответила Лена. — Там хозяева между собой что-то делят и считают, что я тоже задействована, хотя я — ни сном, ни духом. Я их послала куда подальше и ментами пригрозила, видел, как быстро укатили. Ну же, иди ко мне, родной, пожалею...

Утешение плавно перетекло в секс, после которого Сергей угомонился окончательно. Уверил себя, что все произошедшее случайность, а то и вовсе забыл. Дети в наушниках все это время были заняты.

Примерно через полчаса после бурного секса Лена, сидя в туалете, находясь в блаженном состоянии, набрала Надежду.

— Надежда Александровна?

— Да, Леночка, я на работе. Говорить неудобно.

— Надежда Александровна, это не приказ, а просьба. Выслушаете?

— Говори, Леночка, — и тише, — посетитель подождет.

— Я быстро! Ответьте честно, Вам в роли Госпожи понравилось?

Ответила, спустя долгую паузу, но ответила твердо.

— Да.

— Есть вариант сегодня ночью. Тип другой и никак мне не подчинен. — Немного слукавила Лена. — Но будут сильные помощники. Справитесь?

— А я? Если он меня потом узнает...

— Купите латексный костюм Госпожи с маской и измените голос. Знаете, есть такой с микрофоном и динамиком, в сексшопах имеются.

— А я имею право Вам возразить? — спросила с иронией, прикрывая микрофон телефона рукой.

— Имеете. Даю честное слово, что приказывать Вам не стану. Да! Мы еще камеру открыто установим, чтобы компромат появился, и чтобы он это видел.

— А-а-а... так вот оно в чем дело... а имею ли я право, когда исполню Вашу просьбу, попросить... отпустить меня. Если это возможно, конечно.

— Имеете право и это возможно. Есть небольшая сложность для меня, но я твердо обещаю подумать. В самое ближайшее время. Вы меня понимаете?

— Очень надеюсь. А почему не хотите просто приказать? Вы же знаете, что я физически не могу не исполнить. — Слова произносились тихо, да еще ладонь рот прикрывала, но Лена все разобрала.

— Если честно, то сама не знаю. Интуиция вопит, что так надо, а ей я привыкла верить. Яснее объяснить не могу.

— Мне этого достаточно. После работы я еду в магазин и... созвонимся. С мужем вопрос решу.

— Х-м. Я со своим, надеюсь, тоже. — Отключая связь, Лена в серьез подумывала о снотворном для Сереги и при этом включила максимум возбуждение у обоих бодигардов. Забавно будет, если они из-за непрестанно кача со стероидами давно импотентами стали, а тут такое. А может, это наветы завистников. Лена что-то такое слышала исключительно на уровне баек.

Борю не тронула. Он — главное блюдо.

Будем ждать. А пока — снотворное.

Его удалось достать просто — у Виталины. Съездила, забрала, прослушала дозы.

— Смотри, не переборщи, — предупредила директриса. — В десять раз от терапевтической дозы и трындец. Я серьезно.

Лена, немного мандражируя, всыпала в чай Сергею две таблетки. Детям по половинке. Ненавязчиво заставила выпить полностью. Через полчаса они уснули, зевая, забираясь в кровати. Только тогда Лена включила обоим мордоротам опцию о собственном местоположении.

Первым прибыл правый бодигард. Назвался Славой и принялся умолять Лену разрешить ему поссать.

— Тебе что важнее: поссать или кончить?

— Поссать, — пропыхтел Слава.

— Дуй в туалет, посышь. — С этими словами убрала возбуждение в самый низ и через пол минуты послышалось журчание, которое, казалось, расколет унитаз надвое. Когда звук кончился, Лена снова взвинтила возбуждение на максимум.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Слава, выйдя из туалета под шум смыва унитаза. — Ой! У меня опять... это ты снова? — причем, агрессии в словах не чувствовалось.

— Иди, в кресло сядь, напарника подожди.

— А он придет?!

И словно в ответ на его вопрос послышался визг тормозов и вскоре в открытую дверь вбежал второй бодигард.

— Ты! Сука! — и попытался наброситься на Лену, но, что и следовало ожидать, промазал и завалился на пол. Схватился за низ живота. — Тварь... — провопил он.

Лена испугалась, что от шума сейчас кто-нибудь проснется, но ее спас Слава.

— Угомонись, Егорка, лучше попросись у...

— Лена.

— У Лены. Я вот сходил по малой и в ус не дую.

— Сука! Тварь!

— Лена, — холодно повторила свое имя. — Еще раз обзовешься — лопнешь. Обещаю.

— У-у, — подвыл он, но попросился все-таки. — Леночка, можно мне поссать...

— Тебе только пописать или еще и кончить?

— А? — на его лице нарисовалась тупость. — Можно и то, и то?

— Иди в туалет, вздрочни и будет тебе и то, и то.

— Но я всю кожу истер!

— Сейчас получится. Ну? Считаю до двух и отменяю...

— А так можно было, что ли? — искренне, без нотки зависти удивился Слава.

— Твой поезд ушел. Но кончишь еще, не переживай, — говорила, а из туалета донеслось мычащее кряхтение, а вслед за ним тяжелая струю ударила в унитаз.

Егор вышел из туалета, шатаясь. На лице застыла придурковатая счастливая улыбка. Лена, не жалея, и ему прибавила возбуждение на максимум. Им предстояла работа. Но перед этим для верности заставила их выпить по два стакана воды, напугав тем, что иначе никогда в жизни кончить не смогут, а хотеться с каждой минутой будет все сильнее и сильнее. Или яйца лопнут, или от спермотоксикоза подохнут. Переглянувшись, выпили.

— Мне нужен ваш хозяин Боря. Нужен здесь, в этом доме связанным.

— Так это как? Мы же работаем на него! Нам выпускное довольствие не выпишут... — возразил глуповатый Егор. — В нашей среде подстав не жалуют... мигом два на два жилплощадь пропишут.

— А вы останетесь у него на той же должности, обещаю, — усмехаясь, сообщила Лена. — Жив-здоров он останется, не переживайте, только тронуть вас не посмеет, это точно. Я ему такое предложение сделаю, от которого не откажешься. Вы в моих возможностях убедились? Так это лишь маленькая толика моего колдовства... Он-то не посмеет вас тронуть, а я — посмею... ну? — с этими словами открыто достала телефон и обоим по очереди уменьшила и увеличила возбуждение, медленно доведя его до «оргазм совсем рядом», но невозможен...

Оба почти синхронно схватились за пах и прохрипели.

— Согласен.

— Согласен.

Лена немного ослабила давление, оставив почти на максимуме.

— Шевелиться не мешает? — поинтересовалась с иронией.

Оба синхронно помотали головами.

— В час ночи жду вас обоих со связанным Борей и заткнутым кляпом ртом. Время пошло.

В без десяти час бугаи заволокли тело Бори в пижаме со связанными за спиной ярко-красной лентой руками. Его глаза диво вращались, лицо пунцовело, изо рта торчал кляп из какой-то грязной тряпки.

— Тащите его за мной, — сказала Лена и пошла к «красной» комнате. Она была уже отомкнута.

Когда Борю бросили на пол, Лена обратилась к неприметной женщине в латексе, лицо которой было закрыто маской.

— Он в вашем распоряжении, Госпожа, — и неожиданно для себя исполнила книксен,

которому когда-то обучилась в одной из танцевальных студий, которых посещала шгук пять. — Эти ребята в рубашках и галстуках Вам помогут, Госпожа.

Ребята, обалдев от увиденного и услышанного, разглядев в затемненном углу гордый профиль фигуристой Госпожи, большую красивую грудь которой невозможно было полностью стянуть плотной тканью, неожиданно ей поклонились. Не в пояс, конечно, а так, как из вежливости делают японцы. Лена поняла, что она здесь лишняя.

Вышла и прикрыла дверь. Звукоизоляция оказалась изумительной. Взяла айфон, включила трансляцию Зума, введя логин-пароль и стала ждать начала передачи.

Включился темный экран, замелькали кадры, с шумом винта закрепилась камера, со скрипом задвигались ножки треноги. Наконец, в кадре показалась почти вся комната, на видео выглядывшая страшнее, чем в реальности.

— Раздевайте вещь. — сказала Госпожа металлическим голосом, а сила и непреклонность приказа передалась даже через онлайн.

Два накачанных самца в первую очередь стянули с жертвы пижамные брюки с трусами, развязали руки и, ловко перехватывая запястья друг у друга, сорвали мягкую куртку. Хотели было снова связать руки, но Госпожа распорядилась иначе.

— Держите ему руки. — Плавной походкой — лодочкой подошла к Боре и лично на каждом запястье закрепила широкие кожаные браслеты, защелкнув их навесными замочками. В черную кожу по периметру были вшиты четыре стальные кольца. Такие же устройства прикрепила к голеностопам. Причем, четко ощущалось, что эта неторопливая работа приносит ей удовольствие. Далее последовал ошейник. Не тот, старый, тоже с кольцом, но и с какой-то нашлепкой похожей на встроенную в слой кожи толстой пластиной.

Госпожа подняла верхнюю доску станка для воспитания непокорных и знаком велела поместить голову и руки в прорези. Опущенный верх с полуокружностями, которые зафиксировали Борины конечности, захлопнулась на защелки. Неприглядное волосатое тело с выпученным животом и тонкими по сравнению с ним ручками и ножками впервые через кляп заверещало и задергалось. Нижние конечности подогнулись, и он практически повис на жестко закрепленной шее и зажатых в запястьях руках.

Ноги забились как в припадке.

— Поставь ноги ровно, червь, — скомандовала Госпожа и нажала на кнопку пульта, неведомо как оказавшегося у нее в руке.

Тело Бори свело судорогой и после этого он замычал еще громче, но ноги выпрямил.

— Может, мы пойдем, Госпожа? — несмело спросил Слава. Им, сильным качкам, стало не по себе.

— Еще минуту и можете быть свободны. — холодно ответила Госпожа. — Поможете закрепить штангу и все. — Говоря эти слова, ударами стека заставляла раздвигаться ноги Бори. Наконец, широко разведенными, пристегнула их карабинами к железным вертикальным стойкам — основе всей конструкции.

Взяла раздвижной стальной штырь с мягкой рогатой переключиной наверху, вставила низ в специальное гнездо в полу и, раздвигая телескопическую штангу, уперла переключину в низ живота.

— Ребята, — попросила Госпожа, — раздвиньте штангу до какой степени, чтобы ноги этой гниды, — шлепнула Борю по ягодице, — вытянулись. Чтобы он шелохнуться не смог. Там, смотрите, крепежный винт в центре раздвижки.

Бодигарды быстро исполнили распоряжение и поспешили удалиться.

Надежда Александровна, зловеще цокая шпильками высоченных каблуков, перед этим шутя щелкнув по крупным как у телка яйцам со сморщенным донельзя членом, обошла станок и приблизилась к голове, вынужденно задранной вверх, и выдернула кляп.

— Да ты знаешь, кто я такой?! — хрипло заверещал наказуемый.

— Скажи «а», — нежно попросила она.

— А?! — и в этот момент заполучил в рот грибовидный резиновый кляп с каналом для дыхания. На затылке затянулся ремешок. Дышать Боре стало легче, а вот кричать не получалось — только мычать.

Слава с Егором, периодически хватаясь за пах, почесывая его с явной надеждой, смотрели вместе с Леной экзекуцию их патрона. Лена охотно показывала им видео со звуком.

— Вы хотели бы, чтобы подобное видео с вашим участием появилось в сети?

Те, как два молодца из ларца, испугано-глупо переглянулись.

— Борис Евгеньевич, уверен, тоже не пожелает. Так что либо рассчитает вас с золотым парашютом, либо оставит при себе, чтобы не трепались. Я склоняюсь ко второму, а вы?

Бодигарды долго молчали и обратились к Лене неожиданно.

— Госпожа, а можно нам уже кончить? Сил нет терпеть. Я бы бетонную стену выдолбил, если бы помогло.

Лена поморщилась.

— Хорошо. Идите вдвоем в туалет и кончайте, разрешаю. А после в зал проходите и ждите. Можете телик негромко включить... чувствую, наша Госпожа распалилась надолго... — после этих слов перешла в айфоне на приложение «объекты» и по очереди нажала каждому бугаю на кнопку «оргазм», выбрав в вывалившемся меню «при стимуляции». Поморщилась, в очередной раз подумав, что интуитивное управление гораздо удобнее. Но для этого обоим пришлось бы касаться правой рукой за открытый участок кожи... трогать тупых бугаев, которые, кроме Бори, имели явное отношение и похищению ее, любимой, не имелось ни малейшего желания.

Госпожа разошлась не на шутку. Спина ягодицы и опухшие яйца сплошь покрылись иссиня-бардовыми вздутиями, клиент истекал соплями, мычал уже тупо, без первичного задора. Анальное изнасилование с увеличением размера straponа воспринял как манну небесную, но Госпожа, заметив это, заводила его простыми шлепками ладошкой в латексе — этого хватало для «взрыва сигнализации», как любовно прозвала она эффект короткого умоляющего воя.

Несколько раз сама, прекратив фрикции, включала вибрацию на полную и шаркалась лобком о подложку straponа, стимулируя возбужденный до нельзя клитор. Кончив, на минуту падала на спину клиента. отдыхала, расслабляясь, блаженствуя, но постепенно возбуждалась вновь, и экзекуция продолжалась. Надежда Александровна сама не ожидала от себя подобной ненасытности.

К косому кресту Боря, шатаясь, подошел сам, безропотно дал себя зафиксировать. Он, похоже, ничего путного не соображал. Потеряв остатки гордости, по команде лизал и сосал гениталии Госпожи, доводя ее до очередного наслаждения. Потом она упорно, не жалея масла, поднимала отросток «гниды». С трудом, но напряжения добилась. До размера Андрея было далеко, но вполне достойный оказался членик. Презерватив охватил его надежно, и Госпожа оседлала горячий мужской орган. После первых же фикций поняла, что

предстоящий оргазм будет завершающим. Очень медленно и плавно он наступал, приходилось внимательно прислушиваться и буквально ловить нарастающие ощущения, а когда дело приблизилось к пику — забыла обо всем на свете и завопила, и застонала в полный голос, который из-за искажающего модулятора воспринимался жуткой какофонией резки металла в каком-нибудь цеху или автомастерской. Улетела как высоко и надолго, стало как неописуемо приятно, как никогда раньше, даже при наведении оргазма искусственно, Леной. Разумеется, в моменты сладких судорог мысли не доходили до сравнения степеней «вкусности» секса, но потом, во время блаженного расслабления на волосатой груди клиента как-то само собой сравнилось. И лениво почувствовала, что гнида, оказывается, еще не кончила. Орган продолжал заполнять его лоно, дергаясь в такт пульсу. Это оказалось приятным, но... возбуждение все равно сползло, как кожа с змеи... или латекс с пропотевшего насквозь тела. А еще вдруг сильно захотелось пить.

В этот момент зашла Лена. Привычно сделав книксен, обратилась.

— Госпожа закончила?

— Да, — металлически проговорила Надежда Александровна и слезла с громко дышащего, что-то мычащего тела. Член из вагины вышел с мыльно-булькающим звуком.

Застегивать молнию, идущую через пах от пупка до копчика, не стала. В закрытой маске а-ля Летучая мышь, в черном костюме, обтягивающем грудастую фигуру с плотной попой, талией и крепкими ногами в туфлях — шпильках, да с разрезом, в котором бесстыдно белела возбужденная женская плоть, Госпожа смотрелась очень брутально и невероятно сексуально. Даже Лена, женщина до мозга костей, невольно сглотнула. Соски предательски набухли. Даже пожалела, что была в футболке без лифчика — можно было заметить. Тем более они, как назло, в налитом кровью состоянии становились длинными, как маленькие членики, и такие же чувствительные.

Когда Лена принялась шевелиться, то почувствовала, как приятно трется мягкая ткань много раз стираной мужской футболки, заставляя соски становиться еще тверже. Заметила любопытный взгляд Надежды Александровны и стало еще неудобнее — взгляд был откровенно раздевающим. Но вида не подала. Надежда тоже.

— Пить мне принеси, — скомандовала Госпожа Лене.

— Потерпите две минуточки, Госпожа, — потупив взор, возразила Лена, — надо с этим, — небрежно кивнула на лежащего Борю, который бросал дикие взгляды то на одну, то на другую и о чем-то мычал. — до конца разобраться... ну, Вы понимаете.

— А как же, помню. — Произнесла с глубоким значением, несмотря на искажения модулятора.

Лена тем временем провела по животу Бори левой рукой и смело отстегнула его правую руку. Он сразу попытался отстегнуть кляп — наткнулся на замочек, замычал злобно и потянулся к браслету на другой руке, но внезапно завыл еще громче и, плюнув на полное освобождение, принялся усиленно драть, никого не стесняясь. Презерватив давно слетел и потерялся, когда он, наконец, догадался в чем дело. Вернее, заложенная в прикосновение команда дошла до мозгов. Преданно-умоляюще уставился на Лену и принялся горячо мычать что-то, руку от члена не отпуская.

Из-под айфона Лены, словно из кассового аппарата, выполз листок бумаги, похожий на чек.

— Внимательно прочитай и приложи пальчик к квадратику. Если согласен, конечно. — Боря с неохотой оторвал руку от члена, вздыбленного до размера, ранее для него

невиданного.

Лена покосилась на свою рабыню. Та отнеслась к появлению бумажки из обычного смартфона абсолютно индифферентно, словно так и должно было случиться.

Почитав бумагу, отрицательно замотал головой и замычал что-то возмущенной. В ответ Лена, усмехаясь, сама правой рукой охватила его член и принялась медленно двигать вдоль ствола. Оргазм завис на точке, когда он вроде как неизбежен, когда он необходим как воздух, как дыхание, но не наступит, если... когда становится плевать на все. Родители, невовремя вошедшие в комнату подростка остановить окончание дочки не могут; пистолет, направленный в лоб, холодным дулом обещающий смерть, решение кончить не изменит, а что говорить и бумажке и каком-то там рабстве? Боря, почти не думая, нажал большим пальцем на подсвеченный красным квадратик и бумажка рассыпалась в прах, который за один вдох полностью растворился в воздухе, словно «чека» из айфона не существовало в природе.

«О!», — удивилась Надежда Александровна. «Раз», — вслух произнесла Лена, дела движение кулаком по члену Бори. «Два», — сказала, когда первая мощная струя вырвалась из уретры и пару капель долетели до лица потенциального раба. Дальнейших толчков уже не считала, но хрен не отпускала, пока не излилось все. Держала только лишь для того, чтобы прыгающий ствол не обрызгал то, чего не хотелось бы. Громко прорывав все время «выстрелов», Боря резко уснул. Будто его отключили как надоевшую куклу. Лицо куклы с кляпом во рту выражало блаженное, идиотское счастье.

Надежда Александровна, помучившись с молнией, с облегчением сняла маску. Усталое, но сияющее лицо было покрыто крупными пятнами пота. Но даже несмотря на полностью смытую косметику, на смятую прическу, она была красивой. Красива зрелой, уверенной в себе красотой настоящей женщины.

Обтерлась полотенцем, выключила, наконец, камеру и взяла давно пиликающий телефон, который никак не мог угомониться от получения смски.

— Ого! — сказала, обернувшись к Лене. — Не обманула... а это серьезно, — проговорила и, с интересом глядя на Лену, зачитала вслух. — «Вы имеете право на компенсацию в виде одного заведомо исполняемого желание, которое бывший хозяин обязан будет исполнить. Важно! Не принимаются повеления, которые могут привести к тяжкому вреду здоровья или смерти», «Да», «Нет».

— А что значит «нет»?

— Значит, ты соглашаешься без откупного. Остаться в рабстве больше не получится.

— Ясно, — сказала и нажала... — «Да».

Лена заметно напряглась.

— Знаешь, Леночка, я предполагала чего-то подобное. Сначала подумала, что ты из-за этого условия подобрела, знала, что отольются кошке мышканы слезки — такая сила, какая тебе досталась, без условий даваться никак не может: закон бытия, так сказать. Потом поняла, что нет, что ты по характеру дура. То есть добрая, но сама этого не замечаешь. Мою мечту зачем-то исполнила, причем сама чуть не умерла от этого. Теперь смотрю на себя и радуюсь. — Говорила, глядя по заднице и бедрам. — Не болит ничего и уверена, что здоровье ты мне тоже исправила... так ведь? Даже зубы пломбы вытолкнули. А в поликлинику идти боюсь. Что я врать буду?

— Здоровая ты. Как лошадь.

— Хах! Говорю же — дура ты. Я еще желание не загадала, а ты уже колешься. А если я

деньги свои назад захочу, что вполне исполнимо.

Лена, тяжело вздыхая, пожалала плечами. Вроде как «ничего не поделаешь».

— И не жалко?

— Жалко. Очень жалко, но не томи, излагай давай. Вижу же, что давно придумала, а сейчас так, изгаляешься...

— Верно говоришь, Лена, изгаляюсь. Но я столько мечтала! — и неожиданно для Лены, ловко обернувшись на одной ноге, спиной упала на спящего Борю.

Он дернулся, проснулся, минуту пребывал в шоке, а потом замычал и стал пытаться освободиться.

— Побудь моей нижней, сексуальной рабыней в этой комнате и все. — Произнесла свое желание Надежда и обе поняли, что оно принято. Шестым чувством поняли.

— Удивила, — медленно проговорила Лена, и неприятный холодок разлился по телу. Страшно стало. — Когда.

— Скоро. Я предупрежу, чтобы ты снова семью усыпила. А зачем этот цирк с маской, зачем камера? Приказала бы, он бы забыл. Зачем вообще все это? — говорила, крутя пальцем вокруг. — Заставила бы его раньше подписаться под собственной продажей в рабство и изгаляйся над ним, как душа пожелает.

— А шантаж? Не хочу, чтобы тебя, если придется опубликовать, узнали. Надо как-то намекать людям, почему он ко мне подобрел. Почему недвижимость подарил, — услащав последнее, Боря возмущенно замычал, но женщины на его звуки внимание обратили не больше, чем на писк комара.

— Но главное не в этом. Главное в том, что он посмел угрожать моим детям и на меня руку поднял, — последнее сказала, показывая на синяк под глазом. — Я хотела, чтобы он без всякого воздействия помучился... сволочь, — не сдержавшись, Лена с табурета-пуфика дотянулась до Бори ногой и пнула.

Ноздри трепыхнулись от злости, но Лена мгновенно успокоилась. С воздействием на собственное тело, особенно в деле «прочистки сознания», Лена преуспела. Только естественная сексуальность почему-то по-прежнему слушалась плохо. Наведенная колдовской силой легко управлялась в обе стороны, а вот когда сама, от причин натуральных...

— Кстати, подай камеру, я последние минуты сотру. Они лишние. — Видя, что Надежда и не думает подниматься с мягкого Бориса, встала с табурета сама и взяла любительскую видеокамеру — гармошку, через юсб-кабель подключенную к ноутбуку, который только лишь передавал конференцию через Зум, но не записывал, — как и ее смартфон, кстати, — залезла в редактор и отчекрыжила весь конец, начиная со своего появления в «красной» комнате.

Готово. Теперь Лена точно знала, что у нее всего два слота «под рабство». Есть ли тенденция к увеличению числа слотов — неизвестно. Интуиция подсказывает, что есть, но что для этого надо предпринимать — молчит в тряпочку.

Глава 19. За все приходится платить

Как назло, дверь в «красную» комнату обнаружилась на следующий день. Серега продолжал по-хозяйски изучать дом. Вышел из бойлерной и повернул не привычно налево в сторону лестницы, а в закуток направо. Подергал запертую дверь и пошел узнавать у вездесущих мальчишек. Те сказали, что там разный хлам, оставленный рабочими, но когда открывать будешь, велели их позвать непременно — много добра можно разобрать.

— Лена, а ключи от комнаты возле котельной у тебя? Как нет? Ты же все ключи забирала! Ненормальная, что ли? Забыла она... ну-да-ну, как корова мычачая, помнить надо! Ладно, сам вскрою... а где к нас шуруповерт?

Лене огромных трудов стоило уговорить мужа дожждаться ее и, отменив совместный с Борюсиком поход к нотариусу, переписав на завтра двух возмутившихся клиенток, лететь домой, на ходу выдумывая варианты.

Отговорить мужа, а тем более пацанов, ради нового развлечения пожертвовавших играми, оказалось очень сложно. Пришлось имитировать разговор с Надеждой Александровной, якобы узнавать у нее название фирмы и телефон; звонить туда и показывать всем короткие гудки.

— Не ломайте только, мужики, прошу вас, не портите дверь! Смотрите какая солидная, из настоящего дерева. — С видом знатока постучала. — Дуб, похоже, жалко. Я обязательно дозвонюсь, зуб даю, и ключи стребую.

Поскандалив недолго, попинав прочную дверь, мужики разошлись. Лена облегченно вздохнула и сползла на пол, не сводя глаз со злополучной «красной» комнаты.

— Как все невовремя... всегда так. Закон, мать его, Подлости... — совершенно ни о чем не думая, наставила смартфон на дверь и запустила приложение «Объекты». Включилась камера. На полном автомате щелкнула. Появилась надпись: «Хотите скрыть объект отводом глаз для всех, кроме Вас?». Конечно же «Да»!!!

Для Лены не изменилось ничего. Но прошел день, второй, а ее мужики о загадочной двери даже не заикнулись. «Колдовской, значит — колдовской во всем», — с любовью думала про артефакт.

Собственником здания спа-салона стала Лена, директором осталась Виталина. Изменения держали в строжайшем секрете. Даже Людочка, которую небезосновательно подозревали в работе на Борю, ничего не знала. Приготовили несколько наиболее безобидных фоток, где Боря в кляпе стоит зафиксированной на косом кресте, а рядом совершенно неузнаваемая Надежда Александровна со стеклом. Через какое-то время, возможно, их придется подкинуть главному бухгалтеру, если та заинтересуется изменением платежных реквизитов, чтобы та поняла для себя, что случилось, и в коллектив информацию не сбрасывала — себе дороже. Борис Евгеньевич человек далеко не последний и распространение о его нестандартной ориентации обязательно выйдет боком. Ей, а не ему. А Виталина на полном серьезе как-то намекнула Лиде, о том, что Лена — ее дочь, нагулянная от весьма состоятельного человека. В Австрии во время длительного многомесячного лечения рожала. После были приемные родители и только год назад случилась очная встреча. Супер-пупер тайная. Задранные до небес ценники умелой массажистки наконец-то нашли объяснение среди любящего позубоскалить коллектива.

С Виталиной решили полюбовно. Она станет платить аренду в сумме, достаточной для

оплаты налога городу за землю с парковкой в центре. Серьезней, чем прошлый «ноль», но как подсчитали вместе с тайно прибывшем Борей, подъемно. Они тогда разругались по-семейному и это Лену развлекло. Она не встала ни на чью сторону, хотя оба призывали. Узнала о таких скелетах в шкафах, о чем и представить не могла. В конце пришлось объявить «брейк» и развести соперников по углам.

Немного реструктурировать персонал, — полно лишних лентяев болтаются, зло резюмировала Лена, особенно в бухгалтерии статистике и методике, — чуть поднять цены и прибыль может даже и не уменьшится. А клиенты на сарафанное радио попрутся, поэтому смело вычеркнули из строки расходов теле-радио рекламу — весьма затратную.

Клиенты пошли. В основном записывались к массажистке Лене, но она уверенным тоном переправляла их к остальным структурам, специально распаяя и задерживая оргазм пока не посетят рекомендованные занятия. Многие, кстати, умудрялись кончать на фитнесе, на йоге, в сауне, у других массажисток — Лена специально оставляла, как она выражалась для себя, «концовку открытой». А там, в зависимости от фантазии клиента, случалось по-разному.

За первую неделю такой работы клиентская база расширилась почти вдвое. График Лены перестал быть нормированным. Во вторую поток новичков ослаб, но прибавка все равно была существенной, а на третью...

Страхом увольнения и серьезной прибавкой к зарплате Лиду мотивировали особо не трепаться о стабильно-постоянный встречах Лены и Виталины. Судя по всему — послушалась, оставив за собой право распускать сплетни о свиданиях родственников нерегулярно. Будто бы дочь с банальным вопросом иногда заходит к матери. Или просто так, без рабочей нагрузки. Персонал мыл косточки обеим, открыто пакостить не решался и опасности для себя не чуял.

Андрей играл «любовников в ссоре», поэтому ничего стоящего в сплетни не добавлял. Но как поблажку, Лена настраивала своих клиенток на оргазм по время занятия фитнесом чаще всего у него. Тренажеры на сведение бедер, на сжатие ягодич, велосипед, беговая дорожка — и отбоя от клиенток у бывшего маньяка не стало. Он и раньше обделен не был, но теперь женщины на него чуть ли не буквально вешались, забывая, что перед этим когда-то посещали массажистку Лену. Она только радовалась — работы и так было завались, поэтому делать «концовку открытой» научилась на несколько сеансов вперед. Теперь уже не требовался непременно поход к ней, можно сразу обращаться к другим специалистам, к которым интуитивно тянет, и восторг от занятия обеспечен.

Невольно стала задумываться, а надо ли ей, по сути, хозяйке всего окружающего, так убиваться? Найти способ передачи умения и... но депрессивные мысли уходили и с новой силой впрягалась в работу. Такая деятельность, особенно с тайным перераспределением удовольствия, с ощущением своего секретного могущества и власти, очень нравилась.

О бывшей рабыне и думать забыла...

Лена не успела на встречу с Виталиной, которое проходило каждую пятницу вечером, после отчета всех служб и подведения общего баланса. На полпути ее перехватил звонок, который она с удивлением не смогла проигнорировать. Палец сам провел черту по экрану.

— Алло? — ответила, пребывая в предстоящих отчетах...

— Здравствуй, Леночка, — услышала нежный голос Надежды Александровны.

Конечности похолодели, сердце забилося там, где ему быть не положено.

— Срок — завтра ночью. Успей, пожалуйста. Созвонимся для уточнения времени. — С

этими мягкими словами бросила трубку.

В Вите не пошла, сославшись на здоровье, а поехала домой. Думать особо нечего, надо готовить мужикам «коктейль», после которого в прошлый раз они все как один на головную боль жаловались. Ничего, придется повторить. Для себя решила часам к двум ночи их вырубить — выходной, все, включая мужа, сидят в игрушках. В час напоит и свяжется с долбаной Надей. Но она опередила, позвонив около двенадцати.

— Через час, — сказала коротко и отключилась.

Пришлось насильно загонять всех «на компот» с ужином и проследить, чтобы выпито было все. Через полчаса прошлась по комнатам — все храпят. Спустилась в зал-гостевую совмещенную с прихожей и принялась ждать. Подъехала и уехала машина. Через две минуты в запорошенном снегом длинном пуховике появилась Надежда Александровна с пакетом в руке.

Лена сама провела ее в «красную» комнату. Мало ли, не заметит двери, потом начнутся вопросы.

— А как это твои мальчишки до двери еще не добрались? — Все-таки поинтересовалась Надя.

— Добрались, — грустно заметила Лена, — В тайне от всех ключи подбирают. Пока не выходит.

— А если откроют?

— Понятия не имею! Скажу, не ведаю. Пусть Серега с фирмой и таджиками разбирается...

— Здесь молдаване и хохлы строили.

— А какая разница?

— Да и мне по барабану, но не желаешь ли ты мне все это богатство пожертвовать?

— Пожер...

— Отдать безвозмездно, не тупи. Все равно на мои деньги куплено... а я тебе скидку сегодня устрою, — добавила многозначительно.

— Ну-у, в целом, оно все равно без тебя пустует... да и зачем мне? забирай!

Лена чувствовала себя не в своей тарелки. Внутри ощущалась странная, тягостная пустота, словно что-то важное, что наполняло ее долгое время, чего не замечала раньше, вдруг разом исчезло. Даже не само исчезло, а словно кто-то отнял. Невидимой ледяной рукой сгреб и выдрал, не особо заботясь о последствиях — ему было все равно. Безразлично. Абсолютно. Это пугало больше натурального страха, которое испытывала, глядя на грозные сооружения и мелкие предметы, специально предназначенные для истязания человеческого тела.

— Вот и порешали. — И сразу, почти без паузы. — На колени, шлюха!

Ноги подогнулись сами и Лена упала на колени, больно стукнувшись костяшками суставов о деревянный пол. Даже домашнее платьишко длиной до середины голеней не защитило — потоком воздуха легкая ткань вздулось колокольчиком и медленно опустилось веером, невинно прикрыв колени.

Надежда села на пуфик и приказала.

— Ползи ко мне, тварь, и вылижи мне ноги. — В ее железном голосе было столько власти, что кавалерийский полк на полном скаку застыл бы. Как перед внезапно выросшей стеной.

Лена поползла. Ругая себя за безволие, но ничего поделать не могла. Локти больно

впивались в пол, слаба богу проструганный и гладко окрашенный в коричневый колор, колени путались в платье, натягивая его. Живот тоже тащил материал, волоча его по доскам. Грудь без лифчика почти выскочила из овального разреза. Ткань выдержала.

Надежда успела сама скинуть носки и подставить ноги в капроновых колготках. Поверх них были надеты стильные брюки цвета морской волны, а сверху аккуратный вязанный свитер на вид домашнего производства, но незаметная наклейка «Гуччи» говорила о бренде.

Лена буквально впиалась в один, а после второй большие пальцы ног, старательно их облизывая. Ощущала вкус потных ног и сглатывала. Рвота не появлялась. Даже противно было лишь на сознательном уровне, а где-то в глубине со стыдом отмечала некую приятность.

— Хорошо... — протянула Надежда. — Что скажешь, сучка?

— Да, вкусно, — вырвалось изо рта помимо желания, — Надеж...

— Молчать, пыль! Ты грязи из-под моих ногтей не стоишь. Называй меня только Госпожа! Всегда, начиная фразу, говори Госпожа. Поняла, млядь?

— Поняла, Госпожа, — по-другому сказать попросту не получалось.

— Рви зубами колготки и лижи между пальцев. Все до чиста вылежи, тварь. Там двадцатка всего, порвется легко, — добавила успокаивающе.

Зубами и руками Лена добралась до голых ног Госпожи и старательно их отполировала, особенно между пальцев, когда Госпожа изволила простонать от удовольствия.

— Хватит. Раздевайся сама и принеси мне мой костюм. Он там, на вешалке около полочек с инструментами. Маску можешь оставить. Бегом!

Лена на ходу успела сдернуть платье, при возвращении умудрилась стащить трусы. Упала на колени перед Госпожой и протянула ей кое-как сложенный латексный костюм, ощутимо пахнущий потом.

— Фу-у, сучка, почему не почистила?

Лена не нашлась, что ответить.

— Что замерла, как статуя? Помогай госпоже облачаться. — Лена помогла.

Аккуратно, как шедевр Лувра, стянула с Госпожи свитер. Расстегнула ей бюстгалтер — далее Госпожа изволила снять его сама. Стянула расстегнутые самой Госпожой брюки, заботливо сложила их, не хуже гейши, разместив рядом со свитером на полу, сдернула колготки, порванные на ступнях, и с особым вожделением стянула трусы, пахнувшие изумительно вкусно. Сознание било в набат: «Что ты делаешь, дура!», — но тело думало по-другому. Без команды Госпожи впиться в аромат трусиков не посмела, а любовно сложила их и поместила поверх лифчика. Колготки однозначно шли на выброс.

Латекс Надежда натянула сама и скомандовала.

— Найди на полочках ножные и ручные кожаные браслеты, надень их, а ключик принеси мне.

Что за ключик Лена поняла, закрепляя на руках и ногах широкие браслеты. Они фиксировались маленькими замочками, похожими на почтовые. Защелкивались сами, а вот ключ от них нашелся один, общий. Его с поклоном подала Госпоже.

— И что ты мне суешь, тварь! — Лена заработала звонкую оплеуху. Больно, и щека загорела. — Видишь, цепочку? На шею себе одень, тупая корова.

Ключик, болтаясь, повис на тонкой шее Лены. Госпожа потянула ее за руку и заставила подойти к станку с досками, только с противоположной стороны.

— Ты и загореть успела, сучка. Есть время солярий посещать? Отвечать!

— Да, Госпожа, иногда пара-тройка минут выдается. Успеваю.

— Меня чтобы записала, слышишь?

— Да, Госпожа, запишу. — Сознательно добавила бы «на весь фарш», но какой вопрос

— такой ответ. В первый раз она порадовалась за свою искусственную раблепность.

— Ноги к стойкам раздвинь. — Сама пристегнула карабины. Подумала и обула рабыню в свои туфли на каблуке сантиметров пятнадцать. Лена зашаталась. Не обращая на это внимания, помучавшись с пультом, подвела блок с крючком как раз к середине рабыне. Он оказался чуть позади, но Надежу это не смутило. Опустила кран, накинула на него кольца с ручных браслетов и включила поднятие. Скорость специально сделала маленькой.

Лена ломалась постепенно. Сначала нагнулась с согнутыми за спиной локтями, потом руки стали выпрямляться, одновременно выворачивая суставы в плечах. Тело вынужденно нагнулось еще ниже, но влекомое бездушным сильным блоком, стало невольно выпрямляться.

— Ай! — взвизгнула Лена. — Бо-ольно-а! — прокричала в голос. За что заработала еще одну пощечину.

— Кричать и говорить разрешаю только в полголоса. Поняла?

— Да, Госпожа, — почти прошептала рабыня. — Очень больно, прошу Вас, остановите... а-ай.

— Сейчас, скоро, потерпи, — успокоила ее Госпожа, благосклонно похлопав по попе.

И действительно, расположив сникну на угол сорок пять градусов, услышав хруст в суставах, Госпожа остановила подъем. Лена тихо выла. Слезы прорвались и теперь сочились ручьем.

Надежда взяла с полки странный крюк, похожий на подкову, только покрытый хромом и гладкий, с набалдашником с одной стороны и кольцом с противоположной. Детским маслом «Бэби» смазала шишку и ожидаемо вдавила ее в анус рабыни. Через усилие, железка будто провалилась. Лена, перед этим обещая себе ни издавать ни звука, в полголоса охнула. Если честно, особо больно не было. Ощущался лишь холод в прямой кишке и вздутие, как от газов. Но когда Госпожа к кольцу привязала веревку и потянула ее вверх, то давление перестало восприниматься как локализованное исключительно в заднице, а больно прижало к задней поверхности где-то внутри живота, заставляя попу тянуться за крючком, который и не думал выскакивать из плотно сомкнутого ануса.

Веревку в натяг привязала к одному из браслетов и еще пару раз дернула блок к потолку. Лена тихо повыла и затухала. Связки постепенно растянулись и ноги плотно опустились в неудобные туфли, высота каблуков которых поражала. Но хоть какая-то опора. Шевелить она могла только крутя задницей. Другие движения причиняли боль.

Надежда, меж тем, за спиной что-то мастерила. Слышалось трение металла о металл и звук разматываемой изоленды. Закончила. Обошла станок и в большой прорезь для головы вставила железную трубу с примотанным к ней изолентой вибратором — массажером с надетым на набалдашник размером с некрупное яблоко ярко-желтым презервативом.

— Встань посередине, — скомандовала Госпожа, Лена, как смогла, выполнила приказание.

Надежда примерила так, чтобы головка вибратора оказалась прижатой к клитору жертвы, левой рукой придерживала трубу, а правой включила шуруповерт, зафиксировав крепление с той стороны досок на один болт. Пока подбирала остальные три, штанга

сместилась, но она быстро ее поправила и намертво прикрутила крепление с винтом-фиксатором. Поиграв им, добилась четкого расположения кулачка вибратора под клитором жертвы, требуя от рабыни отчета: там или мимо.

Включила массажер там же, находясь за деревянной стеной.

— Символично, согласись, шлюха — массажер имеет массажистку.

— Да, Госпожа, как рифма. Только трет сильно, Госпожа, до пузырей дойти может.

— Не переживай, дурная девочка, — усмехнулась Надежда Александровна, — тетя умная. — С этими словами выключила агрегат.

Не жалея, ливанула на перчатку детского масла марки «Джонсон», которое любила использовать сама Лена, задевая и сдвигая рабыню, тщательно смазала головку в презервативе — до Лены донесся еле уловимый аромат банана. Включила снова. Теперь Лена, как ни пыталась держать рот на замке, все-таки исторгла звук удовольствия «Оз...».

— Говори мне, млядь, обо всем, что чувствуешь, — велела Госпожа.

И она засыпала Госпожу описаниями ощущений...

— Стой! Говори только «приятно», «неприятно», нарастает, уменьшается, подходит, вот-вот, скоро кончу, не могу уже и кончаю, — последнее слово прозвучало с издевкой.

Вибрация колыхала все ткани, начиная от внутренней поверхности бедер и уходя вверх, в глубину, а там растекалась по всему, на приличия не взирая. Большие и малые половые губы и даже анус с подхватывающим колебания железом — очень приятное ощущение непрерывно нарастающей, пусть и механической ласки.

Но главный бриллиант в коллекции гениталий, конечно же, клитор. Из микроскопического, спрятанного в глубине тела, он превратился в большой орган размером с оливу, который оттопырился и вывалился в объятия распухшего капюшончика из тонкой кожи. Головка напряглась до твердости орешка.

— ...вот-вот, скоро кончу-у... — изрекли уста Лены помимо ее желания.

И тогда Госпожа потянула за веревку, связывающую анальный вкладыш с вздыбленными руками. Зад рабыни отклячился назад и потерял связь с вибратором.

Лена завывала.

— Умоляю Вас, Госпожа, позвольте кончить! — взмолилась в разрешенные полголоса.

— Ничего не напоминает, гнида? — прошептала Надежда в ухо.

— Простите меня, простите! Все, что угодно, только отпустите мой зад...

— А я отпущу, тварь... слышишь, как сладко массажер вибрирует? Так и просит твой поганый клитор, так и манит... так, падаль? — эти слова сказала, за волосы заломив голову Лены назад.

— Да, Госпожа, я хочу...

— А если хочешь, то выбирай, — с этими словами на левой ладони показала три плетки, за счет баланса лежащие устойчиво. Одна густая многохвостка с грузиками на концах, вторая с общим стволем, который на локоть от ручки делился на три упругие гибкие плети, третья — лоза-стек, след от которой особо поразил Лену после экзекуции Бори.

— Многохвостку, Госпожа. — Схитрила Лена.

— Тогда десять ударов. Считай вслух. Собьешься — отсчет начнется заново.

Отпустила веревку, но, к огромному сожалению Лены, выключила вибратор. Шишка встала между ног только лишь храня тепло ее тела. О возбуждении можно забыть, тем более что ягодицы ожег первый удар.

— Раз, — поторопилась сказать Лена и завывала. Было больно.

— Два, три, четыре... — и с каждым разом становилось все больше и больше. Из глаз водопадом лились слезы, мысли путались и на счете «восемь» она сказала «девять», желая побыстрее прекратить экзекуцию и получив одним грузиком по оголенному клитору — Надежда догадалась оттянуть ее от стойки с вибратором, который самые чувственные места все-таки защищал.

Отсчет до десяти начинался еще два раза — Госпожа была непреклонна, но наконец-то избирая Ленина промежность почувствовала долгожданную вибрацию...

Она сама предательски сообщала Госпоже, что вот-вот кончит и получала новую порцию наказания. Счет таким циклам Лена потеряла на шестом разе. Потом все вспоминалось в тумане, кроме адской боли, которую с зубной и сравнивать было нельзя. Вырвать нерв без анестезии? Согласна всеми конечностями, только не пытка оргазмом и плетью!

Почему и как она кончила, Лена не вспомнила, но кайф ее потряс. Каждую клеточку тела залил удовольствием. Если бы не пощечины Госпожи, то спала бы она еще век и тысячелетие в придачу. На мгновенье показалось, что она умерла от счастья.

— Просыпайся, сука, не виси на цепи... снова рифма, — Хохотнула довольная Госпожа, отстегивая Лену от ножных стоек и дыбы. — Иди сюда... не шатайся, млядь! К кресту подходи... может он тебя, ведьму, покорежит. — Сказала многозначительно. То ли пошутила, то ли всерьез верила сказанному.

— Я потом определю, кто из вас ведьма, — произнесла бессознательная Лена невозможным для нее низким голосом. Поп с амвона провозгласил поставленным басом, но никак не она.

Надежда на секунду застыла. Не испугалась, но ошалела на время. Опомившись, захлестала рабыню, требуя объяснить, что все это значит, та только орала в полголоса, но ничего ответить не смогла.

Немного успокоившись и почти позабыв слова неизвестно кого. Госпожа оседлала лицо рабыни и заимела три непередаваемых оргазма. Как рабыня старалась! Словно нектар высасывала, а не вагинальные выделения вперемежку с мочой. Потом заставила ее держать на лобке фаллоимитатор, поленившись цеплять целый пояс и кончила еще два раза. Второй оргазм, поняла по усвоенным в прошлый раз признакам, завещающий.

Обе вымотались. Обе одевались молча. Лена шипела, когда платье касалось вздутого рубца. Повезло еще, что плетки из сексшопа глубоких ран не наносят. Трусы Лена даже пытаться надевать не стала — ягодицы с промежностью — сплошная болящая синь.

— Сука ты, Надя, — первая фраза, сказанная Леной.

— А ты себя рабовладелицей вспомни — ничем не лучше. — Огрызнулась чиновница.

— Снимала?

— Не догадалась. Да и лицо закрывать не хотелось — в маске очень жарко.

— Ну-ну...

Молчали до самого ухода Надежды Александровны, которая даже такси вышла ждать на улицу — проветриться. А мороз ночью стоял вполне себе зимний. И небольшая поземка мела.

Уже засыпая, Лена обратила внимание, что все у нее на месте. Тот самый вырванный «эфир» вновь заполнял тело. Это было... словами не описать. Словно само бытие вернулось и жить становится не зря, не попусту. К удовольствию — неудовольствию, к счастью — несчастью, к горю или радости то странное еле уловимое чувство никакого отношения не

имело.

Спала она в старой пижаме размером на ее, прошлое тело, болтающаяся как ведро на швабре. Густо смазала промежность мазью от синяков, увидев которое ужаснулась — огромные бардовые вареники, между которыми будто бы выдавливались синие со ссадинами опухшие малые половые губы, ставшие большими. Когда ходила в туалет по малому — жгло безбожно.

Утром, уклонившись от удивленных расспросов мужа, сделала ему изумительный минет, с удовольствием проглотив показавшуюся сладкой сперму.

Глава 20. Итог закономерен. Жадность всегда наказуема

Приняв душ, осторожно моя мыльной рукой ягодицы и промежность, сексуальных чувств не испытывая, почистив зубы и суша волосы феном, приняла кардинальное решение — хватит играть в бизнесвумен, не ее это. Останется простой работницей и просто мамой и женой. Ощущение тайной власти есть и этого достаточно.

Состоялся странный разговор с Виталиной, где она сначала категорически отказывалась принимать на себя всю ответственность не только за фирму, но и за все здание с купленной у города землей. Убедить ее удалось только пообещав заплатить первичный налог из средств Бори, которого она уговорит.

Уговорить раба удалось без труда, а что он пел остальным акционерам Лена интересовало мало. На следующий день оформив сделку, при заключении которой бывшие супруги вели себя на удивление корректно, Лена почувствовала свободной, как птица в полете и, вернувшись с Виталиной в офис, случайно наткнулась на Андрея и возбудилась мгновенно. Незаметно шепнула ему идти к ней в массажную, попросила Виталину подождать ее в кабинете, намекнув, что «прихватило», для наглядности погладив живот.

В массажной Андрей устроил ее жесткий и быстрый анал, от которого Лена улетела, простонав в охотку, не стесняясь, и полностью удовлетворилась. Ему тоже разрешила получить удовольствие, сняв блок окончательно. Но только при обоюдном согласии, без насилия с его стороны. Перед уходом раба приказала ему забыть об увиденных им синяках и ссадинах на ягодицах, которые своей болью при глубоких фикциях Пустышки, до шлепков по заднице, как ни странно, только распалили ее. Подмылась, аккуратно вытерлась и даже подкрасилась. В кабинете хозяйки предстала во всей красе.

Виталина разлила вина, чокнулись бокалами со звоном и выпили за успешное завершение сделки.

Просматривая рубиновую жидкость на просвет — Лена забыла какого года и какой коллекции из Италии — директриса заговорила издалека.

— Коллектив у нас небольшой и почти полностью бабский, поэтому слухи разлетаются как модная парфюмерия от Пако-Рабано. О тебе стали говорить, что ты ущемления поясицы и шеи наловчилась исправлять. Даже наш Виктор Андреевич, массажист-остеопат, которого я из Института Неврологии переманила, отзывается о тебе как о «топорнице, конечно, но с потенциалом». А он ворчун старый и похвалы от него никто еще не слышал...

— Стараюсь, Вита, расту. Опыта набираюсь, ролики умные просматриваю. Сила в кистях увеличилась — самой не верится.

— Клиентов заметно прибавилось, несмотря на поднятие цен... на фитнес идут, в сауны, к другим массажистам. Абонементы как горячие пирожки в мороз расходятся. Но только после тебя, после хотя бы однократного посещения. Это лично я заметила, когда сводку изучила...

— Что ж, я рада, что передала полное управление всем АО, включая волокиту с городом, в надежные руки. Ты — точно контору не развалишь...

— Без тебя? — резко спросила Виталина, глянув Лене в лицо. Пронзительным взглядом.

— Как без меня?! — до Лены не дошел тон вопроса, подразумевающий нежелание ее

ухода; она восприняла его наоборот, вроде бы услышав в начале фразы слово «даже», и обозлилась от дичайшей несправедливости.

— Ты собираешься меня уволить? За что? А-а-а, поняла... как только я перестала быть хозяйкой, так все, до свиданья, Леночка, всего тебе доброго? И это твоя благодарность?! — бокал с недопитым вином с хрустом опустился на стол — тонкая ножка обломалась. Красная, похожая на кровь жидкость растеклась по ультрасовременному стеклу.

Виталина побледнела. Поставила свой бокал, шагнула к Лене и упала перед ней на колени. Руками обхватила ее ягодицы и прижалась лицом к животу. Лена дернулась от боли, прошипела змеей и скривилась. Но вырваться не стала — терпела.

— Леночка, что ты, — горячо затараторила Виталина. — Ты мне очень, очень нужна! Я испугалась, что можешь уйти, что тебя переманили, раз ты так легко от целого состояния отказалась. Ты не так меня поняла, прости, я запуталась... а хочешь, я снова это тебе сделаю... только не увольняйся, пожалуйста! Я считаю, что без тебя мы точно захиреем...

Лена еле освободилась от ее хватки, пришедшегося как раз на заживающие рубцы. Если бы несколько минут назад не была глубоко оттрахана и если бы гениталии все еще не представляли собой сдувшиеся пельмени, то, скорей всего, не упустила бы возможность повторить полузабытую женскую ласку.

— Во-первых, Вита, не захиреете. Само расположение салона в центре города, да нормальный, в целом, персонал — вывезете. Да и за дело ты болееешь, еще раз убедились. А во-вторых, я увольняться не собираюсь. С чего ты взяла? Я не бизнесвумен, в отличие от тебя, мне бумаг и отчетов, в которые приходилось вникать, по уши хватило. Нет уж, давай без меня. Всех денег не заработаешь. Но от прибавки к окладу, в связи с потерей дивидендов, не откажусь.

— Само собой, — обрадовалась Виталина. Встала с колен, отряхнула брюки и дальше пошел деловой разговор.

Следующие три дня Лена прожила как в другом мире. Сводила детей в зоопарк, куда давно просились, накормила мороженым от пуза, дома вкусняшки готовила, что даже Серега заметил и пива стал потреблять гораздо меньше.

— Ты чего это, мать, счастьем вся светишься.

— Люблю я вас, идиотов, включая тебя, сиволапого.

Вопреки ожиданиям Лены, муж не обиделся.

И тут звонок бывшей рабыни, Надежды Александровны.

— Здравствуй, Лена.

— И тебе не хворать, Надя, — поддержала ее Лена, с заметным холодом в голосе.

— Ты там выбери время и в ближайшие дни будь добра в центр «ДНК» явиться, пожалуйста.

— А в чем, собственно, дело?

— А ты обрати внимания на «Дарственную» на дом. — Довольным тоном сообщила Надежда Александровна. — Я дарила его своей племяннице. Дочери родной сестры, которая лет двадцать как почивает в бозе. Поняла? Сделка недействительной окажется, если ты мне двести штук баксов не вернешь. Но сильно не переживай, твоя квартира пока за тобой остается, город даже ипотеку закрыл.

— Да какие двести! У тебя со всеми наворотами сто ушло!

— А не нравится, Леночка, у Бори потребуй. Он тебе, я уверена, не откажет. Могу его видео простимулировать, ты знаешь какими. Могу твою красоту в инстаграм выложить. Тебе

это надо?

— Стой, Надя, я поняла. Тебе жалко твои кровно заработанные деньги, и ты хочешь их вернуть. Верно?

— Да, мудрая, женщина, верно. А если с добавкой, то еще лучше. У меня внук в Гарвард поступать собрался, а это, я тебе скажу...

— Не говори ничего, я поняла. Давай через два дня встретимся — я с Борей попробую разобраться, и все решим лично. Деньги в конверте. Наличка, кстати, устроит?

— Устроит, — усмехнулась чиновница. — Но смотри, если что, то независимо от моего желания видео с Борей пойдет в народ. Только я могу его отменить, лично. И спонсора ты лишишься на веки вечные. Часть его капиталов принадлежат недавним «браткам», а черта в казначеях они точно держать не станут. Убить — не убьют, мараться не станут, но по миру пустят.

— Я знаю, Надя, могла бы не напоминать.

— Это я на всякий случай. И заранее предупреждаю — ко мне не приближаться. Пакет оставила — я забрала. Не приближаться! Место выбираю сама.

— А от тебя какие гарантии?

— Честное слово., - усмехаясь, сказала чиновница. И посерьезнела. — Я не маленькая и долго жить хочу. Зуб и что хочешь могу оставить.

— Флэшку...

— Само собой! Но ты же современная, понимаешь ненадежность реальных носителей, есть еще копии и разные обезличенные «облака» или «диски». Клянусь собой! Душой и телом клянусь, что все, отстану.

— Заметано. Дня через два жди звонка. И помни, что есть еще запись с твоим открытым фейсом в образе Госпожи. Андрея не забыла? Твоему сугубо нравственному начальству оно очень по вкусу придется. Баш на баш. Ты тоже верь моему честному слову. — С этими словами, пребывая в самых смешанных чувствах, Лена отключилась.

Встреча состоялась на пустыре за городом. Рядом с лесом, где летом и по малой осени Лена вела «тихую охоту».

Джип Надежды остановится напротив тойоты Лены. Лена усмехнулась, вышла из машины и положила на капот толстый конверт. Снова села за руль. Надежда, не глуша двигатель, подошла к конверту. Взяла в руки. Открыла. Глаза полезли га лоб, и тут Лена, демонстрируя открыто смартфон, даже повернула его лицом к чиновнице, которая, впрочем, в сторону Лены не смотрела, пораженная нарезкой бумаги вместо денег, палец Лены завел красный шарик вверх. Да. Несмотря на потерю всей власти, управление Надеждой, как сексуальным партером осталось.

Буквально через полминуты ее скрутило. Она схватилась за промежность и, дико глянув на Лену, спокойно сидевшую на водительском месте своей скромной тойоты, резко бросилась к своей машине и нажата на газ.

Лена, усмехнувшись, подняла шарик еще выше. С места не трогалась, точно зная, что противница вернется. От нечего делать, поиграла шариком еще. Вверх, переходя в кнопку «оргазм», активировать которую пока не думая, и вниз. И так несколько раз.

Надежда Александровна вернулась через целых сорок минут. Лена уже устала сжать. Вышла из машины, встала на колени, не убирая первую руку между ног.

— Госпожа, — со слезами в голосе, преодолевая себя, произнесла Надежда. — Позвольте мне кончить, пожалуйста...

— Да почему же не позволить? Позволю, конечно. Иди за мной. — С этими словами пошла в заснеженный лес. Надежда Александровна, периодически со стоном натирая джинсы между ног, посеменила за ней.

Яму, где обрела артефакт, Лена находила еще осенью и никаких следов от старого скелета не обнаруживала. Он, похоже, рассыпался в прах. Сейчас же все было завалено снегом, но эта яма, как берлога, была чиста. Две женщины, утопая в снегу, дошли без лыж. Ноябрь — сугробы только с наветренной стороны.

Подойдя к обрыву, Лена заставила Надежду встать рядом с ней.

— Вот он, амулет, видишь? — говорила Лена круча перед носом Надежды айфоном.

— Да, вижу, — ответила безразлично, активно переминаясь.

— Хочешь, тебе отдам?

— Хочу. Очень хочу. Только кончить позволь.

— Жадная, да? Ну, держи. — С этими словами Лена нажала на кнопку «оргазм» и выбрала из меню впервые появившуюся надпись «вечный».

Глаза Надежды застыли, она перестала реагировать на внешние воздействия. Лена насильно засунула в кулак Надежды айфон, сжала ее руку, для надежности сунула в расстегнутую молнию куртки, прижав, к левой груди. Немного дернула замок вверх насколько возможно и спихнула застывшее вертикально тело в обрыв.

Тело скатилось и на дне оказалось лицом вверх. Глаза были открыты и в них плескалось неопишное наслаждение. Правая рука спрятана под курткой, левая лежала вдоль тела.

Лена смотрела на нее сверху и понимала, что совершила убийство. Но в душе не колыхнулось ничего...

Рядом, словно вырастая из-под земли, появился Андрей.

— Засыпать ее? — спросил, не добавив ни Лена, ни Госпожа.

— Подожди. Я посмотрю еще. Жалко ее...

— Она в кайфе, Лена. Это как «золотой укол» у наркоманов. О себе переживай. Ее искать будут, и будут упорно. Не последняя женщина. Смотри, как бы на тебя не вышли.

— Надеюсь, не выйдут. Скоро снег пойдет... Смори!!! — проорала, указывая рукой на Надежду.

Одежда женщины поползла, сжимаясь, как шагреновая кожа. Лицо стремительно старело и постепенно превращалось в мумию. Вскоре она превратилась в полностью иссохший голый труп, правая рука которого лежала на груди и держала берестяной свиток.

— Твоя свобода, Андрей, забирай, — устало сообщила Лена, показывая на свиток.

Андрей же, нахмурившись, взялся за лопату, принесенную заранее. На мумию Надежды Андреевны посыпалась земля. Яма вскоре была почти заполнена и, как по заказу, пошел густой снег.

— Идем. Лен, все, что могли, мы сделали. А то заметет. — Предложил Андрей, приобняв Лену. — Собаки не учуют, не волнуйся.

Так они и вернулись, обнявшись. Обыскали в перчатках машину Надежды и нашли только их конверт с бумажной нарезкой. Забрали. Андрей сел в джип чиновницы, Лена поехала на своей.

Джип бросили с противоположной стороны лесочка. Домой поехали вместе.

— Видео с Борей, как она обещала, выплывет. Что будешь делать?

— А насрать. Лишат его большей части богатства или нет — по барабану.

— Я знал, что ты не жадная... Лен, пожалуйста, прикажи мне попрыгать ногами.

Лена усмехнулась, поняв его желание — свиток закопан. И как теперь быть с его рабством?

— Прыгай ногами, пока я не прикажу остановиться, — с усмешкой приказала она.

Андрей терпел целых полминуты, но его ноги задергались. И он... счастливо расхохотался.

— Ты чего? — испугалась Лена, руля.

— А я... я всю жизнь боялся кого-то убить! Как меня манило придушить тех грязных девок! На страхе быть пойманным держался, когда пожизненное стопудово... Но теперь мне это не светит. Спасибо, Лен. И, пожалуйста, угомони мне ноги.

— Перестань прыгать — приказ. — Ноги Андрея остановились. — А знаешь, что я тебе еще скажу, как рабу, не обижайся на это слово, это только значит, что не предашь. После того, как я отпустила из рабства Надю, я заметила, что для массажа мне больше айфон не нужен. Понимаешь? Не надо делать слепок души, руки сами управляют чужим телом — не важно, запечатлено оно или нет, я социально проверяла.

— И что это значит?

— А ничего. Буду жить своей жизнью и все. Профессия массажистки — ничем не хуже других. Вот и все, Андрей. А тебе приказываю обо всем, что случилось за последние три часа забыть.

Но самое главное, почему она решилась на то, что решилась, это надпись в айфоне, которая появилась сегодня ночью. «вероятность забеременеть 80 % Предупреждение! Душа ребенка будет сканирована. Хотите забеременеть? «Да», «Нет». Тогда она нажала «нет». А очень, очень хотелось «да»...

Андрея она высадила около его дома и домой приехала одна. Шел густой снегопад с большими тяжелыми снежинками. Ни ветерка. Загнала машину в гараж, который к ее удовольствию открылся и закрылся сам, легко слушаясь пульта. Вошла в дом из гаражной двери, выходящей к котельной. Не поленилась и пошагала еще десяток метров — дверь в «красную» комнату видела четко.

Поднялась в зал и там, в прихожей, разделась.

Муж пил пиво с чипсами и играл на огромном телике в игрушку. Прихода жены не заметил. Лена счастливо потянулась и прошла в спальню. Ей безумно захотелось спать. Просто спать. А завтра начнется новая жизнь...

Прошу дорогого читателя простимулировать автора: карта СБ 2202200313656892 сумма любая.